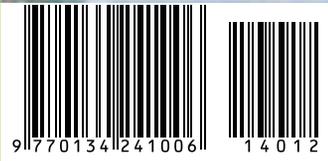

12 (690) декабрь, 2014

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

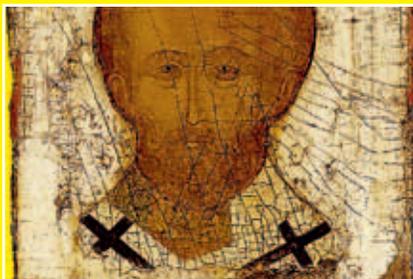
ISSN 0134 - 241X

В центре внимания

КАРАБОЛКА — ТЕМНАЯ ВОДА

ОБЕТ ИОНЫ-СТРОИТЕЛЯ

ОТРАВЛЕННЫЕ ЗЕМЛИ
ЧУСОВОЙ

Декабрь 2014

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1 стр. обложки: Президент Русского географического общества Сергей Шойгу с уральским цитрином. Автор фото Вадим Осадчий.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО в республике Татарстан

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Камилль Зиганшин, Председатель отделения РГО в республике Башкортостан
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2014 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №12 (690), 2014.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях CD, DVD, флеш-картах). Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы помеченные знаком **УС** публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com» №12. Отпечатано в типографии АМБ, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59. Телефон: +7 (343) 251-65-91. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 25.11.2014 года. Заказ №:

Встречный ветер

Камни Урала

М. ПОПОВ
Богатства
Гранатовой
горы 12

Добрые попутчики

М. ФИРСОВ

Русское географическое общество
XV съезд, I фестиваль 3

Страна топонимия

М. ГИМАДИЕВ
Кого и когда
караулила
гора? 16

Река времени

Юбилей

А. КАЛИНКИН,
Е. СКУРЬСКИНА,
С. ЯНОВЫХИНА
Первые
страницы 8

Портреты

О. ОЖГИБЕСОВА
Телебашня звалась
«Николаевной»... 18

Верхотурские
были-небыли
Ю. ГОРБУНОВ
Двое любящих и Бог
Обитель 25

Портреты

В. ВОЛЬХИНА
Благородный
разбойник
Ринальдо 30

Наши проекты

Ю. ГОРБУНОВ
О. ДОЛГИХ
История России.
Река Чусовая.
Первоуральск..... 32

Дальнее-близкое

Е. СТУДЕННИКОВ
Жизнь
и смерть Русской
Караболки 39

Родословная

Н. ЗАПОРОЖЦЕВА
Жаковы –
букет талантов..... 42

Журнал в журнале

Аэлита

Фото: Михаила Горюнова, Вадима Осадчего, Максима Фирсова

Русское географическое общество

XV съезд, I фестиваль

7 ноября в Москве, в Московском государственном университете, прошел очередной, 15-й съезд Русского географического общества. Съезду предшествовал первый фестиваль общества, продлившийся с 31 октября до 6 ноября. Свердловскую область на фестивале представляли журнал «Уральский следопыт» и сотрудники Уральского центра камня с геолого-минералогической коллекцией.

31 октября Президент Русского географического общества, министр обороны России Сергей Шойгу дал старт первому Фестивалю Общества в Центральном доме художника в Москве.

«Сегодняшний день, 31 октября, несомненно, войдет в славную историю Русского географического общества. Войдет как день рождения его новой традиции. Я выражаю признательность тем, кто пришел разделить наш праздник, в том числе коллегам из зарубежных географических обществ, которых мы искренне рады видеть здесь. Особые слова тем, кто помог организовать Фестиваль: нашим партнерам и единомышленникам, нашим почитателям. Благодаря этим увлеченным людям Русское географическое общество получило возможность широко и ярко показать то, чем оно занимается.»

После открытия фестиваля Сергей Кужугетович вместе с почетными

гостями обошел фестивальную площадку.

Перед свердловским стендом он задержался, заслушал мой доклад об экспедиции к самой восточной точке Европы, принял отчетный журнал «Уральский следопыт». Руководители региональных отделений РГО Республики Коми и Ямало-ненецкого автономного округа согласились принять участие в установлении в следующем сезоне памятного знака. Планируется из природного камня изготовить монумент с памятной гравировкой и доставить его на плато и установить силами трех отделений общества. Фират Нурмухаметов от горщиков вручил Сергею Шойгу композицию из уральских минералов «Старатель» — тачка медного добытчика наполнена самоцветами.

На фестивале в разной мере были представлены все отделения РГО. Кто-то только стендом, как самое молодое Крымское отделение. Наш постоянный автор руководитель Челябинского отделения Сергей Захаров демонстрировал разнообразие научных работ, вы-

◀ Президент Русского географического общества Сергей Шойгу на стенде Свердловского отделения

▲ Челябинское отделение Русского географического общества

пушенных за последние пять лет, популярно объясняя посетителям сложные выводы географических сборников и монографий. Для любознательных исследователей предлагалось поддержать в руках кусочек самого древнего на Земле вещества — обломок Чебаркульского метеорита возрастом более 4,5 миллиарда лет и медаль из драгоценного металла, посвященную прошлогоднему событию, которую изготовили златоустовские умельцы небольшой подарочной партией.

На площадках фестиваля были развернуто представлены экспедиции и путешествия РГО, их результаты и достижения. Так, погружению на полсебе холода России посвящена экспозиция исследовательского отряда отделения РГО в республике Татарстан. В течение нескольких дней, с 6 по 9 марта, подводные исследователи погружались под лед озер Лабынкыр и Ворота, которые входят в число самых холодных водое-

мов мира. Озера находятся в труднодоступном районе Якутии, вдали от дорог и населенных пунктов. Можно было увидеть полную экипировку водолаза, способную выдерживать погружение в условиях экстремально низких температур на большие глубины.

Якутские коллеги привезли в Москву и показывали в специальной криокамере мамонтенка Юку, а в зале за день собрали скелет взрослого мамонта! Изделия сибирских мастеров по кости украсили стилизованные юрты, демонстрирующие быт северных кочевников-оленьеводов.

Экспозиция арктического лагеря «Борнео» показывала условия, в которых оказались ребята этого молодежного лагеря. Специальные палатки, раскладушки, спальные мешки... Каким хрупким кажется мир станции, отделяющийся от ледяной пустыни несколькими слоями ткани и утеплителя! Ямало-ненецкий автономный округ

▲ Отделение Русского географического общества республики Татарстан

на мультимедийном экране знакомил с результатами многолетнего исследования северных территорий, известных нам как Лукоморье.

Наши соседи из Курганской области выставили сразу три экспозиции: самую обширную коллекцию компасов, сувенирные изделия из кожи и металла, а также изделия из бересты.

На стенде Свердловской области можно было познакомиться с образцами минерального царства со всего Урала. Изделия из самоцветов всегда находились в плотном кольце зрителей. Геологи, с которыми мы провели не одну неделю в летней экспедиции, терпеливо и доступно перечисляли названия всех образцов, их строение и характеристики, использование и применение. Здесь же можно было познакомиться и приобрести журнал «Уральский следопыт». Интересно было слышать, как соседи-уральцы после рассказов о сво-

▼ Отделение Русского географического общества Ямало-Ненецкого автономного округа

▲ Курганское отделение Русского географического общества

www.uralstalker.com

▲ С докладом о работе организации за 2010-2014 годы выступил Президент Общества Сергей Шойгу. Кроме того, была утверждена новая редакция Устава Общества, избран Президент Общества, члены Ревизионной комиссии, Управляющего и Ученого советов, а также рассмотрены ряд рабочих вопросов

▼ В работе съезда приняли участие Председатель Попечительского Совета Общества, Президент России Владимир Путин, Президент Русского географического общества Сергей Шойгу, 226 делегатов со всей страны и почетные гости

их достопримечательностях отсылали к стенду «Следопыта»: «Там все доступно описано, прочитайте!».

Что очень порадовало — огромное количество посетителей. Я давно не видел такие очереди на входе. Было много детей. Специально для них организаторы подготовили множество развлекательных и познавательных программ, квестов и конкурсов. Вместе с родителями ребята знакомились с регионами нашей огромной страны, изучали экспонаты, вместе внимательно слушая рассказы специалистов.

Фестиваль продолжался семь дней, его посетило около 60 тысяч человек. В дни Фестиваля были заключены соглашения с географическими обществами 10 стран. **УС**

► 7 ноября 2014 года в Москве, в Ломоносовском корпусе Московского государственного университета, состоялся очередной Съезд Русского географического общества. Делегаты 15 съезда от Свердловского отделения Русского географического общества – Председатель Свердловского отделения РГО Михаил Петрович Горюнов и главный редактор журнала «Уральский следопыт» Максим Юрьевич Фирсов

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО НА РУСИ

37-я международная
выставка

ЛУЧШАЯ ВЫСТАВКА РОССИИ 2014г.
по тематике «Досуг, охота и рыбалка» во всех номинациях

25 февраля - 1 марта, 2015г.
Москва, ВДНХ, павильоны 75, 69

РУССКАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ
КОМПАНИЯ «ЭКСПОДИЗАЙН»

+7 (499) 181-44-74 +7 (495) 258-87-66 www.hunting-expo.ru

Первые страницы

К 90-летию Всероссийского общества охраны природы

1924 год... Молодая Россия только начинает приходить в себя после революционных потрясений и последствий Гражданской войны. Но именно в это переломное время, когда новой власти одновременно надо было решать множество чрезвычайно трудных задач, и создается Общество охраны природы. Это говорит о том, что за данным событием стояли уникальные в своей преданности идее и одержимости делом люди. Один из них — Франц Францевич Шиллингер, первый заведующий отделом по охране природы при Главном управлении научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР.

Родом Франц Францевич был из Австрии, вместе с отцом-лесоводом в конце 19 века он приехал в Россию на заработки и остался здесь навсегда. Ф. Шиллингер много путешествовал, изучал богатый животный и растительный мир своей новой родины. Результатом этих зоологических поездок стала таксидермическая мастерская в Нижнем Новгороде, получавшая заказы из разных концов страны. Когда произошли события 1917 года, Франц Францевич принял их и продолжил служить делу России. А это служение он видел, прежде всего, в сохранении природы. Первые, как бы мы сейчас сказали, «зеленые» декреты, которые подписывал

**А. Калинин,
Е. Скурыхина,
С. Яновская**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Ленин, были составлены именно Францем Шиллингером.

29 ноября 1924 года — официальная дата создания Всероссийского общества охраны природы. В этот день народным комиссариатом внутренних дел был утвержден Устав общества. В его разработке Франц Францевич также принимал активное участие. Самой главной и важной задачей деятельности общества первый заведующий и его коллеги считали

просвещение, просветительство. Как нетрудно предположить, в таком экологическом ликбезе в то время нуждались практически все слои населения — от простых рабочих до представителей новой власти. Поэтому вдвойне поражает масштаб проделанной работы: за короткое время в стране создается двадцать! заповедников (в царской России таких территорий было в разы меньше), начинает издаваться журнал «Охрана природы», выходят первые кинофильмы о жизни животных. А сколько было прочитано лекций, популяризирующих природоохранное движение!

Дальнейшая судьба самого Франца Францевича сложилась трагически. В годы массовых репрессий он был арестован по подозрению в шпионаже и сослан на север нашей области в Северлаг, где и завершил свой земной путь в 1943 году. Долгое время о Шиллингере, о его роли в создании общества ничего не было известно. Только в начале 90-х годов 20 века стараниями ученого-эколога, писателя Феликса Робертовича Штильмарка имя этого замечательного человека вернулось на историческую сцену.

Урал связывает с Ф. Шиллингером еще одно немаловажное обстоятельство. В областном краеведческом музее хранится его коллекция рельефных, очень редких для России, картин. Уникальность их в том, что для создания образа мастером использованы полубъемные чучела птиц. Такой вид живописи, совмещенный с таксидермическим искусством, был популярен в странах Западной Европы и мало распространен у нас.

После ремонта одного из залов Екатеринбургского музея природы у посетителей появится возможность познакомиться с уникальными картинами Франца Францевича Шиллингера. Можно сказать, что это тоже будет своего рода подарок к 90-летию Всероссийского общества охраны природы.

Наша история

На Урал «зеленая» инициатива пришла почти на четверть века позже. Но, несмотря на такое «опоздание», Свердловское областное отделение ВООП тоже имеет долгую и богатую событиями историю — длиной в 67 лет!

За эти годы был преодолен большой и часто тернистый путь: от первых осторожных попыток заявить о себе до громких резонансных дел. Промышленные уральские города остро нуждались в озеленении, перед сельским хозяйством стояли но-

вые задачи (к примеру, развитие садоводства и пчеловодства), ну а главное — заводы, работающие по принципу «догоним и перегоним», представляли собой серьезную угрозу экологии края.

В архиве Свердловского общества хранится немало свидетельств того, как сложно решались многие природоохранные задачи. Но всегда, все годы «зеленое» движение объединяло инициативных, принципиальных, неравнодушных людей. Их энтузиазм, готовность отстаивать свою точку зрения в инстанциях самого разного уровня, их служение делу пробивали чиновничьи стены и сворачивали бюрократические горы. А значит — сохранялись леса и парки, останавливалось загрязнение рек, прекращались выбросы в атмосферу.

«В настоящее время наша организация переживает обновление и возрождение, — говорит председатель Свердловского областного отделения Всероссийского общества охраны природы Николай Калинин. — Во-первых, потому, что обновились его центральные органы в Москве. В руководство при поддержке региональных отделений пришли молодые энергичные специалисты-экологи, политики, бизнесмены, которые уже решили ряд острых проблем, стоявших перед ВООП. Во-вторых, обновление и возрождение Общества охраны природы сегодня — это веление времени. Приходит новая «зеленая волна», она видна и по заявлениям лидеров России, и по некоторым измене-

ниям в российском и региональном законодательстве, по отношению многих предприятий, их владельцев к решению экологических проблем».

Молодо — не «зелено»

Давайте «проживем» один год вместе со Свердловским отделением Всероссийского общества охраны природы. Дела всегда доказательнее слов.

Летом 2013 года в массовой экологической акции «Зеленая волна», посвященной Году охраны окружающей среды в России, приняло участие 35 детских экологических коллективов из 25 городов Свердловской области. Силами юных экологов и биологов убраны тонны мусора, установле-

ны сотни аншлагов и указателей, высажено множество деревьев и цветов, подготовлены интересные научные проекты.

31 мая 2014 года в г. Екатеринбурге, в районе Уралмаш, рядом с одним из торговых центров сети «Монетка» состоялась акция по посадке шестидесяти саженцев деревьев: березы, рябины, сосны, лиственницы. Совместная работа коммерческой и общественной экологической организации явилась хорошим примером сотрудничества и способствовала озеленению города.

При поддержке коммерческих организаций в течение года удалось провести три акции по посадке двухсот саженцев березы и сосны в прибрежной полосе озера Шарташ в рамках проекта: «Любимому Шарташу — нашу заботу и защиту».

В начале лета активисты Свердловского отделения Всероссийского

го общества охраны природы в третий раз приняли участие в субботнике по очистке береговой линии Ревдинского городского пруда. В состав «зеленой бригады» вошли руководство и сотрудники Среднеуральского медеплавильного завода, Ревдинского метизно-металлургического завода и экологическая общественность города Ревды. В итоге было поднято из воды в прибрежной зоне пруда несколько десятков тонн мусора, в том числе крупногабаритного.

30 августа 2014 года состоялся Всероссийский экологический субботник «Зеленая Россия». В качестве одного из организаторов экологического субботника в г. Екатеринбург выступило Свердловское отделение ВООП при поддержке Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. Во время проведения субботника были очищены от мусора участки в парках, скверах, на пляжах, в зонах отдыха вблизи водоемов, в лесных парках города Екатеринбурга: Шарташском, Юго-Западном, им. Лесоводов России, Мало-Истокском, Оборошинском, Шувакишском, Московском, Железнодорожном. Общее количество участников экологического субботника в г. Екатеринбург составило более тысячи человек, убрано и вывезено на полигоны ТБО несколько десятков тонн мусора.

В последнюю неделю июня на озере Песчаном, в живописном уголке нетронутой природы окрестностей Екатеринбурга, прошел 20-й Российский студенческий экологический семинар, в котором приняли участие студенты из одиннадцати вузов России и Казахстана. Идея проведения семинара принадлежит выдающемуся ученому-экологу профессору УГТУ-УПИ Георгию Дмитриевичу Харламповичу. Разрабатывая концепцию

экологического лагеря, Г.Д. Харлампович считал, что расширение контактов и кругозора будущих специалистов является важнейшей задачей экологического образования. В этом году участие в семинаре приняла делегация из Казахстана, придав таким образом студенческому экологическому семинару статус международного. Кроме того, РСЭС получил поддержку от Министерства природных ресурсов Свердловской области. Помимо встреч, лекций, докладов в рамках молодежного семинара прошел большой экологический субботник. С акватории озера Песчаное был вывезен целый самосвал бытового мусора, около 20 загонувших стволов деревьев, пней и остатков лодок.

Осенью 2014 года Свердловское отделение ВООП при поддержке Среднеуральского медеплавильного завода продолжило участие в программе ООН по охране окружающей среды — «Миллиард деревьев». За сентябрь в городах Ревда и Первоуральск было высажено около тысячи саженцев деревьев. Совместное участие в программе «Миллиард деревьев» организации принимают уже четвертый год. Планируется продолжение участия и в 2015 году.

В этом году началось активное и многоплановое сотрудничество Свердловского отделения Всероссийского общества охраны природы ЗАО «Региональная Строительная Группа — Академическое» города Екатеринбурга. Создан информационный центр «Горячая линия» по приему обращений жителей о выявленных нарушениях на территории Юго-Западного лесного парка. В мае в нём впервые Свердловским областным отделением ВООП была организована пешая прогулка для привлечения людей к активным видам досуга, пропа-

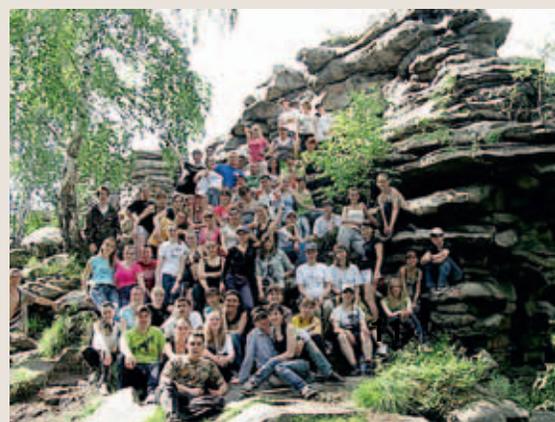
ганды здорового образа жизни, бережного отношения к природе. В дебютной майской экопрогулке приняли участие более ста человек.

6 июня состоялась экологическая акция, посвященная Всемирному дню охраны окружающей среды. Волонтеры СОО ВООП провели «генеральную уборку» береговой линии озера Чемоданчик. Масштаб загрязнения и тут огромен — из воды подняты горы мусора, как бытового, так и крупногабаритного, в том числе скамеек и автомобильных покрышек.

В сентябре для школьников Екатеринбурга прошел конкурс фотографий и рисунков «Наш парк». Победители были награждены Дипломами конкурса и нагрудными знаками «Общество охраны природы» и «Юный друг природы».

Минувшей осенью произошло еще одно важное событие — председатель Свердловского областного отделения Всероссийского общества охраны природы Николай Калинин был награжден Дипломом Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области за победу в конкурсе «ЭкоЛичность», за личный вклад в охрану окружающей среды Свердловской области.

...О том, что мир вступает в непростой политический, экономический и даже географический период, не сказал разве что ленивый. Не научным, но дилетантским взглядом видятся некие параллели между вторым десятилетием 20 века и 21-го. Может быть, это просто совпадение, а может, есть в этом какая-то историческая закономерность. Но как бы то ни было — и в начале пути, и на всем его 90-летнем протяжении на защите нашей маленькой прекрасной планеты стояли достойные, честные, бескомпромиссные люди. Председатель Свердловского областного отделения Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны природы» Н. Калинин убежден: «Наша организация — это, прежде всего, объединение патриотов, патриотов-экологов. Такими мы были, такими мы есть, такими мы будем в будущем». **УГ**

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

Свердловское отделение
Русского географического
общества представляет

Фото автора

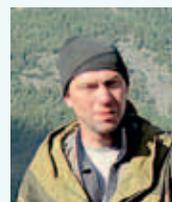
Богатства Гранатовой горы

Граната в горной части ЯНАО настолько много, что он образует целые горы. И это не просто мелкие кристаллы, которые, словно горох или пшено, разбросаны в породе. Гранат, словно мячики для пинг-понга и тенниса, торчит из глыб в несколько тонн.

В предыдущем номере «Уральского следопыта» было рассказано об основных самоцветах ЯНАО. Особо мы остановились на самом известном и благородном — демантоиде. В настоящей статье речь пойдет о менее ценном, но более распространенном гранате — альмандине. Цвет минерала может быть вишневым, малиновым, фиолетовым и бурокрасным. Большое количество данного граната поступает к нам в виде бус, ювелирных вставок, коллекционного материала из Индии, Мадагаскара. У нас в России основным поставщиком подобных гранатов является Кительское месторождение в Карелии. На Урале самые известные и красивые альмандины встречаются и добываются на Глубоченском месторождении около В. Сысерти. Несмотря на обилие гранатов на данных месторождениях, выход ограниченного сырья очень мал. Поэ-

тому образцы с хорошо сформированными кристаллами можно встретить на минералогических выставках в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге.

Но вернемся на территорию ЯНАО, а точнее в Горнохадатинский заказник, где проходила научно-исследовательская экспедиция, проводимая в рамках проекта «Уникальные геологические памятники ЯНАО». Волею судьбы и в результате непреодолимых обстоятельств (так обычно пишут в договорах или отчетах о происшествии, когда хотят снять с себя ответственность) трое участников экспедиции оказались на неработающей базе заказника в ожидании вертолета. Это автор статьи, Андрей Кузьмин (он — «Хозяин Пусьерки» — колоритно взирет с обложки «Уральского следопыта» №10 (688) за октябрь 2014) и Максим Фирсов (без участия главно-

Михаил Попов

Доцент кафедры минералогии Уральского государственного горного университета, кандидат геолого-минералогических наук.

го редактора «Уральского следопыта» в нашей экспедиции не прошли ни одни значимые события и путешествия). В 200 метрах от базы протекал небольшой ручей, и мы, совершая очередную прогулку вдоль него, обнаружили крупные глыбы, сплошь напичканные круглыми крупными гранатами. Обследовав ручей более детально, мы обнаружили порядка 40–50 глыб и кусков с кристаллами альмандина, сконцентрированных в одном месте. Так как глыбы были окатаны не сильно, было выдвинуто предположение, что их «притащило» с соседних гор.

На следующий день, вооружившись молотками, фотоаппаратами и бодрым настроением, мы предприняли небольшой поход в поисках коренных источников гранатов. Погода выдалась солнечной и тихой, мошка уже закончилась, и мы бодро

поднимались к подножию ближайшей к базе горы. В начале пути мы «забурились» в прекрасные голубичные ягодники и позволили себе тридцатиминутный коктейль-отдых. На первом же каменном «языке», вынырнувшем из-под мха, мы увидели крупные куски породы, в которых, как яблоки-ранетки, краснели гранаты. Определив направление сноса дельювия, удалось определить коренной источник гранатов.

Подойдя ближе к горе и поднявшись на ее склон, мы испытали «непередаваемые ощущения». Повсюду (в радиусе 200 метров) встречались темно-зеленой породы, напичканной красными гранатами. Размер самых больших кристаллов доходил до 8–10 см. Было ощущение, что ты попал в заброшенный сад, где на земле валяются перезрелые яблоки. Гранаты на поверхности были выветрелые, часто крошились. Но если удавалось разбить глыбу, то можно было выбить довольно крепкие округлые кристаллы альмандина. Тут же на склоне горы попадались бурые куски с выветрелыми фрагментами жил, напоминающие челюсти динозавров. Мы поднимались все выше и выше по склону, ежеминутно натываясь на красивые куски-глыбы с гранатом. У нас, на Южном, Среднем и Северном Урале, такое встретить стало практически невозможно.

С вершины горы открылся великолепный вид на долину, в которой пасутся «тучные стада» полудиких овцебыков и яков. Максим немного помечтал, как хорошо бы себя в этом месте чувствовали дельтапланеристы. Достаточно мощный поток воздуха по долине подтверждал его догад-

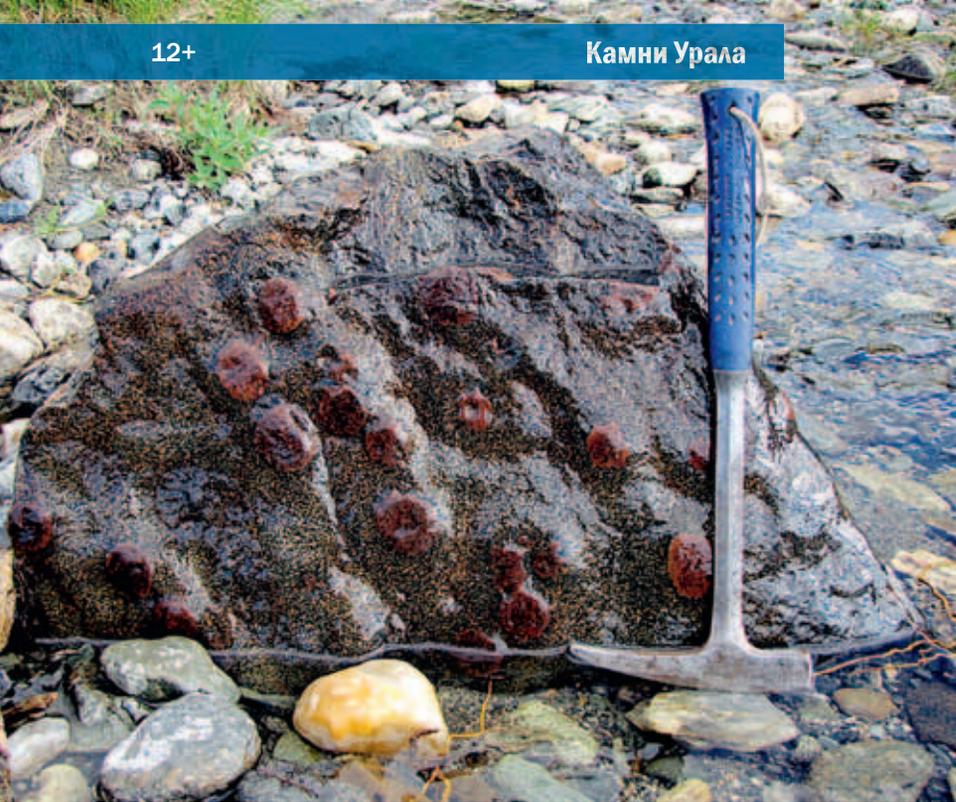
Схема размещения проявлений хромовых руд массива Сьум-Кеу. Морфологические, структурные особенности и особенности вещественного состава проявлений глиноземистых руд определяются их пространственной и генетической связью с породами поздней ассоциации гарцбургитового комплекса (Перевозчиков, Плотновиков, 2009).

- 1 – дунит-верлит-клинопироксенитовый комплекс;
- 2 – верлит-дунитовый комплекс;
- 3 – дунит-гарцбургитовый комплекс;
- 4 – гарцбургитовый комплекс;
- 5 – геологические границы (а), границы ультраосновных пород (б);
- 6 – тектонические разрывы;
- 7 – проявления хромовых руд глиноземистого (1), высокохромистого (2) типов и типа повышенной железистости (3).

Цифрами на схеме обозначены рудопроявления:

- 1 – Няропэ 4;
- 2 – Няропэ 1;
- 3 – 40;
- 4 – 56;
- 5 – 70;
- 6 – 1335;
- 7 – Сэргайское;
- 8 – Пэлянт;
- 9 – 262;
- 10 – 1144;
- 11 – Еснгытарка;
- 12 – Малько;
- 13 – Южное 1;
- 14 – Южное 3;
- 15 – 253;
- 16 – Южное 2;
- 17 – Южное 4.

ки. Мы решили обследовать противоположную сторону горы и ее вершину на предмет развития гранатовой минерализации. Но, к нашему сожалению, с противоположной стороны и на самой вершине гранат встречался редко и все какой-то мелкий. Спустились мы в 400 метрах от места подъема и на середине горы снова попали на значительные выходы глыб с гранатом. На обратном пути мы отобрали крупные образцы для музея и себе на память, попутно набрали грибов и ягод. Вечером у костра мы долго обсуждали увиденное в походе. Родилась мысль назвать это место «Гранатовая гора» и рекомендовать руководству заказника создать

геолого-минералогический тур с похожим названием. Для него есть все предпосылки: рядом база заказника, относительная доступность (из Салехарда час лета на вертолете или 24 часа на машине-вездеходе и 2 км пешком), штUFFы и образцы достаточно эффектно и красивы, каменного материала хватит всем желающим.

Утром, после того как Максим порадовал нас полевыми оладушками-ландориками (с его слов, он делал это в первый раз, но судя по вкусу — привирал), мы провели общую рекогносцировку проявления граната (посмотрели лучшие заходы с базы заказника и с дороги в долине). Издалека стало четко видно, что гора разделена ручьем (он протекает по зоне разлома) на две части. Левая часть (светлоричневая) — это выходы ультрао-

сновных пород, в которых находится проявление хромитов, а правая часть (темно-серо-зеленоватая) — это гранатосодержащие амфиболиты. Лучшие выделения гранатов находятся на нижней части горы в пределах 250 метров вправо от ручья. Вернувшись домой в Екатеринбург, мы познакомились с геологией этого района (см. вставку). Оказалось, что данная гора называется Няропэ и входит в состав массива Сыум-Кей (Няропэинский тектонический блок). Круг завершился. Мы, сами не зная того, посещали различные уникальные минералогические объекты в пределах вышесказанного массива.

По окончании экспедиции в пояснительной записке начальник экспедиции Фират Нурмухаметов настоятельно рекомендовал всем заинтересованным начальникам (кто радеет за памятники природы ЯНАО и въездной туризм) обратить внимания на эти объекты и грамотно использовать их потенциал. Со своей стороны скажу, что данные объекты в настоящий момент — это «лакомые кусочки» для всех, кто любит сам собирать-добывать минералы, дикую нетронутую природу. Только посещая их, можно понять, насколько богат и красив Урал — опорный край державы. В остальных его частях (Южный, Средний, Северный) многое изрыто, завалено мусором, закрыто для посещения. 🇷🇺

Краткая справка

Делювий — скопление рыхлых продуктов выветривания горных пород у подножия и у нижних частей возвышенностей.

Фото автора

Кого и когда караулила гора?

О происхождении названия горы Караульной встречаются разные трактовки — от караульной вышки для наблюдения за окрестностью и до того, что «на ее вершине располагалась застава Ермака».

Краевед Ю.А. Дунаев в книге «Топонимы окрестностей Первоуральска», вышедшей в 1992 году, пишет так: «Караульная, гора на Шайтанском увале с левой стороны р. Чусовой. Она вытянулась с С на Ю на 2 км. До тридцатых годов XX в. на вершине горы стояла вышка для наблюдения за сохранностью леса от пожара и самовольной вырубki. Недалеко проходила граница Билимбаевской заводской дачи. От караульной службы название получила гора».

Знакомясь с работой «Очерк растительности Билимбаевского завода» П.В. Сюзева (выходец из крестьян села Ильинского Пермской губернии, впоследствии ставший видным ботаником), обратил внимание на описание горы Караульной: «Скалы обнаженного кварцита, представляющие нередко отвесные обрывы до 300 фут., а также громадные груды камней и утесов, иногда крайне причудливой формы, придают этой местности дикий и в то же время живописный вид... С одной из вершин Караульной горы открывается прелестный вид на огромное пространство, причем видны заводы: Билимбаевский, Шайтанский и Ревдинский с окружающими их селениями».

▲ Скала Черный Палец

▶ Вышка на г. Караульной

Это был 1889 год, и ни о какой вышке не упоминалось. У меня появилось предположение: может быть, поводом для названия послужили каменные останцы «крайне причудливой формы» и название горы является метафорой?

А в 2011 году Н.В. Акифьева в журнале «Веси» опубликовала статью «Билимбаевские встречи графа С.А. Строганова» — по воспоминаниям Ф.В. Гилева (лесничего Билимбаевского завода).

Ф.В. Гилев: «На другой день граф со свитой поехал на Караульную гору... На горе все любовались ландшафтом. С вершины как на ладони были видны три завода — Билимбаевский, Шайтанский и Ревдинский... Еще он (граф. — М.Г.) заметил, что на вершине горы нет ни шалаша, ни скамейки и усталому туристу негде укрыться от дождя и ветра».

Это было лето 1882 года, через 2 года граф снова побывал в этих краях. Ф.В. Гилев: «Приехали на гору (Караульную. — М.Г.), а там стоит берестяной шалаш и диван, обделанный берестой. Граф удивился и заметил, что раньше его здесь не было».

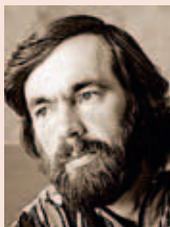
В воспоминаниях Ф.В. Гилева также нет ни слова о вышке. Значит, в кон-

▲ Каменный останец

▼ Вид с горы в сторону Волчихи

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Михаил Гимадиев**

Родился на Урале. Много лет занимался спортивным ориентированием. Увлекается краеведением и фотографией. Живет в Первоуральске.

це XIX века никакой вышки не было, а гора уже имела свое название.

Разгадка (как мне кажется) заключается в следующем. У подножия горы Караульной проходила древняя дорога, называемая «Казанской тропой». Дорог с таким названием, пересекавших Урал, было несколько. Правда, некоторые исследователи считают, что после пересечения Чусовой в районе деревни Верхнемакарово «Казанская тропа» уходила южнее современной Ревды, а здесь проходил отводок в сторону Кунгура. В любом случае дорога была и ею пользовались.

В 1651 году в наших краях была основана Чусовская (Уткинская) слобода. Как это происходило, описано в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. *«Едва только приступили к постройке слободы, как в Петров пост 1651 г. на нее напали татары с верховьев реки Сылвы и присоединившиеся к ним человек с 50 черемисов Казанского уезда, которые считали, что новая слобода нанесет им ущерб. Они разогнали жителей и разграбили их имущество. Пришлось послать из Верхотурья воинскую силу, чтобы восстановить в правах пострадавшую сторону и добиться удовлетворения убытков».*

Миллер также сообщает, что «Указом из Москвы от 22 января 7167 (1659) года было запрещено ездить этой дорогой, для чего на Чусовой учреждалась застава».

Застава, по всей видимости, какое-то время находилась на горе (у горы), получившей впоследствии название Караульной. А вышка появилась гораздо позднее, возможно, даже в начале XX века.

В 2007 году в книге «Кузницы уральского железа» была опубликована моя фотография вышки на горе Караульной, снятая в 2005 году, с ошибочной надписью: «Гора Караульная. 30-е годы XX в.». Эту ошибку без всяких ссылок начали копировать некоторые краеведы. Вышка до сих пор находится на горе, а рядом лежат остатки старой. Судя по всему, старая вышка была более внушительных размеров и могла использоваться для наблюдения за сохранностью леса и т.п., но название гора обрела значительно раньше, когда правители были озабочены сбором пошлины за провозимый товар и нелегальными перемещениями людей.

*Р. С. Совсем недавно ознакомился с копией «ландкарты» реки Чусовой, «сочиненной» в 1732 году «по свидетельству» горного чиновника Константина Гордеева. На этой карте обозначена гора Караульная, что также говорит в пользу выдвинутой версии. **УГ***

Телебашня звалась «Николаевной»

Этот человек при жизни воздвиг себе памятник, равно которому не знала цивилизация — высотой 540 метров! Но по странному стечению обстоятельств грандиозное сооружение, о котором пойдет речь, не только не носит имени своего создателя, — мало кто из живущих знает, кто такой Николай Васильевич Никитин.

По сложившейся традиции Останкинская телебашня должна была называться именем своего создателя — Никитинская. Так же как Шуховская в Москве или Эйфелева в Париже. Как сады Семирамиды. Никому же не приходит в голову называть пирамиду Хеопса Ливийской только потому, что находится она в Ливийской пустыне. Но в государственном акте приемки телебашни обозначена именем 50-летия Октября. А прижилось другое название — Останкинская, по месту нахождения.

Кстати, первоначально под строительство отводились другие участки, но выбор пал на Останкино... Гиблое место. Одно из самых мистических в Москве. Когда-то здесь находилось древнее капище с обрядами жертвоприношений, потом кладбища, в том числе для самоубийц, и Убогий дом — морг, куда свозились тела умерших бродяг, собранных по всей Москве. Может, мистика здесь и ни при чем, но на возведение башни ушло 10 лет! И почти половину этого времени конструктор Никитин доказывал сомневающимся, а таких хватало, что башня в том виде, в каком он ее задумал, имеет право на долгое существование.

Экскурсию для съемочной группы телекомпании «Регион-Тюмень» проводил директор музея телебашни Илья Григорьевич Миндлин. Человек он здесь не новый — что называется, старожил. Пришел в Останкино в 1964 году, когда стройка вышла на уровень пятого этажа.

— Каким я запомнил Никитина? — переспрашивает Илья Григорьевич. — Чрезвычайно добро-

душный, отзывчивый... Всегда, когда я его встречал, — улыбающийся, доброжелательный... Рабочие его любили. Я ни о ком из руководителей не слышал таких отзывов. Они даже башню называли «Николаевна». Но знаю, что жизнь у него была нелегкая...

Тобольск, 1907 год. Когда-то — центр губернии, место сосредоточения гражданской власти в Сибири... Но в начале XX века — это тихий провинциальный городок, где жизнь течет негромко и неторопливо. Транссибирская магистраль, оживившая Сибирь, обошла Тобольск стороной, и вся его жизнь сосредоточена теперь вокруг реки, связывающей город с миром.

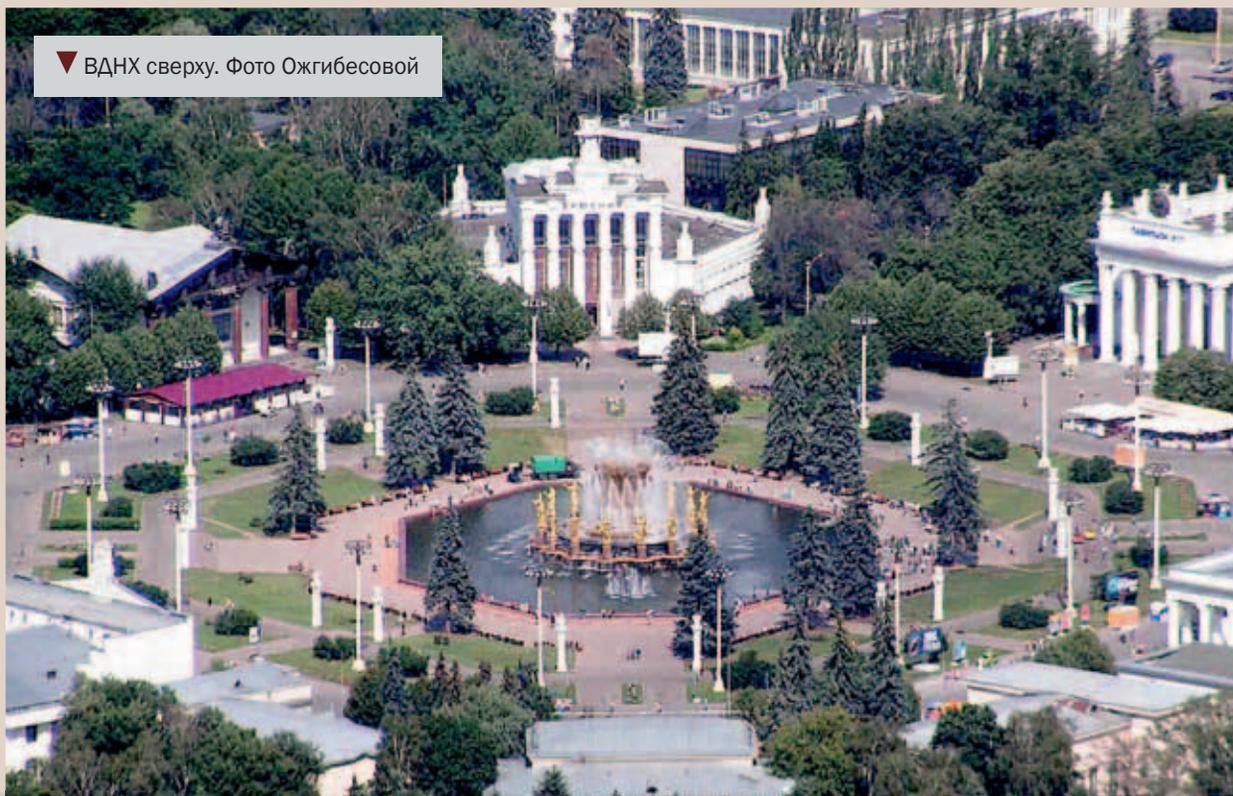
Здесь 15 декабря 1907 года в семье Василия Васильевича и Ольги Николаевны Никитиных родился сын Николай.

Глава семьи сослан в Тобольск из Читы за участие в революционной деятельности. Служит секретарем в губернском суде, называя себя инструментом для казенной переписки. Семья живет небогато, но и не бедствует. Первую фотографию маленького наследника делают в салоне господина Шредера. На ней Коле Никитину нет еще и года. В 1911-м семья переезжает в Ишим. Поначалу приходится нелегко — Василий Васильевич, как неблагонадежный, остается без работы. Зато в Ольге Николаевне просыпается предпринимательская жилка: она открывает собственную фотографию. Во флигеле купца

► Башня. Фото Ожгибесовой

▼ ВДНХ сверху. Фото Ожгибесовой

◀ Памятник Никитину в Ишиме. Фото Г. Крамора

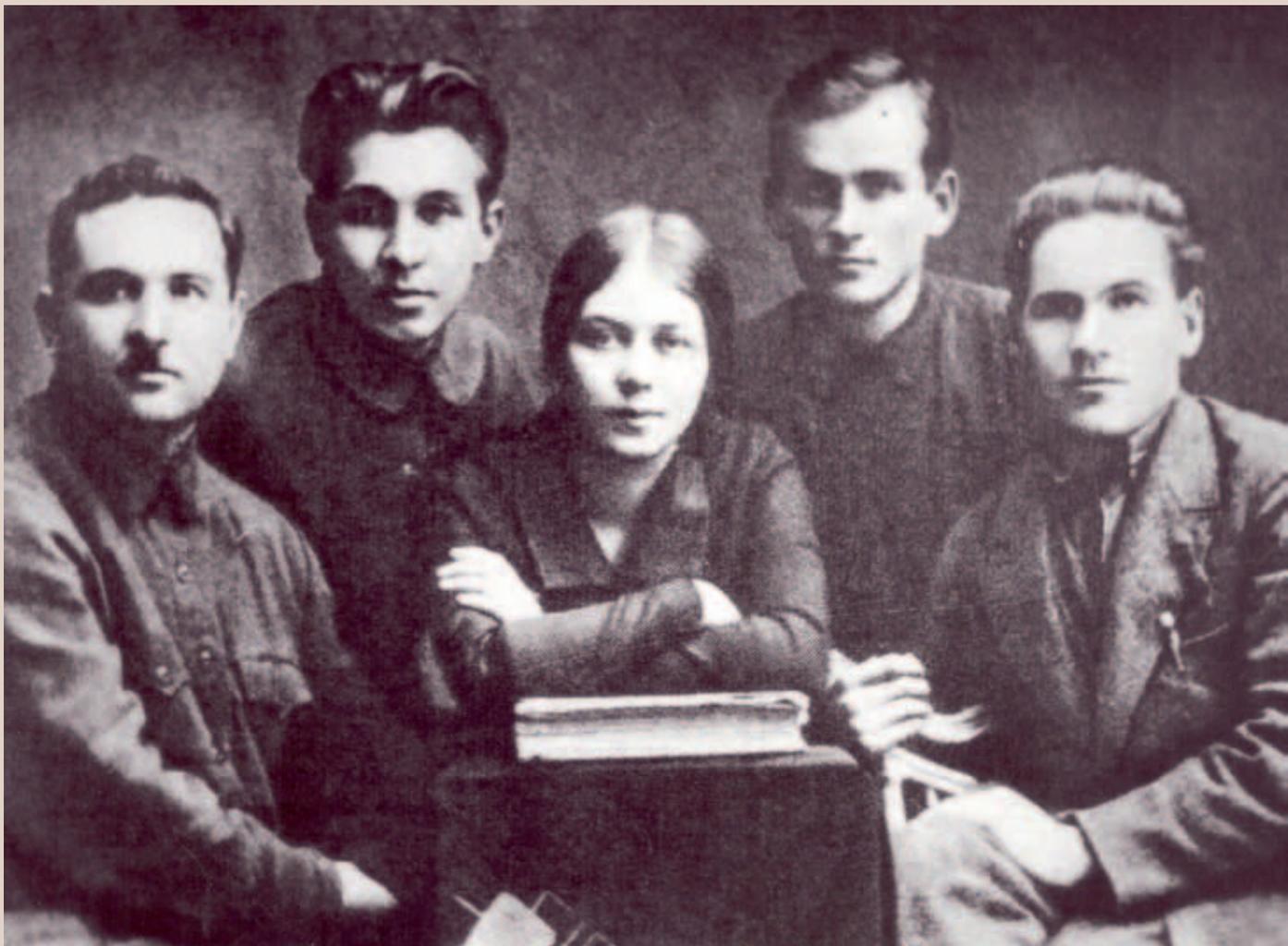
ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Ольга Ожгибесова

Окончила Уральский гос. университет. По профессии — журналист и редактор. Печата-лась в различных изданиях Москвы, Екате-ринбурга, Тюмени. Автор нескольких кни-жек стихов и прозы. Живет в Тюмени.

Василия Назаровича Перминова семейство снимает две комнаты и кухню. Никитин-старший начинает заниматься адвокатской практикой. Вскоре семья уже может позволить себе снять четыре комнаты с кухней во флигеле купца Ивана Андреевича Волкова на Базарной площади, — там достаточно места, чтобы разместить фотосалон.

В этом городке, наполненном благоуханием сирени и яблонь, прошли детские годы Коли Никитина. Летом 1915 года он поступает в приходское училище и через два года с отличием заканчивает его. Перед ним открываются двери в мужскую гимназию. Дедушка присылает из Читы форму и ранец из кожи. Коля не снимает его даже за обедом, уверяя всех, что ему надо привыкнуть.

Революция и Гражданская война прокатились катком и по семье Никитиных. Последней каплей, подтолкнувшей Никитиных к отъезду, стало закрытие гимназии. Осенью 1919 года они перебрались в Ново-Николаевск, ныне Новосибирск. В Ново-Николаевске семья жила трудно и бедно. Мыка-

▲ Никитин в годы учебы в Томске (второй слева), в центре — Антонина Пирожкова, будущая жена писателя Бабеля

► Никитин

лась по съемным квартирам — чаще всего сырым подвалам, глава семейства никак не мог найти работу. Бегство из Ишима не спасло от прихода красных — армия Колчака оставила сначала Омск, потом — и Ново-Николаевск, ушла дальше на восток. В городе прочно обосновалась советская власть.

В начале двадцатых Коля Никитин окончил школу и мечтал о высшем образовании. Летом 1924 года во время каникул в окрестностях глухой деревушки нечаянно наступил на гадюку... Врачи настаивали на ампутации, но 17-летний парень категорически отказался. Наверное, именно тогда проявились заложенные в его генах черты характера: настойчивость, терпение и вера в лучшее. Два месяца Никитин по совету какой-

то бабки-знахарки ставил на себе эксперимент: отмачивал помертвевшую ногу в горячем соляном растворе. Чудо ли произошло или, действительно, народная медицина помогла, но лечение пошло на пользу — начал ходить. Правда, нога так и осталась распухшей. Всю жизнь носил ботинки разных размеров: 42-го и 44-го. Забегая вперед, скажем, что этот укус змеи еще сыграет свою роль: в 41-м молодого инженера не взяли в армию, и это, наверно, сохранило ему жизнь, но в 67-м ногу все же ампутировали, спасая Никитина от гангрены. Не спасли... Смерть лишь дала небольшую отсрочку — на 6 лет...

В 1925 году Николай становится студентом Томского технологического института. Поступил... в счет разверстки, предоставленной Москвой Новониколаевскому губернскому отделу народного образования. В 20-е годы проводилась пролетаризация высшей школы и в вузы принимались, прежде всего, рабочие и их дети, а также крестьяне-бедняки.

Первоначально собирался поступать на механико-математический факультет, но свободных мест не было, и его зачислили на архитектурный. Никитин не чувствовал себя «своим» в архитектуре и учился без особого интереса. Но однажды из любопытства пришел на лекцию, которая для него, будущего архитектора, была совсем не обязательна. Профессор Николай Иванович Молотиллов читал курс «Технология железобетона». Его лекции звучали гимном железобетону. И настолько захватили Никитина, что собственный путь теперь казался ему предопределенным: он будет заниматься железобетоном! Он сделает этот материал основой строительства — идет ли речь о мостах, плотинах или памятниках.

В научно-технической библиотеке Томского технологического университета и сегодня хранятся учебники, по которым в свое время учился будущий создатель Останкинской телебашни.

По окончании технологического института Никитин возвращается в Новосибирск. Рассказывает С. В. Филонов, главный хранитель фондов музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина:

— В 1925 году Новосибирск стал столицей Сибири и начал приобретать столичный облик. Строились

огромные здания — в стиле конструктивизма. И Никитин попал на это бурное строительство. Ему удалось участвовать в проектировании брендовых зданий — «дом под часами», спорткомплекс «Динамо», здание крайисполкома, вокзал Новосибирск — главный.

Первый опыт молодого конструктора — строительство техникума — общежития на Красном проспекте. Из воспоминаний Н. В. Никитина: «...Я подверг анализу все способы возведения подобных зданий, какие существовали в практике. Тогда и родилась мысль изготовить детали каркаса фабрично-заводским методом, а на стройку привозить их в порядке очередности этапов возведения. Вот и вся идея».

По сути дела, Никитин заложил основы сборного строительства, благодаря которому уже в 60-е годы развернулось грандиозное строительство, позволившее в кратчайшие сроки обеспечить жильем миллионы советских людей.

Здание техникума до сих пор стоит в центре Новосибирска.

Именно Никитину обьязано своим внешним видом здание новосибирского вокзала. А все могло быть иначе. Старый вокзал, возведенный еще в 19 веке строителями Транссиба, был невысок, темен и неказист. Из Москвы в Новосибирск прислали новый помпезный проект. Никитину он показался недостаточно современным, тяжеловесным и покупчески претенциозным. Моло-

► Никитин, Томск

дой архитектор взялся переделывать его. Высокие монолитные железобетонные арки, спроектированные им, повлекли за собой полное изменение конструкции. Здание выросло, наполнилось светом и воздухом. Новосибирск и сегодня, спустя три четверти века, гордится своим вокзалом.

Новосибирский период, по сути, определил всю дальнейшую жизнь Никитина. Здесь он сотрудничал с выдающимися архитекторами и инженерами. Здесь почувствовал вкус самостоятельной работы. Здесь познакомился с Юрием Васильевичем Кондратьюком — талантливейшим инженером, одним из пионеров советской и, по большому счету, мировой космонавтики, вторым после Циолковского. Имя Кондратьюка присвоено одному из кратеров на обратной стороне Луны. Юрий Васильевич Кондратьюк ушел добровольцем на фронт в июне 1941-го и погиб в феврале 1942-го. Обстоятельства его гибели и место захоронения неизвестны.

«Печальная судьба гения без признания», — написал о Кондратьюке Никитин.

Впрочем, в полной мере эти слова можно было бы сказать и о нем самом.

Его мысль, его фантазия, основанная на строгой математической логике, улетала в такие выси, что, наверное, нужно стать вторым Никитиным, чтобы понять всю глубину и полноту его замыслов. Но... Одни грандиозные задумки остались на бумаге — такие как ветряная электростанция на Ай-Петри или Дворец Советов... Другие пали жертвой политических перемен — как, например, памятник Иосифу Виссарионовичу Сталину на канале «Волга-Дон». Строительству Дворца Советов помешала война. Это было бы невиданное сооружение! По проекту верхняя его отметка достигала высоты в 415 метров! Одним из руководителей эксплуатационной службы был Николай Васильевич Никитин. Работа над несостоявшимся проектом позволила ему глубоко изучить принципы действия фундамента. И если бы не бесценный опыт, приобретенный в те годы, возможно, не было бы в его жизни главных строек — здания МГУ и Останкинской башни.

В основе любого творчества в первую очередь лежит умение отказать от стереотипов. Этим отличается художник от ремесленника. Таков был и Николай Васильевич

вич Никитин. «Только небывалое достойно воплощения, — говорил он. — Сам изобрел, сам и построил, а вторичные проекты пусть осуществляют другие».

Еще шла война, но страна уже думала о мирной жизни. В Москве начались проектно-изыскательские работы по возведению Дома Студентов — таким было первоначальное название здания МГУ на Ленинских горах. Вспомнив богатый довоенный опыт Никитина, накопленный при проектировании Дома Советов, проектанты МГУ решили привлечь его к сотрудничеству. Основой конструктивной системы МГУ утвердили столь любимый Никитиным железобетон.

Из письма Николая Васильевича Никитина от 4 апреля 1945 года: «На Доме Студентов ужасно мно-

▲ Никитин-гимназист

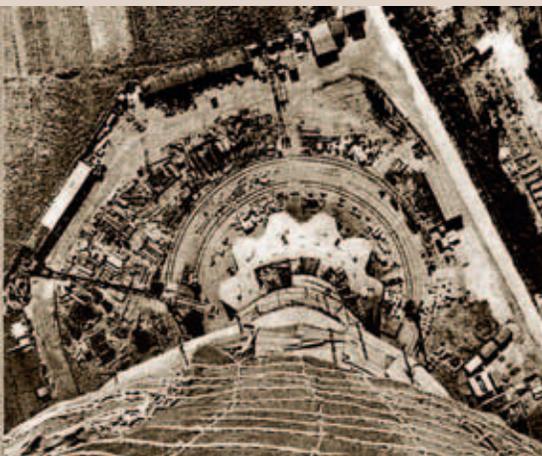
▶ Сооружение башни

▶ Вид сверху тогда

го работы. Все работают с 9 до 9 часов. Я еще работаю дома все вечера и сплошь все воскресенья. Эта горячка продлится весь апрель-май, пока мы не выдадим чертежи фундаментов главного здания университета. Я проектирую эти фундаменты — это огромная железобетонная конструкция. Чрезвычайно трудный расчет... Я люблю такую работу...».

Дом Студентов хорошо вписывался в пейзаж Ленинских гор, но возводить здесь высотку было

слишком рискованно — ползучие грунты не выдерживали веса здания. Удержать его мог бы лишь жесткий нерасчлененный бетонный пласт мощной толщины, но и он не гарантировал от скольжения и распираания изнутри недр. Решение, принятое Никитиным, было как всегда неожиданным: нейтрализовать реактивность почв помогут сплоченные между собой бетонные короба, поставленные пустотами вниз. Эти короба позволят грунтам произвольно заполнять пустоты. Они же предотвратят скольжение. Здание МГУ протяженностью более 200 метров до сих пор остается единственным в мире, в фундаменте и во всей конструкции которого нет температурных швов. Но главной его особенностью стала способность выравнивать осадку мощного сооружения, нейтрализовать реактивность грунтов. Никитинские коробчатые фундаменты подводились под все шесть высотных зданий Москвы.

До главного проекта в жизни Николая Васильевича Никитина оставалось еще десять лет...

История о том, как рождался проект телебашни, уже стала легендой.

Мартовским днем 1957 года шло совещание в Госстрое. Обсуждался эскиз стальной башни — победителя конкурса проектов телебашни, которую заказало строителям Министерство связи СССР. Предлагалось решетчатое сооружение с восьмигранным основанием, напоминающее линию электропередач с далеко вынесенными консолями, к которым крепились канаты, удерживающие их в горизонтальном положении. Дали слово и Никитину.

— Нашей Белокаменной взять такую конструкцию, — он кивнул на эскиз, — на свой ордер, по-моему, не к лицу. Я думаю, что бетонная башня украсит Москву.

«Вот вы и представьте свой проект!» — сказали ему и дали на размышление неделю.

— Через неделю я буду занят, — возразил Никитин, — так что либо через три дня, либо позднее.

Срок в три дня был утвержден без возражений.

Мало кто знает, что идея создания железобетонной телебашни родилась в голове у Никитина задолго до того, как он начал работу над проектом — в командировке в Штутгарте, где он увидел телевышку из стали и бетона высотой 217 м (включая радиомачту). В то время башня считалась техническим чудом и послужила прототипом для многих высотных телебашен во всем мире. Николай Васильевич прикинул, что подобную башню можно было бы построить и большей высоты. Так что когда зашла речь о проекте, Никитину оставалось только перенести на ватман свои давно выношенные идеи.

Существуют разные легенды и о том, как родилась идея внешнего вида башни. Согласно одной из них, образ цветка лилии, повернутого лепестками вниз, с самого начала возник в голове у Никитина. Согласно другой легенде, идею Никитину подсказала пальма, обвитая вытянутыми волокнами, которую он увидел в оранжерее томского Ботанического сада. Башня, при всей ее высоте, должна была обладать повышенной устойчивостью, не раскачиваться под давлением ветра более, чем на метр. Основанию требовалось придать мощь и крепость, а стелю — не только гибкость, но еще и упругость и стойкость. И тогда ро-

дилась ключевая идея будущей конструкции.

Суть ее состояла в том, чтобы натянуть внутри ствола башни стальные канаты и стянуть ими шлем основания и вырастающий из него стебель. Таким образом, в самом центре башни образуется незримая мощная ось, которая превратит башню в неколебимую вертикаль, способную выдержать землетрясение в 8 баллов. Подобная система должна была помимо этого препятствовать образованию трещин в бетоне. Сбалансированное натяжение канатов свяжет в единую систему всю конструкцию башни. И даже если найдутся силы, способные покачать, наклонить ствол — например, ураганный ветер, то и тогда башня после нескольких глубоких колебаний устремится занять свою вертикаль, как кукла-неваляшка. И стоять она будет не на фундаменте, а на своих опорах, как человек стоит на ногах. Завершалась эта конструкция 120-метровым стальным шпилем.

Изобрести, к сожалению, часто оказывается легче, чем воплотить. Особенно, когда имеешь дело с консервативным мышлением косного большинства, не способного за внешней простотой и легкостью разглядеть глубину замысла. Именно это и произошло с Останкинской башней.

Предложение конструктора отказать от фундамента казалось строителям легкомысленным, если не сказать — безумным и рискованным. Никитин наткнулся на стену непонимания.

Но помимо противников проекта были у него и союзники. Мосгорисполком и московский городской Совет депутатов, министр связи СССР Н. Д. Псурцев с завидным упорством поддерживали Никитина, убежденные в том, что башня не просто имеет право на существование в том виде, в каком задумал ее конструктор, но и должна быть построена. Из дневника Н. В. Никитина: «19 марта 1963 года на совещании в Московском горкоме КПСС принимается постановление: развернуть строительство башни полным ходом. Выдать рабочие чертежи. Мешающие — положите сюда партбилеты. 27 мая резолюция Устинова: прекратить всякие дискуссии о башне. Развернуть строительство живым ходом». Много позже в автобиографии Никитин скупно и сдержанно опишет этот период: «Технический проект утвержда-

ется в апреле 1963 года. Много трудностей при увязке проекта со строителями. Переделки. Неприятности со срывами сроков проектирования. Бесконечные совещания. Удорожание. Переделка сметы. Новые неприятности».

Строительство продолжалось 4 года. Всего же с момента появления первого эскиза прошло 10 лет... Десять лет бесконечной борьбы нового, прогрессивного и талантливого за пра-

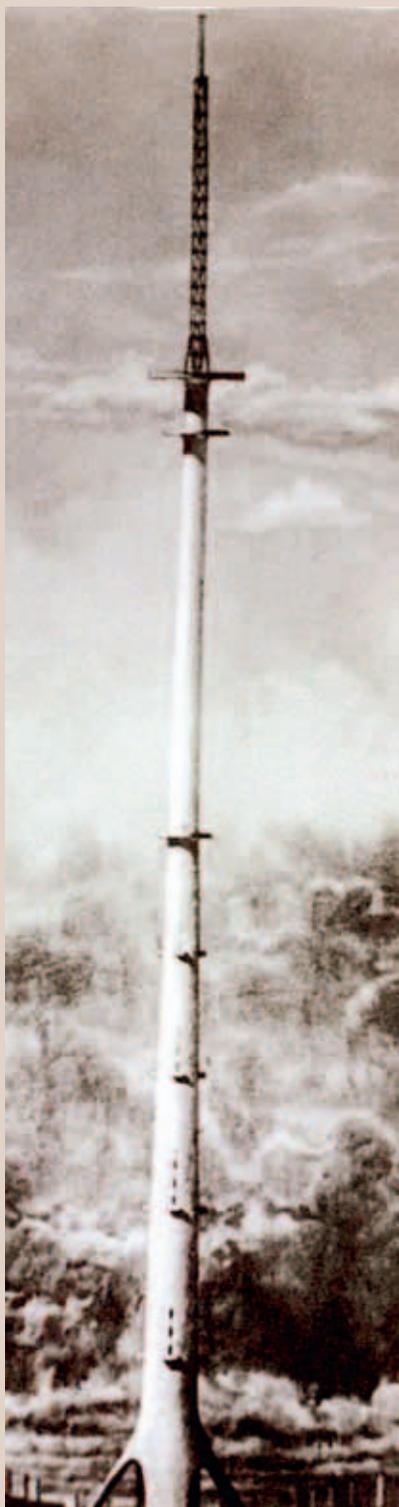
во на существование. Из дневника Н. В. Никитина: «4 ноября открылся телецентр. По ошибке «50-летие Октября» хотели присвоить телецентру, а в постановлении указали башню. Правительство не ошибается. Устроили пышный банкет на телецентре, который еще очень далек от сдачи. 17 ноября башню посетили Брежнев, Косыгин и иже с ними. Небольшой банкет. Авторов не пригласили».

На вопрос «Сколько простоят башня?» Николай Никитин отвечал с уверенностью: триста лет! Триста — не триста, но спустя тридцать три года представилась возможность убедиться в том, что столь хрупкое, на первый взгляд, сооружение имеет большой запас прочности. 27 августа 2000 года в Останкинской телебашне произошло возгорание. Сначала показались клубы густого дыма. Затем один за другим стали отключаться телевизионные каналы — НТВ, «Культура», ТВ-6... Пожарные в спешном порядке начали выводить посетителей из ресторана. В 17.30 из экстренного выпуска программы «Вести» страна узнала, что происходит на башне... В результате пожара из 150 канатов на-

тянутыми остались 29, было разрушено лифтовое хозяйство, повреждены системы электроснабжения, вентиляции, кондиционирования, тепло- и водоснабжения, связи и сигнализации. Погибли три человека... Беспокоил вопрос: выстоят ли в противостоянии с огнем железобетонная конструкция башни? Единственной гарантией ее стойкости были 149 стальных тросов, однако большая их часть перегорела. Возникла реальная угроза обрушения. И все-таки она выстояла! Конструктор Никитин оказался прав: его детищу суждена долгая жизнь.

Но великий создатель, удивлявший мир, сегодня незаслуженно забыт. Да, имя конструктора носит площадь в Новосибирске — у стадиона «Динамо», памятник ему — пока единственный в России, установлен в Ишиме — городе, где прошли его детские годы. Но вот в Москве, где он работал большую часть своей жизни, его именем не названа ни одна улица... Нет даже мемориальной доски на доме, в котором он жил.

В ноябре 1991 года на Конгрессе науки, посвященном 125-летию Русского технического общества, Николаю Васильевичу Никитину была присвоена Золотая медаль им. В. Г. Шухова. Эта медаль, как указано в положении о ней, присуждена за выдающийся личный вклад в развитие науки и техники. **УС**

◀ Первоначальный вариант башни

▼ Дворец Советов

Двое любящих и Бог

Обитель

Мы продолжаем публикацию исторических этюдов по истории Верхотурья. Глава «Обитель» повествует о начале и бытовании Николаевского мужского монастыря, а первый этюд рисует судьбу старца Ионы, монастырского строителя.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

▲ Икона Адриана Пошехонский

«Пошехонец ноне у нас объявился, с Ярославщины. Некрутом, слышь, меня кличет. Потрогал этак моего «Станислава»: «Золотишко-те, говорит, нашей работы, пошехонской. Вот приехал, мол, землякам поклониться: Ионе-строителю да праведному Симеону и от нашей пошехонской Троицы вашей свечку поставить. Симеону-те ныне триста десять лет стукнуло». У меня, конечно, от его бак глаза на лоб: «Пошто знаешь, что триста десять?» – «Так Иона-то, строитель монастырский, когда сюда пришел?» – «Сказывают, в последних годах Борисова царения. А Симеон-те при чем?» – «Это тебе, некрут, вопрос на засыпку. Пошевели мозгой. За мозгу, знашь, пошлины не берут. А я завтра приду, потолкуем». И пришел ведь, каналья».

Синодик Тимофея Вырина

Три няньки творили-пестовали образ святого праведного Симеона Верхотурского, чудотворца: церковь,

наука и народная память. Не скажу: дотошно вынашивали. Скажу: любовно, по-матерински. Каждая свою угоду, свой норв ему угораздила. И каждой из няnek надо низко за то поклониться. Так как имеем мы теперь трепетную возможность, сопоставляя факты и предания, представить себе земной и богоугодный путь будущего святого, сопоставимый со страданиями самого Сына Божьего на земле.

Черный поп Иона Пошехонец

Кажется, от преподобного Корнелия пошло. Поставил он на Вологодчине келейку и принялся в нее потихому братию собирать. Сбирал не абы как – умельцев разных выискивал в округе: плотников, богомазов,

древделов. А как наскреб дожинку, стал им учеников скликать. Словом, образовался этакий скит-мастерская, «общежитие» со строгим, однако, уставом. Что ни постриженник в нем, то рукастый мальчик. И первый храм, и роспись в нем, и иконы, кельи и подворье — все делалось трудами иноков. И все — на загляденье.

Постригся в той непраздной Корнелиевой обители и сын обывателя из Ростова Великого, став иноком Адрианом — у него с детских лет душа к иконописи лежала.

Много ли прошло, но игумен Корнелий скончался, а Адриана господь надумил свою обитель завести — в Пошехонье, на родной Ярославщине. И с той же прихотью — приглядывать боголюбивых искусников. С иконой Успения Божьей Матери собственного письма подался Адриан в пошехонские леса.

Место для пустыни выбрал самое что ни на есть умерное — на глухой речке Ухтоме — и стал помалу в таежных же деревушках искать себе поделщиков. Так и возник на Пошехонье Адрианов монастырь.

В одной из тех пошехонских деревушек набивал руку отцовым промыслом юный сын плотника Прокофия — Ивашка. Об руку с отцом ходил по деревням — кому баньку ладили, кому избу либо повесть, а коли была надобность — и часовенку могли.

Однажды за работой загляделся Иван в себя, задумался и явился ему странник с посохом. Стоит этак, смотрит и говорит голосом, одному Ивану слышимым: «Оставь, отрок, мир, но не посох». Сказал — и сгинул странник. А вскоре и прослышал Иван про Адрианову пустынь. Как ни слаб еще умом-верой был парнишка — годков 16 минуло — а уразумел, что это Никола-угодник велел ему. Известно, что странники являются тому, кто втайне и необъяснимо ждет. «Толщигте и отверзется вам». И ушел Иван в Адрианову пустынь. А когда подняли боголюбивые на берегу Ухтомы церковь во имя Успения Божьей Матери и кельи монастырские, постригся у игумена Адриана иноком Ионой. Стал у преподобного и иконописного ремесла набираться.

Шел на Руси 1543 год. Было время юного Иоанна Грозного. Суровое время водворения на Москве самодержавной власти. Воспитанный без отца и матери в пору боярской смуты, молодой царь и великий князь давал властвовать в себе то Богу, а то и дьяволу. Оно и в обычном человеке так бывает. Но когда на твоём челе корона, а в руке державный ски-

петр... Из огня да в полымя жила при нем Москва, а на Москву с той поры и вся Русь начала оглядываться.

Вот и вокруг Адрианова монастыря не одна только благодать селилась. По свидетельству древнего жития, Адриановы иноки то и дело «терпели поношение от лукавых человек». А когда монастырь обустроился и украсился своими трудами, явились сюда и зависть, и корысть.

И однажды ночью холодным мартом 1550 года нагрянула в обитель шайка грабителей из тех же пошехонских деревень, схватила настоятеля, жестоко мучила, требуя монастырскую казну, и лишила жизни. В поисках заветного ларца с деньгами ворвалась в алтарь, где пребывали в это время трое иноков. Двоих, по словам того же Адрианова жития, замучив в трапезной, убили, а третьему святитель и чудотворец Николай указал путь чудесного спасения. Тем иноком был Иона, рукоположенный перед тем Адрианом в сан черного иерея.

Ларец игумена-настоятеля изуверы таки нашли, но в нем оказались не деньги, а кисти и краски. Содер-

жимое ларца стало основной уликой — грабителей уличили и наказали. А найденные много позднее нетленными мощи преподобномученика Адриана стали и продолжают быть объектом паломничества в ныне существующий в Пошехонье Адрианов монастырь.*

* Ныне в тех пошехонских краях стоит невеликий городок с тем же названием — на рукотворном Рыбинском «море». Внешне он чем-то неувлимо напоминает многоглавый верхотурский посад. Так же величаво парит над ним пятикупольная Живоначальная Троица. В камне она была поднята чуть позднее верхотурской и, кажется, без барочных изысков: ставилась на скромные деньги местного крестьянина.

А еще рождался городки золотым промыслом. В верхотурской округе, бывало, Дева-птица на него людей выводила. В Пошехонье же ладили из золота, а также серебра и алюминия, тонкие сусальные пленки для золочения и серебрения всякого рода изделий и в том числе орденев.

Но в пору черного попа Ионы лежало на месте городка обычное монастырское сельцо Пьетома с деревянной Троицей, позднее переименованное в Пошехонье. Название городку и округе подарила речка Шехонь — нынешняя Шексна.

Как видим, городок и далекий от нас, и близкий — издавна явленным духовным родством.

Так угодой Николая Чудотворца Мирликийского явился на свет Божий черный священник Иона Пошехонец и снова взял в руки посох. С той поры, где бы ни ударил этот посох, там ставилась церковь во имя Николая Чудотворца, а вокруг нее либо слобода, либо монастырские кельи.

◀ Икона Николая Чудотворца

На этот раз святитель вел Иону туда, куда глядела вся православная Русь — на Восток, на уральские татаро-башкирские земли. Здесь доживало последние дни самостийное Казанское ханство, и, как смертельно раненый зверь, селило вокруг разбой и смуту.

На реке Каме, вблизи нынешнего Нефтекамска, издревле стояло башкирское городище. Оно то и дело сметалось казанскими набегами, и решили жители подняться вверх по Каме, выбрав высокое место в районе теперешнего города Осы. А прежнее их селение запустело. В ходе русской колонизации эти земли и рыбные ловли царь Иван Васильевич пожаловал звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю — видно, в память исторических побед над камскими булгарами князя Юрия Дмитриевича, коего благословил на тот успех преподобный Савва Сторожевский. Сюда-то и привел посох Иону-строителя, взявшегося за столбить пожалованную царем монастырскую землю храмом во имя Николая Чудотворца. Он и был заложен в 1552 году. По такому случаю царь Иван Васильевич прислал здешним монахам икону Николая Чудотворца древнего новгородского письма.

Несладка была жизнь монастырей-первопроходцев на иногородческих землях. Недолго продержался и этот звенигородский «филиал» — был разрушен и сожжен очередным татарским набегом. Только икону удалось Ионе спрятать в дупле старой березы, растущей на берегу Камы. Место было более безопасное, чем сума или пазуха монаха-скитальца.

Но далеко не пошел на этот раз Иона Пошехонец — образ Николая Мирликийского держал его вблизи. А иконе, между тем, предстояла своя чудесная судьба.

Когда пала таки Казань и здешние камские земли вошли в состав Московского государства, царь изволил пожаловать их именитым и предприимчивым боярам Строгановым.

И вот плывет по Каме торговый караван их судов. У бывших монастырских владений и развалин церкви — что за притча? — встали барки и ни с места. Что ни делали матросы, толку нет. Заякорились разом все суда, а Кама себечет. И надоумил, якобы, матросов голос помолиться на берегу Николаю Угоднику. Вышли на берег — не головешкам же молиться, а стоит одна береза. Подошли к дереву. Видят — дупло. А в дупле — икона. На ней открытая, окруженная венцом, глава святителя, видна верхняя часть груди и плечи, облаченные омофором. И надписи по-гречески: «Святой Николае».

Молитва чудесно двинула суда. Узнав об этом, Строгановы поставили у березы часовенку, а пришедший на зов иконы Иона-строитель восстановил и храм во имя святого Николая Чудотворца.

Строгановы не преминули в Москву о том чуде отписать, и царь, пребывая, видимо, в богоугодном состоянии, затребовал чудотворную икону назад. Но прежде чем отправить лик древнего письма в столицу, Иона, как умел, снял с него копию. Та копия икона получила название Николы-Закамского (Березовского). Поселение, окружившее Никольскую церковь, стоит и по сей час с именем Николо-Березовского.

А посох позвал Иону-строителя дальше — вверх по Каме, где затея-

лась новая русская слобода. Писцовая книга Палицына и Аристова, составленная в 1596 году на предмет обложения оброком камского населения, сообщает нам: «От слободы версты в две, за рекой Камою в казанскую сторону, на берегу под городищем (это — помните? — где башкирам место приглянулось) часовня попа черного священника Ионы Прокофьева Пошехонца да старца Арсения Мезенца, а строит тот государев богомолец монастырь во имя Преображения...».

Но начал-то здесь Иона в 1591-м тоже с церкви Николая Угодника, и слобода, вблизи которой он заложил монастырь, стала называться Ново-Никольской. Она положила начало городу, который позднее обрел нынешнее имя — Оса. А на месте недолго жившего монастыря осталось селение Монастырка. Воткинское море-водохранилище, затопившее многие километры берега, пощадило его. Местечко было родной и обителью легендарного в этих краях гусяря Андрея Кузнецова, безвинно погибшего в годы красно-белого террора. Монастырку Ионы Пошехонца и сегодня еще можно отыскать на картах Пермского края.

Шел, надо полагать, год 1602-й, когда явился старцу Ионе тот же странник с нимбом над челом и возвестил о чудесном рождении пока неведомого миру, но богоизбранного младенца Симеона. Возвестил и указал путь неутомимому посоху Ионы-строителя: на Соль Камскую, а потом по наезженной уже дороге Артемия Бабинова к новому граду Верхотурью, увенчанному к той поре главами собора во имя Святой Троицы, которую особо чтит Николай Мирликийский. И дал Иона Николаю Чудотворцу последний свой обет — поднять на Верхотурье монастырь с храмом во имя своего спасителя и наставителя. Будущую обитель Симеона. Пришел Иона в Верхотурье с иконой Николы-Закамского собственного письма.

Сколько лет было тогда Ионе-строителю? Да уж в преклонных пребывал годах.

То, что строение рядом с Живоначальной Троицей монастыря было изволением Николая Чудотворца, ясно видно из грамоты царя Бориса Годунова, посланной на Верхотурье. «Бил нам челом черный поп

◀ Верхотурский свято-николаевский мужской монастырь

Иона и сказал: обетен де он устроить на Верхотурье монастырь во имя святого Чудотворца Николая и святых страстотерпец Бориса и Глеба».

Борис и Глеб, братья-князя, мученически погибшие в престольной усобице и ставшие первыми венчанными избранниками новой русской церкви, выставлены Ионой в его челобитной явно в угоду царю Борису (невинная лесь держателю короны). И мы не станем на них заострять внимание, а выделим другие слова царя Бориса: «А сказал: обетен де он устроить на Верхотурье монастырь». То есть дал обет, обещал; обетованный — значит свято обещанный. Кому мог дать священный для него обет Иона Пошехонец, кроме как своему спасителю и водителю по земной юдоли Николаю Чудотворцу?

Грамоте царя, писанной в конце февраля 1604 года (в разных источниках месяц разнится), предшествовала уже двухгодичная усердная работа Ионы, начатая, значит, именно в 1602-м. Об руку с верхотурским миром. Более поздний источник свидетельствует, что Иона затеял строить храм и кельи «мирскою дачею», то есть лес брал у воевод взаймы, а стены поднимал сам в компании с мирянами. Это подтверждает и царь в своей грамоте: «...и он де по своему обещанию, заняв у вас нашего лесу, храмы воздвигнул». Значит, к моменту челобитной Ионы царю храм и кельи уже стояли. «...а на совершение (завершение. — Ю.Г.) де ему лесу и тесу взяти негде; и вы де без нашего указу на совершение лесу бревен и тесу не дадите и того на нем заемного лесу, который у вас имал он на храмы, правите».

Ситуация, выходит, сложилась такая. Очередной воевода-временщик Иван Евстафьевич Плещеев (с характерным прозвищем Неудача) смотрел-терпел мирскую храмовую суету под началом черного попа, еще до его воеводства начатую, и усомнился: надобно ли тому попу потворствовать в выдаче леса, гвоздей и прочей строительной потребности. У воеводы в эту пору и государевых строительных забот хватало. То и дело слала Москва на Верхотурье плотников для поделки судов — хлебные запасы отправлять в сибирские города. И велелось тех плотников селить в обжитых вогульских юртах, обеспечить работой. А тут этот настырный черный поп со своей монастырской затеей. Как-то еще Москва на нее глянет. Неудача, одним словом.

А Москва... Москве, казалось бы, тоже не до черного попа. Но это толь-

▲ Село Николо-Березовка

ко казалось. Русь в очередной раз стояла в эти дни на грани. Той же весной, когда писалась грамота царя Бориса, Гришка Отрепьев (будущий Лжедмитрий I) нашел противу Москвы поддержку польского короля Сигизмунда III и сandomирского воеводы Юрия Мнишека. За помощь одолеть Борисов трон он пообещал Речи Посполитой Северские земли и Смоленск, а воеводской дочери Марине Мнишек в качестве «удела» — ни много ни мало Великий Новгород и Псков! А русскую церковь вознамерился отдать под власть Папы Римского. Такие вот назревали перспективы.

Так случайна ли, скажите, была эта грамота верхотурскому Неудаче в поддержку монастырской инициативы черного попа? «...и нам бы его (Иону. — Ю.Г.) пожаловати, того заемного лесу имати на нем не велети, и велети ему, на совершение храмов, и на кельи, и на ограду, бревен и тесу дати... и вы бы на черном попе на Ионе того заемного лесу правити не велели...». Стрелец Степанка Карпов привез грамоту воеводе «июля в 19 день». А в октябре того же 1604 года отряды самозванца перешли русскую границу, заняли Чернигов, Путивль, Белгород, Воронеж, Кромь и еще другие южные города. Началась на Руси очередная гражданская бойня.

А на Верхотурье ставился монастырь — мирянами и многими насельниками. Первый православный монастырь за Камнем. Иона Пошехонец был его архитектором и распорядителем стройки. В свои, кажется, 75 лет он еще умел держать топор, класть венцы, поднимать купол на церкви Николая Угодника. Иван Плещеев и градский голова Матвей Степанович Хлопов больше не стави-

ли ему палок в колеса. История, она изменчива, как своенравная река. А вера... Вера дело горнее. Последнее из людских упований.

Возле трона вон теперь чего началось. Весной 1605 года Борисовы войска осадили занятые самозванцем Кромь — их защищали донские казаки, они, как всегда, умели скоренко стать под знамена очередного самодержца. Острой саблей думали.

В Верхотурье в пору той смуты был поднят Ионой храм во имя святого Николая Чудотворца с приделом св. мучеников Бориса и Глеба. Первой иконой в том монастырском храме была водружена икона Николая-Закамского собственного его, Ионы, письма. (В одной из царских грамот читаем: «Образ де местный Николая Чудотворца выменял он собою»). Слово «местный» может означать и то, что образ этот местного уральского письма, и то, что он основной в иконостасе. Слово «выменял» здесь не в смысле обмена на что-то: образа в церковном выражении не продавались и не покупались, а только «менялись» — слово имело широкое значение. Царь все или почти все мог знать о той иконе, а должное ее творцу и бережителю отдал двумя многозначными словами «выменял собою», т. е. сам иконой озоботился).

Итак, стал Иона-строитель готовить храм к освящению. Испросил у воеводы и градского головы воску для свеч — «12 гривенок с полугривенкою» (в ту пору гривна была еще и единицей веса, заменяя фунт), значит, более пяти килограммов воска выгребовал Иона и 400 гвоздей пробойных для какой-то надобы. Если

судить по «полугривенке», рачительный был хозяин: как говорили, с гривенки на гривенку ступает, а полтиною ворота запирает. И в конце 1604 года церковь Николы-угодника в таком «убогом виде» была освящена.

Убогом потому, что не было ни книг, ни утвари церковной. Новая обитель нуждалась и в священнослужителях. Да ведь и сам черный поп Иона пребывал самостийным строителем и устройтелем монастыря. Строить — означало тогда и держать возведенное. И, помня свой обет Николаю Чудотворцу, отправился Иона-строитель прямо в Москву — в этакую-то смутную пору! И был допущен к самому Борису Федоровичу — как человек, уже царю знакомый.

вым стрельцом ехали два двухпудовых колокола, кадило и самонужная церковная утварь: потир (чаша для святых даров), блюдца и ложки (ложечки для тех же святых даров и причастия) — все оловянные; медные звезда, копие и укропник (чайник, сосуд для теплой воды); ризница: епитрахиль, стихарь, поручи, покровцы; рулонами скатаны семь аршин ситца-выбойки — на изденье престола и на покрывала, холста-крашенины тонкой и толстой двадцать аршин. А в свою кибитку погрузил Иона двери царские для храма и придела, столбцы с сенью, крест воздвизальный; по левую руку поместил образа: Спасителя, Богоматери и Предте-

царем долгу с Ионы «не имати», а, напротив, выдать из государевых запасов еще 15 гривенок воску, полторы гривенки ладану и полведра церковного вина.

С таким вот богатым храмовым обиходом возвращался Иона-попехонец в поднятый им монастырь.*

*Здесь уместно будет сказать два слова о лукавстве нашего летописания. Вот любопытный образчик. В последней грамоте Бориса Федоровича писано: «...а которого числа черный поп Иона с церковным строением на Верхотурье придет...». А в «Летописи» В. С. Баранова 1910 года издания вместо «с церковным строением» читаем «церковным сторожем». Согласитесь, что это выражение (явная описка переписчика) несведущего человека легко может толкнуть на некое философское даже рассуждение. Я и сам, грешным делом, едва не впал в соблазн. А ведь такие «исправления» в нашей летописной практике нередки).

Грамота приказана царем 18 марта. Стрелец, ехавший вместе с Ионой по весеннему бездорожью с обозом церковной утвари по нашей Бабиновке, вручил ее воеводе едва ли не месяц спустя. К этой поре царь-градостроитель Борис Федорович Годунов, так много порадевший Верхотурью, уже отдал на покаяние Богу свою небезгрешную душу. Хоть и недомагал царь, а умер прямо в одночасье — едва, говорят, успели причастить и по древнему обряду постричь в иночество с именем Боголепа. Верного царю окружения почти не осталось у трона. За Борисом последовали убиенные в смуте сын его Федор и мать царица Мария. Войско перешло на сторону Лжедмитрия I, и он в сопровождении польской шляхты торжественно

Царь, надо думать, пребывал в нравственном и физическом угнетении. Русь шаталась. Дни его царения были сочтены. Мысли тревожно роились, но главная теперь была — о душе. Где-то там, за Камнем, куда он, царь Борис, вышагнул многими городами, теперь его же изволением затевался первый монастырь и храм с приделом его святых князей-страстотерпцев. Не их ли судьба и его, Бориса, теперь ждет? Он со вниманием выслушал стоящего перед ним одержимо насушленно-го старца, длинный и подробный перечень его надоб, заметил, как выдают беспокойство его заскорузлые пальцы, держащие посох, и поманил перстом всегда бывшего настороже дьяка Нечая Федорова. Минуту они о чем-то вполголоса говорили. Иона насушленно ждал.

— Иди с Богом! — только и сказал государь.

Остальное делали дьяк и люди дворцовые. Одна повозка дар государев не вместила. В одной с почто-

▲ Кама. Село Монастырка

► Федор Шалапин в роли Бориса Годунова

чи (по семи икон), Бориса и Глеба, Пречистыя Богородицы Одигитрия и два образа Пречистыя запрестольные, а по правую руку — книги богослужебные: Евангелие, Апостол, триодь цветную, псалтирь, часослов, служебник — это все печатные, а октоих на семь гласов и мненья общая — рукописные.

В грамоте, которую держал за пазухой сопровождавший обоз стражник-стрелец, было писано со слов царя, что положено им Ионестроителю шесть рублей годового жалованья; а помимо него велено подобрать в храм дьячка с платой по три рубля на год и обоим наделить ругой: пашней, санными покосами и другими угодами, достаточными для их прокормления. Велено было

въехал в Москву. Польско-литовское одоление грянуло на Руси...

Первыми насельниками монастыря в пору смуты, помимо Ионы, было шестеро братствующих пострижеников.

Что-то гибнет и умирает, а что-то только начинается жить. ☞

▲ Пусть гитара играет — Торопов, Наташа — Н. Балагина

В мае нынешнего года исполнилось бы 80 лет талантливому и незабвенному народному артисту России Семену Федоровичу Духовному.

Родом он был с Украины, но образование получил в Молдавии. Выпускника вокального отделения Кишиневской консерватории Семена Духовного ожидала оперная карьера, он даже репетировал партию Онегина. Однако волею судьбы в 1960 году оказался на Урале, где на долгих и счастливых 28 лет стал ведущим солистом Свердловского театра музыкальной комедии.

Благородный разбойник Ринальдо

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Вера Вольхина

Окончила Уральский государственный университет им. А. М. Горького, кандидат исторических наук (диссертация посвящена истории профессионального и любительского театра на Урале в конце XIX — начале XX вв.). Очерки печатались в «Областной газете».

◀ С. Духовный

сонажам классической оперетты: таинственному Мистеру Иксу («Принцесса цирка»), романтичному Эдвину («Сильва»), благородному принцу Раджами (спектакль-концерт «Имре Кальман» и фильм «Мелодии любви»), элегантному Тасилло («Графиня Марица»), мудрому Пали Рачу («Цыган-премьер»), находчивому Бонифасу из фильма Свердловской киностудии «Званный вечер с итальянцами» с искрометной музыкой Ж. Оффенбаха, сибаритствующему графу Данило («Веселые ребята»).

Начинал, когда театром руководил советский режиссер дворянского происхождения Георгий Кутушев, и успел сыграть в его спектакле «Простор широкий» инженера-механика колхоза Курбатова. Кстати, музыку к постановке написал известный уральский композитор Евгений Родьгин.

Яркая творческая индивидуальность артиста, привлекательная внешность, красивый тембр голоса идеально соответствовали популярным пер-

◀ Ринальдо — Черный дракон

▶ Аверин — «Севастопольский вальс»

лая вдова» Ф. Легара), незадачивому обманцику Айзенштейну («Летучая мышь» И. Штрауса). Нередко партнершей Семена Духовного в этом карнавале классики была обладательница удивительного сопрано Людмила Трусова, тоже воспитанница Кишиневской консерватории.

Герои, воплощенные Духовным в полуболившихся публике советских музыкальных комедиях, всегда были мыслящими, глубоко чувствующими и никогда не казались легковесными и поверхностными. Среди них черноморский моряк капитан Аверин («Севастопольский вальс») и балтийский капитан Селиванов («Сердце балтийца») К. Листова, капитан-подводник Никольский («Полярная звезда») и адмирал Рагозин («Южный крест») В. Баснера, командир торпедного катера Торопов («Пусть гитара играет») и майор-десантник Рюмин («Полоса препятствий») О. Фельдмана, летчик Артем Багреев — «Дарю тебе любовь» В. Гроховского. «Эти люди военные, каждый славы достоин...» — так актер словами разведчика Николая Вострякова («Черная береза») охарактеризовал дорогие ему образы.

В богатой актерской палитре Семена Духовного из 70 ролей безоговорочное первенство принадлежит свобододобивому и страстному итальянцу Ринальдо в мюзикле Д. Модуньо «Черный дракон». Этот благородный разбойник, что встал под знамена Гарибальди под влиянием полюбившей его знатной девушки Анджелики, сделался визитной карточкой и своеобразным талисманом актера почти на полтора десятилетия. Спектакль с неизменными аншлагами прошел более 350 раз. В нем, как и во многих других, его партнерами были признанные мастера театра: легендарный Анатолий Маренич (Трепло), роскошная Нина Энгель-Утина и бесподобная Алиса Виноградова (Анджелика), неподражаемый Виктор Сытник (барон Розарио), прославленная Мария Виск (тетя Агата). Эта постановка Владимира Курочкина, в содружестве с которым созданы все лучшие работы актера, стала творческим экспериментом, доказавшим огромные возможности музыкального театра и восторженно принятом как зрителями, так и критикой.

С тех пор в мюзиклах актер играл много и оригинально: профессора Хиггинса («Моя прекрасная леди»), Джека Уорринга («Мой друг Бенбери»), Щеголя («Яблочная леди»), Эрико («Купите пропуск в рай»). Все эти названия покорили мировые подмостки и, бесспорно, украсили сцену Свердловского театра. С мюзиклами было связано и жела-

▲ Черный дракон — Ринальдо, Анджелика — Н. Энгель-Утина

ние Семена Духовного расширить рамки амплу и попробовать себя в характерных ролях — мусорщика Альфреда Дулиттла в той же «Моей прекрасной леди» и миллионера Гораса Вандергелдера в не менее знаменитом хите «Хелло, Долли!». В одном из своих интервью актер полушутя-полусерьезно так выразился по поводу готовности к переменам в своем репертуаре: «Когда в течение 15 лет только и делаешь, что объясняешься в любви, может и надоесть...». В 80-х годах, вдохновленный замечательной музыкой И. Дунаевского, Духовный написал либретто и поставил в театре приключенческий мюзикл «Дети капитана Гранта». Знакомую мелодическую основу дополнили музыкальные фрагменты, написанные Максимом Дунаевским.

Особое место в актерской судьбе Семена Духовного занимает роль Константина Гусятникова в музыкальной комедии «Поздняя серенада» по пьесе А. Арбузова «В этом милом старом доме», полкового музыканта, пережившего войну, покинутого женой, непонятого детьми, но тем не менее продолжающего верить в искренние чувства и встретившего на склоне лет свою позднюю любовь. Два необыкновенно гармоничных дуэта сложились у главного героя этой истории: и если с бывшей женой Юлией (Н. Энгель-Утина) это был дуэт-ностальгия по прошлой жизни, то с будущей — Ниной (Г. Петрова) — дуэт-надежда на новое счастье. Сколько душевного тепла и свет-

лой грусти вложил актер в своего героя, и пусть он был немного чудаковатым, но бесконечно трогательным. Спектакль стал дипломной работой нынешнего главного режиссера театра Кирилла Стрежнева, уже тогда показавшего свою творческую смелость и неординарность.

В начале 70-х годов в Свердловской музкомедии появился и 25 лет активно действовал «Клуб любителей оперетты», объединивший самых преданных друзей театра. Создавала и пестовала его заведующая литературной частью театра И. Ф. Глазырина. Семен Федорович охотно общался со зрителями, делился размышлениями об искусстве, творческими планами, нередко становился лауреатом конкурса «Лучшая роль сезона».

Я смотрю на фотографию красавца-брюнета с ослепительной улыбкой — таким Семен Духовный пришел в Свердловский театр музыкальной комедии. Все еще было впереди: оглушительный успех, почетные звания, подступившая в расцвете жизни мучительная болезнь и вынужденный отъезд в Израиль. 15 лет его спасала не только зарубежная медицина, но и бережное выхаживание жены Нины Григорьевны и сына Юрия. Семена Духовного не стало в январе 2004 года. В давнем спектакле «Гори, гори моя звезда» его герой, белый офицер, произнес очень точную фразу: «Не верю я ни в дьявола, ни в бога, одной России верю и молось». Находясь за тысячи километров, он продолжал думать о России, о любимом театре, о друзьях, оставшихся на Родине. А память о нем по-прежнему хранят в сердце коллеги по театру и благодарные зрители. И если сегодня спросить их: «Помните ли вы Семена Духовного?», я уверена, что услышу в ответ: «Разве можно его забыть?». ☒

▼ Шарж на Маренича, автор — Духовный

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Фото Михаила Гимадиева

Проект Виталия Воловича
Координатор проекта
Юний Горбунов
При поддержке Уральской
ассоциации туризма

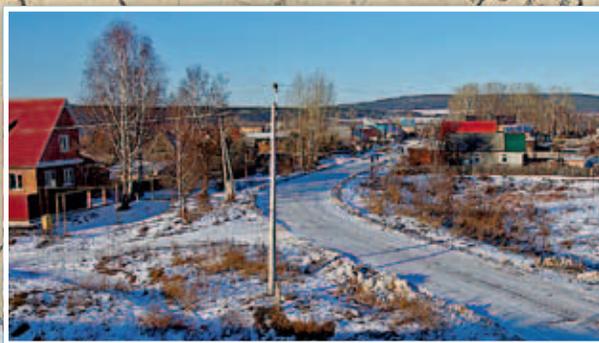
Уральская
Ассоциация
Туризма

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

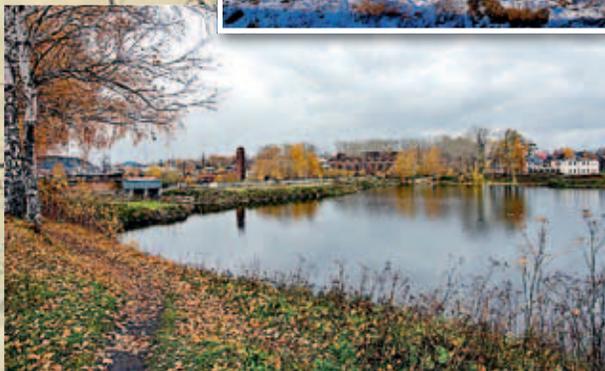

▲ Вид на Коновалово. Чусовая.
Подвесной мост. Июль 2012 г.

▶ Битимка
(Нижняя).
Вид на улицу
Колхозную

▼ Билимбай.
Вид на
плотину

▼ Панорама плотины и церкви.
Художник Б. Г. Жеребцов

Торжество Огнедела

▲ Динас, частный сектор, завод, вдали трубы СУМЗа. Март 2007 г.

Новое увлечение, как это и всегда бывает, слепило глаза Чусовой. Девице-реке ведь уже за двадцать перевалило. Как говорят, девка на выданье. А уж Огнедел вокруг нее! Не знает, чем и как угодить подружке. На реку Ревду — мол, дело молодое, прошлое — ему и глянуть недосуг. Чусовскую округу прихорашивает во всю ивановскую.

Экий город спроворил на пути девицы-реки! Но с хитрецей поставил, слегка на отлете, чтобы не сразу город ей открылся, а подарком бы стал, приданым невестушке. Прежний, еще демидовский Васильевско-Шайтанский чугуно- и железодельный скукожил потихоньку и переоснастил в Первый уральский завод цельнотянутых и цельнокатаных труб, а потом в ряд со старотрубным поставил и новотрубный на склоне горы Кругленькой. Да такой небывалый, чтобы его продукция — стальные горячекатаные, шарикоподшипниковые и нержавеющей трубы — всей стране надобились и страна для новотрубного никаких бы сил не жалела.

И про соперника своего, Лесогора, не забыл лукавый Огнедел. Чтобы

► Место впадения р. Караульной в Чусовую. Сентябрь 2011 г.

рудные богатства в лесогоровой округе без дела не залеживались, дал работу его гологорскому хромистому железню, караульскому динасовому и крыласовскому известковому камню. Значит, еще несколько заводов и рудников по обоим берегам реки-подруги поднял-сотворил. Народец из сил выбивался на его новостройках, но Огнеделу невдомек. Обитель Петра и Павла, что давала людям веру и отдохновение, едва двинув железным плечом, в прах рассыпал.

Смотрит на дружка Чусовая и глазам своим не верит: не по дням, а по часам растет-мужает Огнедел. На берегах ее по-хозяйски утвердился, грудь его могуче вздымается огненным дыханием заво-

▲ Чусовая бывает и такого цвета, там же. Март 2012 г.

дов, железными бицепсами молодец красуется-играет, а над головой его невиданная шапка дымовая всеми цветами радуги колыхнется. Вот ведь что любовь с огнеделами вытворяет! И Чусовая тоже своего добила: теперь она вместо сестрицы Ревды ласковой прохладной змейкой струится-нежится в железных ладонях своего избранника.

И ведь как все вовремя Огнедел сотворил! Человечи в очередной раз что-то на своей большой земле не поделили, и разразилась у них великая война. Вот уж добавилось хлопот Ог-

◀ Эта жидкость течет в Чусовую со стороны СУМЗа. Июль 2011 г.

где Хвостносец махаон, которого ты не хотел и боялся спугнуть дыханием? Где богородская трава чабрец, утишающая недуги? Куда подевались лесогоры камни-утесы у моей воды? Где тот рай, что ты сулил мне, Огнедел?

— Но взгляни налево, сударыня, — бодрился и ластился к ней Огнедел, — какие фонтаны и коттеджи явлены на месте твоих болот. А направо-то, направо посмотри, туда, за береговую черту — не город ведь, а каменная сказка творится на твоих глазах. Какие дворцы, фонтаны, улицы с многоэтажками и аллеями! Люди, в тяжелых трудах построившие свои заводы, что-то взяли у тебя и Лесогора, но ведь они и возвращают!

— Возвращают, Огнедел? — нетерпеливо забила-заплескала ладошками река. — А ядовитый мышьяк в «хвостах» твоего медеплавильного завода? А его сернистый газ, слизывающий с моих берегов целые деревни? А смертоносные окиси хрома, которые находят уже даже в каспийских водах? А масляно-желтые воды моей бедной Пахотки? А оранжевые скалы на ее берегах? А горы пустой породы на месте подаренных мне Лесогором крыласовских «бойцов»? Да знают ли люди, что у них могут быть внуки, а у внуков еще внуки?

— Ты, вижу, стала взрослой, Чусовая, — вдруг посерьезнел Огнедел и отпустил реку с ладоней. — Тебе пора узнать, что люди, а я — их воплощение, их рукотворная стихия —

противостоим Лесогору. С ним можно поиграть, вот как дитя играет с котенком: чуть не по его, и котенок будет предан мучительной смерти.

— Играть с Лесогором, который дарует людям вечность!? — воскликнула Чусовая. — В этой отравленной земле они, играя, роют вечности могилу!

Чусовая вдруг задумалась и, помолчав, спросила:

— Значит, ты и со мной играешь, Огнедел?

— Сударыня! — Он снова невесомо подхватил Чусовую. — Разве ты не хочешь людям добра? Разве ты не стала частью их рукотворной стихии?

— Люди разные, Огнедел... — осторожно возразила река.

— Ха! Разные? Ты ошибаешься, сударыня! Оглянись вокруг себя: вот сельчане поселка Первомайка, пьющие твою животворную воду, прямо на берегу, у самой твоей воды строят свиноферму... Туристы, плывущие на лодках и семьями отдыхающие на твоих берегах, умилительно фотографируются на фоне твоих пейзажей и оставляют после себя черные кострища, свалки мусора и отходов... А одинокий рыбак, живописно хоронящийся на своей лодчонке за кустом тальника, опускает в воду электроудочку и в нескольких метрах вокруг себя губит все живое...

— Лесого-о-о-ор... — разнеслось по округе.

Освободившись от объятий Огнедела, в бесцветном распаханном халатике, оставляя палитру брызг и маслянистый след, молодая женщина-река бежала прочь, не разбирая дороги.

неделу. Не до любовных ему теперь забав. Ревдинская медь, первоуральские трубы, огнестойкий динасовый кирпич, хромитовые соли, зажигабельные и бронебойные смеси... Какие там барки-коломенки! Железные огнеделовы рельсы-реки исчертили чусовскую округу и все грузы взяли на себя. «Отдыхай, любимая, от этих транспортных забот, — походя говорит вечно занятой Огнедел, — провжай вон лодочки, плотики и катамаранчики, балуй людишек, если им придет охота и досуг».

Но любовная слепота реки, как и у человека, бывает, однажды улещивается, спадает пелена. А прозрение с того началось, что глянула на себя в свое зеркало молодая женщина-река и всплеснула струями-руками. Что за дурнушка перед ней! Что за грязнуля! Зеленое в цветах платье береговых сосновых рощ и ромашковых полян сменил замызганный халатик, обнаживший тайны ее заводей и омутков. В распущенные волосы тугих холодных струй вплелись мутные и безжизненные пряди притоков. Берега оцетинились черными пнями и остатками деревьев. Словно замерло все вокруг и остановилось в молчании — ни гомона птиц, ни плеска рыбьей детворы...

— Огнедел! — вскричала разъяренная река. — Скажи мне, Огнедел,

▶ Пойма реки в районе СУМЗа. Март 2014 г.

Первоуральск: Динас, поселок Первомайский

Иллюстрации из фондов Музея истории ОАО «ДИНУР»

«Пойду молочка у кулаков куплю...»

Вдоль реки Чусовой, начиная от заводских корпусов и до железнодорожного моста, тянется живописная улочка деревянных домов. Почти от каждого дома к реке спускаются мостки, чуть ниже через реку перекинута лента висячего моста. Течение Чусовой в этом месте спокойное, и лишь только старожилы помнят единичные случаи разлива реки, когда вода переливалась через полотнище моста.

Этот район часто называют просто «за линией», имея в виду железнодорожную ветку, соединяющую станцию Подволошная и склад готовой продукции Первоуральского динасового завода. Реже можно услышать, что это «кулацкие» дома: «Пойду, молочка у кулаков куплю».

Это отголоски страшных 30-х годов, когда волна репрессий против крепких крестьянских хозяйств смела и разбросала по всей стране сотни тысяч семей. Под категорию «кулаки» были загнаны честные, работающие люди, многодетные семьи, опора сельского хозяйства. Они стали жертвами небывалого размаха индустриального строительства.

Вчерашние крестьяне, имевшие свой дом, землю, скот, вынуждены были отправиться в ссылку, жить впроголодь, работать, где скажут и кем ска-

▲ Первый мост через Чусовую в районе Динаса (сегодняшний вид). Фото Михаила Гимадиева

► Спецпереселенцы

жут, получать за этот каторжный труд копейки, которые еще нужно было отдать на многочисленные государственные займы.

14 августа 1931 года первые 300 семей спецпереселенцев появились на станции Подволошной. Их привезли на строительство завода по выпуску огнеупорных изделий. Назывался он тогда Билимбаевский динасовый завод.

Поселка как такового еще не было, стояло лишь несколько продуваемых всеми ветрами бараков, в которых трубы печей выходили в окна. Для проживания «кулаков» выделили барак по ул. Ленина под номером 10, где в одной комнате находилось от 20 до 25 человек. Жили и в коридорах за занавесками. Два раза в день в барак наведывался с проверкой комендант. Продукты «кулаки» покупали в отдельном магазине, обедали в отдельной столовой.

16 августа первые 118 человек вышли на работу. Рыли котлован под производственные здания, укладывали шпалы железнодорожной ветки, строили дома. Выполняли особо тяжелые ра-

Ольга Долгих

Заведующая научно-технической библиотекой, хранитель музея истории ОАО «ДИНУР», член общества краеведов г. Первоуральск, автор многих статей по истории завода.

▲ «За линией». 1931 год

боты: валили лес, корчевали пни, рыли котлованы, работали в сельхозартели, которая кормила рабочих и жителей. Именно труд «кулаков» спас новостройку динасового завода от закрытия. Некоторые сумели стать десятниками на строительстве или бригадирами. Так, в поселке долго бытовали «ясли Тайгунова», построенные бригадой Кузьмы Кирилловича Тайгунова, трудоселенца из деревни Кочетовка Куйбышевской области.

Позднее уже дети спецпоселенцев станут кадровыми рабочими динасового завода: садчиками, прессовщиками, откатчиками, выгрузчиками. Они успеют наглотаться кварцевой пыли в цехах и заработать страшную болезнь — силикоз, существование которой признали только в 40-й предвоенный год. Раньше люди десятками умирали от «каменной болезни». Целыми семьями уносил в могилу тиф. На плитах Мемориала старого динасовского кладбища есть фамилии Ветчаниновых, Килиных, Лепихиных, Спирыковых, Пономаревых, Рогалевых.

И тогда трудоселенцам разрешили строить жилье за заводской железнодорожной линией на берегу Чусовой. Крепкие крестьянские руки возвели дома на улицах Чапаева, Лермонтова, Куйбышева, Чернышевского. Поч-

► И. Д. Трубинов, сын «кулака» и «врага народа» Д. М. Трубинова, заводского коновозчика

▲ На строительстве ж/д ветки Поволошная-завод

ти все они стоят до сих пор, разве что сменились хозяева домов, так как большинство первых уничтожили в страшном 37-м...

селенцы, более половины списка расстреляны осенью 1937 года. Так государство «отблагодарило» своих граждан, создавших ему материально-техническую базу.

В середине 50-х годов вновь на улицах «за линией» застучали топоры — завод выделил своим работникам денежные ссуды для строительства индивидуальных домов. Среди тех, кто не побоялся тяжелой работы были и дети «кулаков», правда, уже редко кто вспоминал это обидное прозвище — своим добросовестным трудом они давно и прочно получили заслуженное уважение и доброе имя.

▼ И. Г. Брехов. Арестован и погиб осенью 1937-го. Семья долго жила в доме, построенном его руками. Дом и сейчас стоит на ул. Куйбышева

▼ Улица Чернышевского

▲ Дом техники

◀ Заводоуправление

Портрет без портрета

В августе 1934 года на Первоуральский динасовый завод (теперь его называют «ДИНУР») приехал умелый и энергичный руководитель Владимир Ерофеевич Росман. За его плечами к тому времени была

этот человек за неполных 4 года своего директорства.

До Первоуральска он учился в школе горных десятников, работал на донецкой шахте, участвовал в боях Первой мировой войны и был ранен. Вступил в партию большевиков и участвовал в партизанском движении. После Гражданской управлял рудниками, а в начале 30-х был командирован на Урал, на Первоуральский динасовый завод, который тогда испытывал кадровый голод. Предстояло не только запустить производство, но и впервые в мире отработать технологию выпуска динасовых огнеупоров из кристаллических кварцитов горы Караульной.

При нем деревянный поселок стал подниматься в камне. Появились здания заводоуправления, центральной заводской лаборатории, железнодорожного и механического цехов.

От стариков и теперь еще можно услышать: «Это наш Ерофеич строил. Простецкий был человек. Не гнушался зайти в барак к любому рабочему. Где горе — шел, и где радость — шел. Бывал у нас запросто и на именинах. Посидит, покурит, расспросит о жите-

▲ Сквер

▶ Пни на стройплощадке

▼ Коттеджи для руководящего состава

большая жизненная школа. Далеко не все факты его биографии известны. Нигде, включая Москву и Екатеринбург, не удалось найти его портрета, не сохранила история и дат его жизни. Но жители поселка до сих пор вспоминают Владимира Ерофеевича с глубокой благодарностью — столько успел сделать

быть и о делах. А иногда и работал рядом с нами — и землю копал, и тачку возил, и лес рубил на субботниках...».

Был он мечтателем, «наш Ерофеич». Видя в поселке непролазную грязь, чахлый лесочек около заводоуправления, мусорные кучи на центральной улице, он мечтал разбить парк и построить каскадные фон-

таны. Сквер строили всем миром, на субботниках, причем выходили не только рабочие и жители поселка, но и все руководители вплоть до директора. А работа была нелегкая. Здесь был сплошной лес и протекала речушка. Ее надо было отвести. Рыли канаву, вырубали кусты, выворачивали пни... Он и поселковый клуб благоустроил так, что обычный барак превратился в самое красивое помещение на поселке и стал центром всей культурно-массовой работы. В 1935-м в клубе установили аппаратуру для звукового кино.

А 30 июля того же года был открыт лучший в области сквер с цветущими клумбами, фонтанами, аллеями, танцевальными площадками. Было высажено до 700 разных деревьев и кустарников. Установлены белоснежные скульптуры в разных уголках сквера. Представляете, что значило для рабочих того времени, выйдя из крошечного тумана в запыленном цехе, тут же за проходной очутиться меж цветущих клумб, пересечь аллею аромат-

ных лип, постоять под тенью тополей, вслушаться в пенье птиц. Нет сейчас танцевальных площадок в этом сквере, но стоит торжественный монумент погибшим динасовцам, горит вечный огонь, приезжают молодые в день свадьбы, собираются ветераны. И так же журчат струи фонтана, выполненного из уральских самоцветов.

Все, сделанное в пору директорства Росмана, даже перечислить трудно. Он завершил строительство поликлиники и больницы. В одном из новых барakov открыли столовую, магазин, парикмахерскую и помещение для партработы. Рядом с заводской проходной выросло первое каменное здание поселка, так называемый Дом техники, где для инженерных кадров завода были оборудованы гостевые комнаты, бильярдная, научно-техническая библиотека, лекционный зал. Сегодня здесь размещаются кабинеты Управления социального развития завода, профсоюзный комитет, техническая учеба и фонды библиотеки. Методом субботников

◀ Сквер

построено футбольное поле. Открыта секция планеризма, которой руководил Александр Петрович Силантьев, в будущем замечательный летчик, Герой Советского Союза.

Остановила директора волна репрессий. Вслед за партийными и хозяйственными руководителями города, на партийных собраниях в горкоме начали рассматривать и персональное дело Владимира Ерофеевича, его «антипартийное» поведение: поддерживал троцкистов, помогал «врагу» скрыться от правосудия, зажимал самокритику... Для окончательного решения дела Росмана вызвали в Москву. И там следы его теряются. Ни портрета, ни могилы, ни дат жизни... **УС**

▼ Фонтан в сквере

На висячем мосту

Чусовая в начале 30-х годов была еще глубокая, и люди переправлялись на завод на пароме. Но после обмеления реки эта возможность исчезла. Тогда в 1933 году протянули через реку канатный висячий мост, который существует и поныне как кратчайший пешеходный путь из Динаса в Первоуральск.

*На висячем мосту,
Глядя в струи речные,
Вижу жизнь, но не ту,
Что мы с вами хотели.*

*Чусовая река, что же с нами случилось?
В чем же люди теперь перед кем провинились?
Чувства локтя ни с кем, только чувство печали,
Но ведь наши отцы не об этом мечтали.*

В. Гречанов, ветеран завода

▼ Висячий мост старый.
Фото из фондов музея истории
ОАО «ДИНУР». Реставрация
Василия Коршунова

▲ Мост ночью.
Фото Михаила Гимадиева

▲ По обе стороны было село

Иллюстрации из архива автора

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Студеников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машзаводе, выпуская гранатометы для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинска-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожилых, в том числе бабушки Е. М. Васильевой, пожившей еще «при помещике». Собирает предметы быта, фольклорный материал, старые фотографии, изделия домашних промыслов. В городской газете «Вестник» открыл и вел рубрику «Историки». Сотрудничает в «Южноуральской панораме», «Каслинском альманахе» и снежинском «Свете памяти», местных газетах. Живет в Снежинске.

Жизнь и смерть Русской Караболки

Как-то возвращался я из Челябинска в Снежинск автобусом и обратил внимание на странное поведение пожилой женщины, сидящей впереди. Она явно хотела что-то разглядеть за окном и долго провожала взглядом. На глазах ее были слезы.

По приезду мы разговорились. Она оказалась жительницей бывшей Русской Караболки. Я занимался родословной Глазыриных, а они в большей части тоже оттуда. Здесь мне повезло с живой информацией о быте села: отдавали сохранившиеся фотографии — одна даже на металле 1916 года — и некоторые вещи. И я решил восстановить краткую историю села, ведь о нем не упоминает даже энциклопедия Челябинской области.

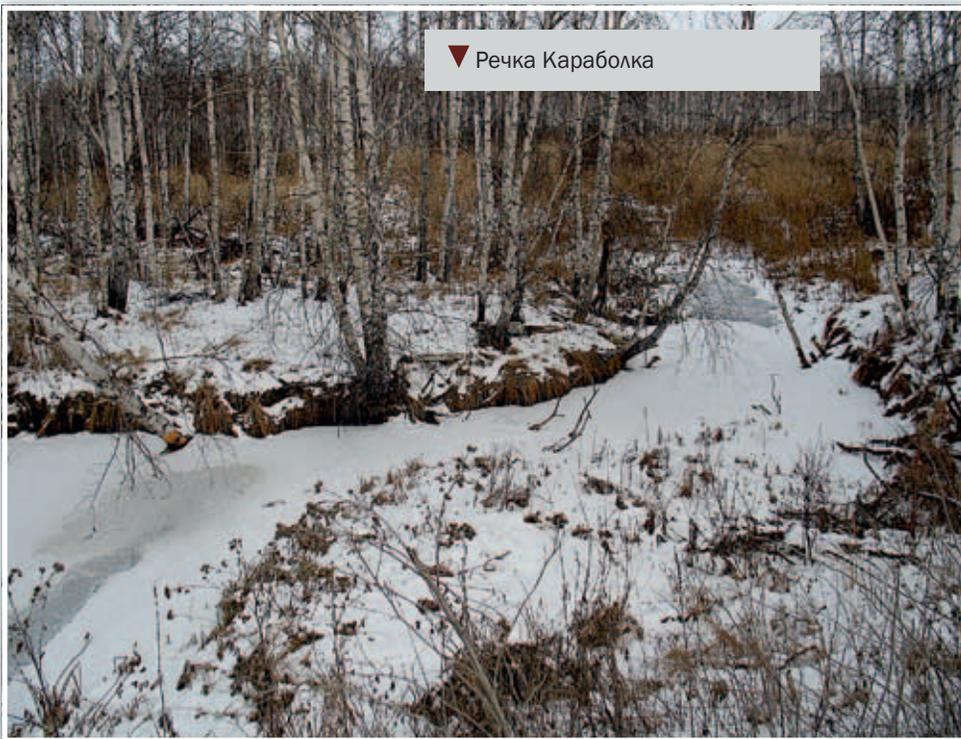
Вот что сказано в историческом документе: колонизация Зауралья идет быстро. К 1680 г. в южной и юго-восточной части значится уже 422 русских населенных пункта и 8500 человек населения. Помимо Бабиновской дороги, шедшей через Верхотурье, становится довольно оживленным прямой путь из Тобольска на Уфу и Казань — «Казанская тропа». Она «шла на восток от Каслей по левую сторону от речки Караболки, возле озер Б. и М. Аллаки, на оз. Пороховое, на р. Синару, затем возле оз. Маян к Исети и оттуда

на Катайск, Тюмень и Тобольск. К западу от Каслей тропа переваливала через Урал и разветвлялась на две части на Уфу и Кунгур».

И вот недалеко от «Казанской тропы» на Уральском (потом) тракте и стояло Карабольское село, о котором сказано: Карабольское село (Б. Благодичинье) расположено на Челябинском тракте между почтовыми станциями Куяш и Тюбук, по течению речки Караболки, от которой и получило свое название. Расстояние его от Екатеринбурга — 112 верст. Основателями его являются крестьяне-переселенцы из деревень Фоминой и Бруснянки (Екатеринбургского уезда). Главное занятие жителей — земледелие, так как долина речки Караболки, отличаясь умеренным климатом, изобилует в то же время и черноземом. До 1869 г. Карабольское село было приписным к Тюбукскому приходу, лежащему севернее его на 14 верст. Существующий в нем храм — во имя Святой Троицы — деревянный и переделан из часовни, выстроенной в 1852 г.

▲ Знаки «На зараженной территории грибы и ягоды собирать запрещено!»

▲ Пойма реки

первыми поселенцами в числе 20 домохозяев. В настоящее время население его увеличилось до 1048 душ обоюго пола — все православные. При церкви есть школа грамоты.

В наше время, с 1958 года, села не существует. На его месте ровными рядами с востока на запад растут посадки — как когда-то давно располагались две большие улицы, пересекавшие тракт, и еще одна улица — Почтовая, потом Советская, а в народе — Школьная, «которая шла вдоль почтового тракту по правую сторону, как ехати на Челябину. Рядом с трактом поставлена каменная церква, здесь же на площади стояла лавка, куда заезжали путешествующие».

Село, живущее у тракта, не объезжали ни хорошие, ни плохие перемены. Пережили революцию, Гражданскую войну, коллективизацию. Пропылили по тракту кареты, тарантасы, кибитки прощуршали шинами по мо-

щенной в 20-годах дороге машины. Село продолжало жить своей размеренной жизнью. В праздники и свадьбы наряжалось во все красивое, украшало упряжь, лошадей увешивало цветами, лентами, березовыми ветками. Многие сельчане во время коллективизации уехали, не желая вступать в колхоз «Искра», уезжали на Кузнечиху, а потом оставшиеся трудились на славу, выращивая хлеба, косили, жали, сеяли, веяли, пахали и вели овощное парниковое хозяйство. На лугах стояли ульи.

Во время уборочной в поле готовили еду, где обязательно присутствовал гороховый кисель. На прополку обеды брали с собой. Упомяну некоторых жителей, работавших в военное и послевоенное время, — они этого заслужили, как и многие другие: председатель колхоза В.Н. Блинов, А.Н. Беспалов, секретарь сельсовета П.П. Попова, бригадир тракторной бригады: Е.Я. Глазыри-

на, П.А. Иванов, животновод П.З. Муратов, полевод А.С. Банных, И.Я. Глазырин, кузнец П.М. Глазырин, молотобоец В.Д. Глазырин, фельдшер Рева, медсестра Н.Ф. Банных, продавец А.С. Попова.

В колхозную молочно-товарную ферму (МТФ) жители сдавали молоко, яйца, масло и др. Работала своя мельница и пекарня. За школой располагался ток, где сперва зерно молотили цепями, потом механическими молотилками. Веялки тоже сперва крутили бабы вручную, потом от шкива трактора через ремень. Зерно хранили в церкви после ее закрытия в 1935 году. Всю сельхозпродукцию, кроме части трудодней и семенной, вывозили в Касли в заготовленное зерно через Алабугу. Магазин снабжался от тубукского сельпо. Работала изба-читальня. Избачом был П.А. Попов, он же заведовал клубом. В клубе читали лекции, ставили концерты и спектакли, привлекая к этому сельчан; как всегда, большим спросом пользовались танцы.

Возле клуба лежали две надгробные плиты, видать, от погоста, что был у храма. Написанного на плитах никто не помнит — они служили скамейками для пришедших. Для карабольцев, кроме кладбища, почитаемым было место за селом, где была могила расстрелянного красноармейца. За ней ухаживали, подкрашивали оградку, проходя мимо, клали цветы.

Вот интересный факт. Когда не желавшая работать в колхозе А.Д. Глазырина (Тоня маленькая) сбежала в 1942 году в челябинский дорстрой и работала на участке, который про-

легал от Надырова моста до Щербавки, то ее привлекали в колхоз только на время уборочной. Сделали так, что числилась она в колхозе, но за эту уступку снимали с нее 25% за невыработку трудодней.

С кем бы я ни общался, все добром вспоминали учителей, директора школы Захарова и его жену Н.Г. Захарову. Школа была 4-летней, числилось 28 учеников. При школе — свой огородик и цветник. Директор много рассказывал об истории села. Ниже по течению речки ранее поселились казанские татары, сбежавшие от крещения при Иване Грозном. Они и назвали поселение Караболкой. Новое поселение стало называться Русской Караболкой (хотя по документам значится Караболка Каслинского и Караболка Кунашакского района). По поводу названия речки существовала своя версия названия — от слов кара-балык, т.е. черная рыба (линь).

У тракта стоял единственный большой каменный дом с двумя выездами — постоялый двор Бородулина. У хозяина была жена немка, она утонула в речке во время припадка. В этом доме после закрытия церкви проводились некоторые службы (крещение).

Так и жило село, отражал жизнь сельчан в фотографиях М.П. Глазырин. Отснял он и последнюю, как оказалось, круглую дату села. Это случилось 29 сентября 1957 года в 16 часов 20 минут. На «сороковке» произошла авария. Емкость из нержавеющей стали, содержащая до 80 тонн высокоактивных отходов и заглубленная в бетонном каньоне на восьмиметровой глубине, взорвалась, отбросив бетонную плиту перекрытия на 25 метров. В результате образовалось радиоактивное облако, которое поднялось на высоту 1 км.

Вспоминает Г.Ф. Глазырина (Баных): «Был вечер. Откопав картошку, мы сидели в доме и пили чай. Я вышла на крыльцо и увидела на западе зарево. Подумала: северное сияние. Долго любовалась необычным зрелищем, позвала и домашних тоже. Супруги Жирновы пришли утром к комбайну, увидели, что он в желтой пыли, стали стирать ее, думая, что это кукурузная пыльца. На следующий день по селу ездили странные машины с солдатами, все проверяли приборами, ставили метки и таблички с цифрами. Уже потом жители узнали, что случилось. О выселении не было пока разговора, но нашли смекалистые — резали скот и за зиму его съели.

Весной 1958 года началось выселение, пока частичное, партиями в Тахталым (Кунашакский район). После проверки и обработки брали с собой

необходимые «чистые» вещи, которые хранились в сундуках, и, по желанию, скот. Сено брать не разрешалось. Пригнали 40 студебеккеров, и тут началось: ревели люди и скотина, почти как в 1941-м. Люди почему-то прощались друг с другом.

Строения потом сравнивали с землей, но пришлось повозиться с храмом: кувалды не помогали, и техника оказалась бессильной. Пришлось взорвать. Крупные части кладки увезли на отсыпку оз. Карачай, а мелкие — в Татарскую Караболку, в фундамент под коровники.

В Тахталыме пострадавшие получили компенсацию и разрешение на постоянное место жительства на их усмотрение. Так в Аллаках, Тюбуке, Булзях и в других местах появились и карабольские фамилии: Соколовы, Мишарины, Беспаловы, Сысковы, Гурьяновы, Мурашovy.

А вот Татарскую Караболку не выселили. Там большая смертность, рождаются дети с патологиями. Взрослые, работавшие на зараженной местности, потом по записям в журналах учета получили пособие. А вот школьники, эти маленькие ликвидаторы, не все могли добиться, только удалось по школьным журналам доказать, что в то время они не учились, а были привлечены к работам на полях или посадке саженцев на месте уже бывшей Русской Караболки.

И вот по прошествии некоторого времени собрались земляки на Радунцу проводить родные места, посетить упокоившихся, но увидели там ровное поле и пробивающиеся сквозь бурьян молодые сосенки. И несся над этим мелколесьем плач и стон: ни креста, ни печной трубы,

из которой когда-то поднимался дым от родного очага, несло теплом и пахучей стряпней — ничего...

Караболка — топоним тюркского происхождения. В источниках — Карабол, Караболга, Карабулак. Разнописание затрудняет определить его первоначальное значение. «Кара» в башкирских гидронимах — не только «черная, темная», но и «чистая». «Болка», скорее всего, исходит от слова «булак» — «приток», иногда «река». Значит, Караболка, или Карабулак — темная или чистая река (Шувалов «От Парижа до Берлина»). Речка Караболка и ее притоки берут начало в торфяных болотах или протекают по ним. Вода коричневого цвета.

А Глазыриных в Снежинске много. Слышал, что их фамилия произошла от профессии покрывать керамику глазурью и что они из Подмосковья. Хочу заметить в подтверждение этой версии, что захоронения в селе проводились по традициям, характерным для средней полосы России. В Караболке Глазырины жили в основном по улице Почтовой, которая шла вдоль тракта, а это значит, что они основатели поселения. Булзинский храм строился в 1831–1841 годы. На памятной табличке были отмечены состоятельные люди, давшие значительные пожертвования. Среди них упоминается С. Глазырин (Спиридон Глазырин мыл золото на оз. Боровом). Видимо, Глазырины почти в одно время появились в этих селах. **УС**

▼ Семья Глазырина Дмитрия Александровича

Жаковы — букет талантов

(история одной династии)

Исполнилось 25 лет со дня смерти народного артиста О. П. Жакова. Сарапульский краевед Н. С. Запорожцева, предки которой по отцу — донские казаки («зов крови», что ни говори!), с большим энтузиазмом исследовала родословную казачьего рода Жаковых.

На одной из родоведческих конференций Урала я познакомилась с интересным, неравнодушным человеком. Вот уже много лет он до тошно изучает историю древнего рода Жаковых, своих прародителей. «Жаков? — переспросила я. — Так ведь актер Олег Жаков — наш земляк!». И тут Андрей Львович Ламанов поведал мне о замечательной вятско-донской-уральской династии Жаковых, в которой вместе с народным артистом СССР есть заслуженные врачи, связисты и революционеры, члены правительства и топографы, учителя, журналисты и литераторы. Происходят Жаковы из донских казаков. «Казак — не сословие, а состояние души» — говорят на Дону.

Актер на все времена

Любимые наши советские артисты всегда вдохновляли зрителей, мы гордились ими, подражали им, находили их черты в своих близких. Недаром сказано: артист — это душа нации. Зритель безошибочно выбирал среди популярных артистов своего кумира, олицетворявшего собой лучшие человеческие качества. Таким народным любимцем был и остается и народный артист СССР актер Олег Петрович Жаков.

Он родился в Сарапуле 19 марта (1 апреля) 1905 года в семье ветеринарного врача Петра Захаровича Жакова. Врачебные семьи в Сарапуле, как правило, жили безбедно — имели свои дома, прислу-

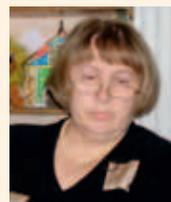
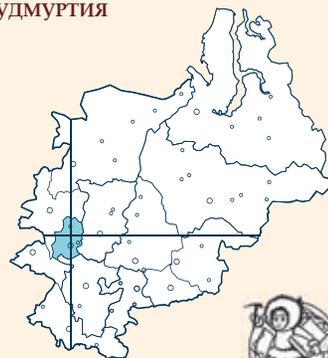
гу, экипаж. Мама Олега, Апполинария Григорьевна, воспитывала трех детей. Когда в 1912 году семья Жаковых из Сарапула переехала в Казань, Олег окончил церковно-приходскую школу и два класса реального училища. В доме родителей часто устраивались домашние спектакли. Но настоящей страстью мальчика было чтение и походы в кино. И хотя в ту пору кино считалось развлечением для бедных, а не для мальчика из хорошей семьи, Олег часто сбегал из гимназии в близлежащий кинотеатр «Палас», и даже поработал там киномехаником.

В 1919 году семья переехала в Екатеринбург, где отец возглавил тубдиспансер. Олег окончил среднюю школу, поучился три курса в политехникуме на педагогическом отделении. Но интерес к кино привел его в клуб футуристов «ХЛАМ» («художники, литераторы, артисты, музыканты») и в фотокинотехникум. Встреча в клубе с талантливыми авангардистами режиссерами Сергеем Герасимовым, Григорием Александровым и актером Петром Соболевским определила будущее Олега. Выбор был сделан. Когда екатеринбургские друзья уехали учиться в Ленинград, то вслед за ними в 1926 году подался туда и Олег. Он поступил в студию-фабрику эксцентризма (ФЭКС), где Гераси-

▶ Николай Захарович Жаков

Иллюстрации
предоставлены
автором

удмуртия

Наталья Запорожцева

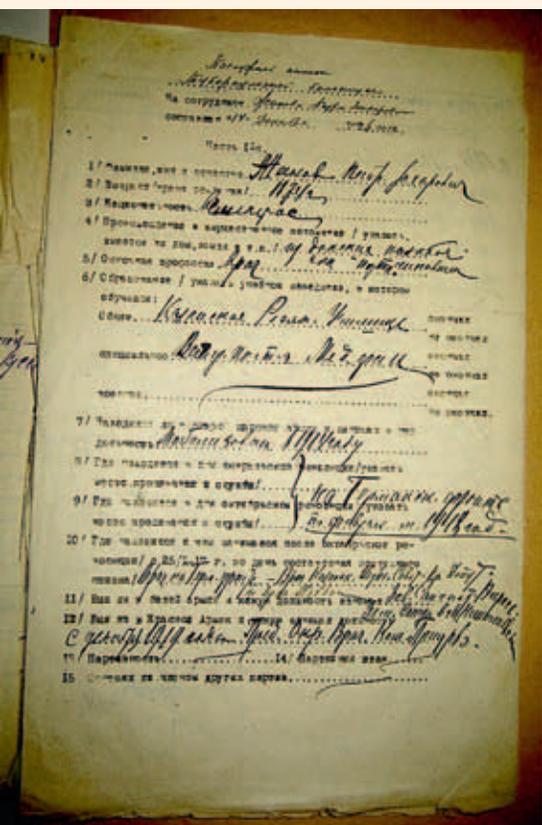
Медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина».

▲ Семья Жакowych-Тимофеевых (Антонина Захаровна Жакова-Тимофеева сидит вторая слева, ее муж Тимофеев Вениамин Иванович стоит второй слева, Петр Захарович Жаков стоит первый справа, Евдокия Захаровна сидит вторая справа)

◀ Анкеты из дела

мов и Александров уже занимались у Григория Козинцева и Леонида Трауберга. Вскоре он впервые снялся в массовке в экранизации гоголевской «Шинели». «Жаков — актер?! Скромный, застенчивый, сутулый... Куда ему?!» — говорили о нем. Но Козинцев думал иначе и сумел разглядеть в провинциальном юноше будущего хорошего актера. Они снимались на первобытной черно-белой пленке, при примитивном освещении, в немом кинематографе — и были счастливы! Козинцев и Трауберг учили молодых актеров добиваться предельной выразительности жеста и ценить каждую секунду экранного времени. Под влиянием этих режиссеров Жаков вырабо-

тал свою манеру игры. Когда студия «ФЭКС» рухнула под напором соцреализма, а Козинцев и Трауберг были признаны формалистами, Жаков сохранил верность своим учителям и стал мастером исключительно точного рисунка каждой роли.

Он окончил киноотделение Ленинградского института сценических искусств, а затем работал на студиях «Ленфильм» и «Мосфильм». В первой звуковой картине С. Герасимова «Семеро смелых» Олег Жаков сыграл роль немецкого эмигранта Курта Шеффера. У Жакова в этом фильме почти не было реплик. Но скудость текстового материала актер обратил в драматургическую силу, и сдержанность Курта, сыгранного Жаковым, могла держать зрителей в напряжении в течение всего фильма. Со-

рок лет спустя, Герасимов предложил Жакову сняться еще в одной своей картине «У озера», где актер блестяще сыграл роль профессора Бармина — ревностного хранителя Байкала. Олег Петрович запомнился в этой роли многим моим современникам. В нем была несуетливость и человеческая основательность, русская душевность и простота. Сам фильм зрелого режиссера стал предвидением, предостережением надвигающейся экологической катастрофы, следы которой сегодня отчетливы. В фильме «Депутат Балтики» Жаков великолепно сыграл доцента Воробьева в дуэте с Николаем Черкасовым. А немного позже роль бывшего заключенного Федора Таланова, жертвующего жизнью на войне ради своей страны стала одной из лучших из работ Олега Жакова. Он сумел сыграть обиду своего героя без единого слова. Его глаза говорили о сталинских репрессиях куда откровеннее, чем сценарий Леонида Леонова. Для мальчишек предвоенной и военной поры герои О. Жакова были примером. Ведь это была классика, на которой воспитывались целые поколения. («Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта», «Великий гражданин»). Олег Жаков работал с такими замечательными мастерами как оператор Иван Москвин, актеры Б. Андреев, Н. Черкасов, Б. Ливанов, П. Алейников, Б. Бабочкин, композиторы Д. Шостакович и Ю. Тынянов. В 1946 году Жаков снимался на Алтае у режиссера А. Згуриди в фильме «Белый клык» в роли горного инженера Смита. Для съемок собаки-волка был доставлен героический пес Джульбарс, известный всей стране. С собакой работала жена кинолога А. Мазовера, Дина Волкац, и пес превосходно выполнял все команды и ни разу не подвел. История приручения пса-убийцы увлекла Олега Петровича. Он любил собак и с удовольствием снимался с Джульбарсом. Ему нравилось, что пес не допускал панибратства, четко выполнял команды и был чрезвычайно вынослив в холод и непогоду, когда актеры падали от усталости.

Со своей женой, артисткой Ленинградской филармонии Татьяной Новожиловой, Жаков познакомился на концерте, в котором они оба участвовали. У каждого к тому времени был неудачный брак и по двое детей. Татьяна Ивановна долго не принимала всерьез ухаживаний Жакова, но тот был настойчив и изобретателен. Он задал свою избранницу цветами. А однажды Татьяна Ивановна увидела на снегу послеблокадного Ленинграда выложенное красными яблоками признание в любви. Для покупки этих яблок он по ночам разгружал вагоны. Когда Татьяна Ивановна из-за болезни почек вынуждена была переехать из Ленинграда на родину в Пятигорск, Олег Петрович, не раздумывая, поехал с ней. Своим родным детям, дочери Галине и сыну Олегу, Жаков продолжал помогать в течение всей жизни. Сын жены Юрий тепло рассказывал об Олеге Петровиче: «Он был немногословным, но с отменным чувством юмора. Всегда звал меня на рыбалку и охоту. Мог неделями жить один или в компании егерей в лесах и на озерах. Его много раз звали жить в Москву и в Ленинград, ведь снимался он часто. Но он отказывался переезжать, говорил, что лучше будет постоянно летать, но Пятигорск не покинет». Когда Татьяна Ивановна скончалась, он очень тяжело пережил ее смерть, но никому не показывал свое горе. Незадолго до смерти Олег Петрович очень хотел увидеть свою родную дочь Галю. Но пришла телеграмма: «Папа, я лежу в онкологии». Эту телеграмму ему показывать не решились. Вскоре после его смерти Гали тоже не стало. 31 декабря 1987 года у Олега Петровича случился инсульт. Эта последняя зима в Пятигорске была для родных очень тяжелой, но он держался стойко. В пять утра 4 мая 1988 года, после приезда «скорой помощи», родные услышали его глубокий последний вздох. Умирая, он никого не потревожил. Ушел спокойно и достойно, так же, как и жил. Михаил Ножкин, с которым Жаков снимался в фильме «Ошибка резидента», установил на доме Жакова мемориальную доску.

Олег Жаков снялся более чем в ста фильмах. Его герои, как правило, мужественны и сдержаны, героичны и самоотверженны, они личностны. Жаков воплотил в советском кинематографе образ интеллигента, полного внутреннего достоинства. Он и в жизни походил на своих киногероев. Все, кто знали Жакова, говорили, что он «совершенно такой!» О. П. Жаков, народный артист СССР, лауреат Сталинской и двух Государственных премий, кавалер трех орденов был

чрезвычайно скромно и приветливо, никогда не просил себе званий и наград. Его, — одного из немногих в нашем кино — называли «актером на все времена». Он всегда был «у дел» и неизменно вызывал у зрителей разных поколений глубочайшее уважение. Последней работой актера был фильм «Жаркое лето в Кабуле», где он снялся без малого в восемьдесят лет. Во время съемок в этой картине у него случился инфаркт, но, несмотря на это, Жаков завершил работу над картиной.

Актер жив ролями. И пока живут фильмы с участием Олега Жакова, будет жива и наша память об этом замечательном артисте, нашем земляке.

Уральские гиппократы

Отец Олега Петровича — Петр Захарович (1874–1947) — основатель врачебной династии Жаковых, у которой более чем 250-летний стаж. На фото бравый казачий чуб Петра и лихой вид, напоминающий шолоховского Григория Мелехова, определенно свидетельствуют о принадлежности к казачьей вольнице. Петр Захарович трудились на ликвидации эпидемий, сделал тысячи сибирезных прививок. Не удовлетворившись полученной специальностью, окончил медицинский факультет в Казани. Во время гражданской войны он был начальником санитарного поезда.

Санитарами в этом поезде работали два сына Петра Захаровича: Игорь, будущий знаменитый врач, и Олег, будущий народный артист. 50 лет служил медицине Петр Захарович Жаков. Он воевал в гражданскую войну, но самым ответственным стал для него другой фронт — борьбы с туберкулезом. Он создал и возглавил Свердловский тубдиспансер №2 и достиг отличных результатов в борьбе с палочкой Коха.

По стопам отца-врача пошел сын Петра Захаровича — Игорь Петрович Жаков (1903–1976), уроженец Сарапула, возглавлявший южноуральский санаторий «Кисегач» и Челябинский горздравотдел. В этой врачебной семье, которую хорошо знают челябинцы, есть педиатр и зубной врач, невропатолог и пульмонолог. Попать «в руки»

► Петр Захарович Жаков с семьей

▲ Олег Петрович Жаков

▲ О. П. Жаков и его жена
Татьяна Ивановна Новожилова

▲ Вера Жакова

к Ярославу Игоревичу Жакову считалось удачей. Он был один из самых именитых профессоров Челябинска: доктор медицинских наук, заведующий кафедрой госпитальной педиатрии меакадемии, главный детский аллерголог города, создавший национальную программу по лечению бронхиальной астмы. Его жена Галина Сергеевна — кандидат медицинских наук, два десятилетия была главным невропатологом Челябинска, более 40 лет работала в первой горбольнице. Сейчас эстафету от родителей-педиатров приняли дети — Всеволод Ярославич Жаков и Ярослав Игоревич Федоров.

«Почтовой станции диктатор»

Предки Жаковых — воспетые Пушкиным станцииные смотрители — служили в разных селах и городах Вятской губернии (Малмыж, Вятка, Глазов, Яранск, Уржум, Сарапул) и в Екатеринбурге. «Коллежский регистратор, почтовой станции диктатор», названный так князем Вяземским, в дождь, и пургу исполнял свою службу. Таков был смотритель почтовой станции Иван Осипович Тимофеев.

Шесть поколений Жаковых-Тимофеевых связаны с почтовой службой. Это Николай Захарович и Николай Тимофеевич Жаковы, окончившие Малмыжское уездное училище. Николай Захарович стал чиновником особых поручений Вятской почтовой конторы и был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Вениамин Иванович Тимофеев, муж Антони-

ны Захаровны Жаковой, дослужился в Екатеринбурге до почтового чиновника 2 разряда — надворного советника с окладом 1200 рублей годовых и был награжден тремя медалями и орденами.

Он отец пятерых детей. Одна из его дочерей служила на почте. А его правнук-связист, Андрей Львович Ламанов, любезно предоставил родословную и фотографии Жаковых для публикации.

Ученица Горького

Дочка Николая Захаровича, Вера Жакова (1914–1937) — талантливая писательница, корреспондентка и ученица А. М. Горького. Ее яркая жизнь и загадочная смерть достойны отдельного очерка. Она родилась в селе Никулино Курмыш Симбирской губернии, ныне Чувашской республики.

Детские годы провела в Благовещенске. С юных лет Вера читала запоем и запоминала все прочитанное наизусть, причем не только стихи, но и прозу. Учительницей ее была выпускница Сорбонны Надежда Владимировна Ершова, внучка писателя, которая и посоветовала талантливой ученице обратиться к Горькому.

В 1928 году в 14-летнем возрасте Вера написала первое письмо А. М. Горькому в Сорренто: «Станьте моим учителем». Письмо школьницы глубоко тронуло писателя, с той поры началась их переписка и дружба.

А. М. Горький отечески отнесся к Вере и помог ей стать настоящим литератором, правил рукопи-

си, помогал печататься. Она поражала пылкостью своего ума и энциклопедичностью знаний. Среди ее любимых книг были трактаты Леонарда да Винчи и исторический обзор об удельных князьях XIII–XVI веков, сочинения Стендаля и исследование о скоморохах на Руси.

«Перестаньте читать, иначе вы сойдете с ума, — писал ей Горький. — Не торопитесь, Верочка, дитя мое! — отечески предостерегал он. — Вам грозит болезнь, которую можно назвать: перенасыщение и утомление неорганизованным знанием...» И все же она спешила жить, целиком посвятив себя любимому делу — русской истории, древности, старине. Искусствовед В. Г. Старикова писала о ней: «Вера явилась к нам в музей Изобразительных искусств корреспондентом газеты «Пионерская правда», в которую помог устроиться Горький.

Курносая, в очках с жидкими, прямыми, как солома, волосами, зачесанными круглой гребенкой над огромным прекрасным лбом, в измятом, несвежем платье, Вера вскопчила на стол и стала показывать нам и обомлевшим сотрудникам античного отдела листы роскошных цветных репродукций с тольким что открытых помпеевских фресок «Альдебрандинская свадьба», присланных ей Горьким.

К вечеру Вера пленила весь музей: старичка Адарюкова, заведующего античным отделом, тем, что она знала родословную героев Илиады лучше его самого; во французском отделе она поко-

рила всех своим произношением». Еще бы — ведь она училась французскому языку у выпускницы Сорбонны!

При своей неброской внешности Вера была неотразима. Казалось, внутри у нее была лампочка, и когда она загоралась, лицо ее озарялось, в ее восторженном сиянии меркли любые красавицы. Вера гипнотизировала слушателей своей эрудицией и энтузиазмом. Она жила не столько в реальном мире, сколько в мире своих иллюзий, в мире героев книг и искусства. Влюблялась она только в героев романов. Необыкновенными способностями Веры, ее талантом нельзя было не восхищаться.

Алексей Максимович поручил ей написать историю Горьковского края, давая субсидию по мере работы, и отправил ее в Горький для сбора материала. Вера приехала из Горького совершенно преобразившаяся, красивая, модно одетая, но грустная и подавленная, как будто что-то в ней угасло. Она писала о знаменитом механике-изобретателе, самоучке Иване Кулибине, об архитекторе Федоре Конне, о музыканте Березовском.

Вот строки о жене Пугачева — Настасье Хлоповой: «В одном из селений близ Курмыша посылный Пугачева собрал мужиков и стал читать манифест, но тут на него набросился с ножом барский приказчик Евсей Якушкин. В этот момент из толпы выбежала девушка, схватила нож и вонзила его в горло приказчику, подняла бумагу и стала вновь читать собравшейся толпе. То была крепостная артистка балета барского театра Настасья Хлопова».

Вера мечтала написать книгу биографических очерков о страшных и талантливых русских женщинах, о «черных людях» — безвестных строителях подлинной народной культуры. Горький впервые напечатал в альманахе «Год XVII» ее исторические очерки об Аристотеле Фиорованти, Бажнове, Федоре Конне.

Он первый оценил ее работу о Кулибине: «Очень рад сказать вам, Вера, что о Кулибине вы написали хорошо — гневно, горячо, ярко и все — в меру. Чувствуется, как тема волновала вас, и это волнение испытываете. Уверен, что также испытает его каждый грамотный читатель. Вещь эту надобно будет издать вместе с другими биографическими очерками ва-

шего пера — прекрасная книжка будет».

Встреча с Горьким, приехавшим из Италии, была радостной, хотя его окружение всячески третировало Веру, пытаясь не допустить к нему.

Неустанно разыскивая материалы, необходимые для работы, она в короткий срок добила значительных результатов. Уже были написаны очерки Нижегородского Поволжья XIX века, отдельные главы о примечательных нижегородских людях, о школе Ступина, о Елене Ягуновой и других.

Ее труд уже шел к концу, когда в возрасте 22 лет она внезапно скончалась от паралича сердца. То, что к ее смерти приложили руку недруги Горького, сомнений нет. Родные не отрицают версии об отравлении

Веры Жаковой (официальная версия — отравление пирожным), так как матери Веры, приехавшей похоронить дочь, всячески препятствовали органы НКВД. Ведь случилось это в 37 году!

География многолюдной династии Жаковых, в которой уже собраны сотни лиц, — не только вся Россия: Урал, Сибирь, Кубань и Ростовская область, Нижний Новгород и Казань, Санкт-Петербург и Москва, но и Париж, Варшава. Мы не упомянули о репрессиях в этой семье, о корреспондентах «Советской России» в Москве Федоровых — Элле Игоревне и Анатолии Борисовиче, о сестрах и братьях Евстифеевых, побывавших в Африке и Париже. Надеемся рассказать о них в будущей книге.

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

«Уральский следопыт» приглашает
на традиционный фестиваль зимнего экстрима
на главной площади Екатеринбурга

11 января

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ

В организации фестиваля
принимают участие:

Министерство по физической
культуре, спорту и молодежной
политике Свердловской области

Свердловское отделение
Русского географического
общества

Управление по развитию
физической культуры, спорта
и туризма администрации
города Екатеринбурга

Управление культуры
администрации города
Екатеринбурга

Федерация альпинизма
Свердловской области

Спортивно-туристский союз

Подробности на сайте
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

декабрь 2014

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

АННА ВОЙТОВА
Темная ночь

50

68 **Законы Вселенной**

СВЕТЛАНА КОЛЕСНИК
АНДРЕЙ БОЧАРОВ
Я – Ленин, я – вернулся домой

68

79 **Сумма технологий**

ДЭН ШОРИН
О «новой волне»
и спекулятивной фантастике

79

Темная ночь

Анна Войтова

Родилась в 1984-м году, чья дата увековечена творением Оруэлла и, быть может, оттого так склоняет и ее к жанру антиутопии. Одесситка, хотя традиционно ездит к морю на побережье Крыма. На Урале побывала благодаря мужу, чья родина — Екатеринбург. По образованию медицинская сестра. За «перо» впервые взялась в возрасте десяти с небольшим лет — будучи крайне опечалена финалом Уэллсового «Человека-Невидимки», решила переписать сюжет на собственный лад. С тех пор истории — свои и чужие — стали неотъемлемой частью ее жизни. И это замечательно!

Эти души начали путь к добродетели, и любящий Господь погрузил их в эту Темную Ночь, чтобы через нее пришли они к Божественному единению.

Но они не продвигаются вперед — иной раз потому, что не желают или боятся войти в эту ночь; иной раз потому, что не понимают самих себя и не имеют опытных и знающих проводников, которые препроводили бы их до вершины.

*Святой Хуан де ла Крус.
«Восхождение на гору Кармель»*

— Иез, ты нам нужен.

Мужчина — прямая спина, угловатые черты лица, высокий лоб — подался в кресле вперед, присовокупляя это движение к силе своего убеждения:

— Нужен мне.

Собеседник его отвернулся, вздохнул измученно и, не глядя на брата, покачал головой:

— Не могу, Каин. Не проси.

Беседа эта звучала между братьями не впервые. Всплывая, так или иначе, почти в каждую из их редких встреч, с течением своим она неизбежно выливалась в яростный шепот и взаимные обвинения. Сегодня старший еще сдерживался, но раздражение бессилия уже прорывалось в его голосе:

— Не просить? Знаешь, я бы с удовольствием. —

Признавая временное поражение, он вновь оперся спиной о кресло. — Ты думаешь, мне это нравится? Уговаривать тебя? Унижаться?

Молодой человек — а тот, что отказывался, был гораздо моложе своего собеседника, — резко встал, едва не опрокинув тонконогое сиденье. Несколько секунд молчал, подбирая и отбрасывая все рвущиеся наружу возражения. Потом устало, через силу проталкивая слова и остановившимся взглядом глядя куда-то сквозь стену, произнес:

— Ты знал, что арестовали Лору?.. Я боюсь, Каин. Понимаешь?

Старший молчал. Молчал так долго, что Иезекиль успел прокрутить в голове уже с десяток возможных его ответов и на каждый придумать по несколько собственных, но в конце концов тот просто бросил «понимаю» и поднялся, застегивая куртку.

Он вышел, так и не взглянув больше на брата, а Иезекиль остался, мучительно пытаясь отделить облегчение от вины и вину от облегчения. Рухнул обратно на стул и провел ладонями по лицу, словно желая смыть таким образом все тяжелые мысли. Бессмысленный жест.

Утомленный ночным свиданием, сегодня он встал немного позже обычного. Подумать только — на пять минут выбиваешься из графика и пожалуйста: очередь на утренний осмотр в три раза длинней обычного. Такое ощущение, что половина ЦУПа проспала.

Отступив на полшага в сторону, Иез вытянул шею, пытаясь пересчитать людей. Три, пять, светловолосая девчонка, ... что-то я ее не припомню... восемь, ага — одиннадцать человек. На каждого примерно по минуте, копушам — две. Итого, если повезет, минут через пятнадцать можно будет уже регистрироваться. Хорошо бы, потому что до звонка... — он посмотрел на часы и нервно переступил с ноги на ногу — девятнадцать минут. Может, попросить, чтоб пропустили? У некоторых отделов лимит опоздания выше, а ему придется с учетником объясняться, если опоздает. Соседи по очереди, подхватив его беспокойство, тоже запереминались на месте, сосредоточенно гипнотизируя неотрывными взглядами далекие двери пропускной. Ладно, — решил Иез, — пока буду ждать, но если на ком-нибудь застопорится — придется прорваться. В другом месте хватило бы одной нашивки — синяя, всего за две ступени до ультрафиолета,

но здесь у большей части сотрудников такие же, так что рассчитывать на внушительность нечего.

Он получил эту тонкую, в два пальца, полоску переливчато-синей ткани чуть больше месяца назад. Прежнюю — голубую — утилизировали при нем с подобающей церемонностью. Повышение! Пожалуй, Иезекиль бы отпраздновал, но новых, равных по статусу знакомых еще не было, а старые вряд ли радовались бы за него искренне. Тот вечер он провел в одиночестве, а утром, с красными от бессонной ночи глазами, заступил на новую должность.

Так все и началось. Приходы Каина, его горячечные речи, глаза, полные безумия и настойчивости: «Ты наш шанс, Иез! Синий спектр, значит, тебе придется пройти только два этажа...» — здесь взгляд брата стекленел, просчитывая варианты.

Пройти два этажа, ну конечно! Чтобы проникнуть в помещения уровня Ультрафиолет, требовалось иметь официальный пропуск либо о-очень вескую причину.

Иезекиль нервно потерябил нашивку. До закрытия контроля в его отделе оставалось три человека и пять с половиной минут. Впритирочку, но проскользнуть можно.

В воздухе висела серая волглость. В другой день теплолюбивый Иез уже наверняка промерз бы до костей, проклиная погоду и тщательно работая над дыханием, но сегодня страх опоздать не давал ему озябнуть.

Нервно оглядываясь, он мазнул взглядом по монолитной надписи «Центральное Управление Президиума» (заглавные буквы каждого слова достигали величины человеческого роста) и уткнулся в затылок крепенького чиновника перед собой. Узкая полоска шеи, видневшаяся между плотным воротничком-стойкой и темным ежиком волос, наливалась багрянцем. Время от времени мужчина еле заметно содрогался, но судя по тому, что от виска его медленно ползла

к воротничку прозрачная капля пота — не от холода. Через некоторое время подергивания стали более заметными, и наконец — не имея больше сил сдерживаться — чиновник раскашлялся. Он кашлял сильно, глубоко втягивая воздух раскрытым ртом и чуть не сгибаясь пополам от судорожных сокращений диафрагмы. Несколько секунд соседи по очереди смотрели на виновного в оторопи — так может свидетель, не шелохнувшись, следить за обрушением пылающего здания, слишком потрясенный, чтобы задумываться об опасности. Потом — общим движением, как стайка аквариумных рыбок, люди бросились враспынную. Иезекиль отступил тоже, поспешно, может, даже он и был первым, кто придумал единому организму очереди этот импульс бегства, но этого казалось мало, и горячая волна хлынула от сердца по телу. Он мог инфицироваться! Мог...

Нет, если быть честным, он боялся не этого. Он и, вполне вероятно, остальные участники инцидента, боялся другого — того, что никто не станет проверять их здоровье. Что это не будет важным и одного факта *возможности* инфицирования достанет, чтобы предъявить им ордер на изоляцию. Конечно, только на время, только для исследований, сохраняйте спокойствие, санитарная команда уполномочена применять крайние меры при выявлении чрезмерной нервозности пациента...

Этого они боялись и, бросаясь в сторону, открещиваясь, в ужасе закрывая лица полами одежды, делали это чуточку напоказ, стремящиеся доказать свою непричастность, каждым жестом кричащие: «Не меня!».

Тем временем кашель упакованного в тугую костюм чиновника прекратился, и теперь он стоял посреди пустого пространства, в этой зоне отчуждения, и медленно терял свой синюшно-багровый оттенок. Сейчас, расстерянно поводя взглядом от лица к лицу, он все больше

бледнел, выцветал и, наконец, глухо, без особой надежды произнес, не то извиняясь, не то оправдываясь:

— Я поперхнулся.

Уже услышав из собственных уст эту формулу спасения, он вдруг сам поверил в нее, со всей силой отчаяния, с безоглядностью самого горячего фанатика, переходя на крик:

— Чего вы все устались? Я поперхнулся! Видите же!.. — Новый приступ кашля согнул его, прерывая бесполезные объяснения, и, на ходу зажимая рот ладонью, он метнулся в сторону, побежал, заплетаясь ногами, куда-то к переулку.

Все еще пряча лицо в сгибе локтя, Иезекиль наблюдал за этим неуклюжим, медленным бегом, что походило на его собственные сны — с налитыми свинцом или, еще хуже, тряпично-ватными ногами. Но, в отличие от его снов, у чиновника не было шанса проснуться.

Он знал это и сам, наверное. Понимал свою обреченность, но все же бежал, влекомый инстинктом, задыхающийся, загнанный еще в самом начале погони. Желание жить не оперирует логикой, оно просто говорит: «Беги!»...

Когда человек упал — грузно, как тяжелый сорвавшийся плод, с болезненным ударом коленями о тротуар, с безвольно вскинувшимися руками — Иезекиль хотел отвернуться. «Не смотри на беду, чтобы она не почувствовала твой взгляд...» — так когда-то говорил ему Каин. Не смотри на беду. Не смотри, как двое в комбинезонах забрасывают мягкое, тряпичное тело в санитарную машину; не смотри в глаза своих соседей по очереди — злые и затравленные; просто никуда не смотри...

«Режим душевой кабины — контраст. Подтвердить» — Иез бездумно касался регуляторов, выставляя нужную температуру. Одежда — насквозь пропахшая дезинфекцией — мятым комком заброшена

в стирку. Он пережил этот день. Пережил, и теперь незаконченная мантра «если я доживу до вечера...» требует завершения.

Он твердил про себя эти слова, стоя под холодными лампами, протягивая руки для анализа крови, выдыхая содержимое легких в мундштуки анализаторов, слушая грохот своего сердечного ритма и тщетно умоляя сердце биться спокойнее — ведь здоровому и невинному человеку нечего бояться, вы понимаете? Даже выйдя из лабораторного комплекса, ступив на разномастные плиточки мостовой, он шептал это заклинание, лопатками ощущая взгляд массивного здания и все не решаясь довести предложение до конца — ведь вдруг предложенный выкуп окажется вовсе не нужен мирозданию?..

Холодный-горячий-холодный-горячий... Если температура подобрана правильно и интенсивность переключения достаточно высока — в какой-то момент перестаешь замечать разницу. Глядя на собственные ноги — белые, со слипшимися от воды темными дорожками волосков — Иезекиль оперся на скользкую стену ладонями и беззвучно заплакал. Взрослый мужчина, чиновник высокого ранга, крепкий и здоровый человек, он плакал, скривив лицо в жалостной гримасе, предназначавшейся пустоте и когда-то давно — старшему брату. Если бы Каин был здесь... Переложить на кого-то свои заботы, рассказать о невозможном напряжении этого дня, о страхе, парализующем волю, и облегчении — настолько нереальном, что почти не принесло покоя, — и услышать в ответ пусть даже только его молчание.

Уже три года прошло с тех пор, как старший брат Иезекиля вычеркнут из списков здоровых граждан. Полноценный человек не может идти наперекор государству, не может — будучи в здравом уме — утверждать, что опасности нет и весь этот контроль, провер-

ки и замеры — только удобная ширма, так прочно приросшая на отведенное ей место. Не может, не должен... Но делает это. И смертельно рискует, встречаясь с удачливым младшим братом.

Если я доживу до вечера... Струи воды с грохотом разбиваются о тонкий пластик душевой кабинки, и Иезекилю хочется похоронить эту фразу, смыть ее вместе с липким потом, соскрести с невидимыми чешуйками кожи. Потому что единственно возможное ее завершение звучит как «я помогу Каину». Это правильные слова, но он знает, что никогда не произнесет их вслух, никогда не скажет брату «да», а если скажет, то никогда не сможет выполнить обещанное. И, не сказанные, эти слова будут отныне жечь его губы, а сказанные — поселятся в зрачках стыдом несдержанного слова.

— Ты... — он медленно и бессильно опустился на пол кабинки, — ... ничтожество.

Почему-то от признания этого факта стало неожиданно легче, или, возможно, он просто исчерпал весь отпущенный на сегодня лимит эмоций, но теперь Иезекиль Марро сидел под струями контрастного душа с лицом спокойным и опустошенным и, наблюдая, как отъезжает в сторону матово-запотевшая дверца, еще почти секунду не мог выбраться из своего оцепенения.

Две облитые защитными костюмами фигуры сквозь пар казались лишь ярким пятном на сетчатке.

Страха все еще не было, только обида — «почему сейчас?». Почему позволили уйти, поверить в то, что все обошлось, и только теперь... Слаженным движением незваные гости выдернули мужчину из казавшегося таким безопасным мирка душевой кабинки. Короткий и выверенный удар в солнечное сплетение, колени больно стучаются о гладкий кафель, заведенная за спину рука почти хрустит в суставе, и вот молодой преуспевающий госслужащий уже корчится

на полу собственной ванной комнаты — беспомощный, голый и задыхающийся.

— Я не буду... дергаться, — Иезекиль протолкнул слова сквозь горло, лояв ртом воздух. — Не... нужно.

Вывернутая до предела рука действительно не позволяла не то что дергаться — даже поднять голову, чтоб разглядеть что-то помимо аккуратных плиточек пола и двух пар ботинок Служителей Контроля.

— Ты, значит, у нас покладистый малый, да? — расположенные слева ботинки чуть переступили, и голос раздался над самым ухом. — Молодец! Одобряю.

С коротко стриженных волос стекали, скатываясь по скулам и шее, холодные капли. Тело начало немного знобить — от влаги и наконец проснувшегося страха. Он пытался держаться. Пока ты ведешь себя разумно, пока ты лоялен — есть шанс, но если позволить панике взять верх — надежды не будет.

— Если вы позволите мне одеться... — Голос предательски терялся в гортани, и на то, чтобы просто говорить, требовалось огромное количество сил. — Мы можем спокойно... выйти.

Сердце гулко, с ясно различимым эхом, тяжело колотилось на привязи артерий. Каждое слово — игра ва-банк: не ему, не в его положении сейчас предлагать хоть что-либо. Захотят — выведут вежливо и чинно, захотят — так и потащат дрожащего и голого.

— Ты не волнуйся, — это снова был Левые Ботинки — безразличный, с толикой презрения, голос хозяйина положения. — Уж разберемся, что делать.

Мертвая хватка на запястье Иезекиля разжалась, и он осторожно, боясь лишним вздохом спугнуть такую удачу, вернул руку в нормальное положение. На всякий случай, все еще не отрывая глаз от пола,

прижал ее к груди второй, нетронутой, и едва заметно покрутил в воздухе кистью.

— Рот не открывай, а то язык откусишь! — Цепкие пальцы запрокинули его голову, и к лицу плотно прижалась губчатая, с тошнотворно-сладким запахом ткань.

Рвотный позыв заставил тело его судорожно дернуться, руки непроизвольно метнулись ко рту, но нужды в этом не было — удерживающий губку служитель сжимал его челюсти мертвой хваткой.

— *Отпусти! Сволочь, отпусти немедленно! Я же... задохнусь!..* — Рефлекс побеждал все намерения лояльности, заставлял сопротивляться, выворачиваться, мыгать, давясь собственной рвотой...

Наконец бьющееся тело его затихло. Подействовал раствор.

Просыпался Иезекиль тяжело. Возможно, просто потому, что просыпаться ему не хотелось. В темноте забытья было мирно и безопасно, в яви ожидала пульсирующая боль в затылке, свет, режущий глаза даже сквозь веки, и распухший язык, что лежал во рту неповоротливой дохлой рыбиной.

Еще ничего не осознавая, не придя в себя достаточно, чтоб формулировать, он безотчетно цеплялся за остатки тревожных видений. Не просыпаться. Не просыпаться...

Увы, благое намерение разбилось о прозаичную необходимость справить малую нужду. Своевольный рассудок всплыл из облака видений к поверхности, разом вываливая на хозяина нелюбимые факты последних событий его жизни. Очнувшись, он издал невольный стон — немного от боли, разламывающей виски и затылок, но больше — от навалившегося осознания: все-таки это реальность, с пробуждением не пришло облегчение, и этот кошмар не прогнать стаканом холодной воды да сменой положения в постели.

Мысли о воде вернули его к проблеме пусть мелочной, но неотложной, и, осторожно повернув голову набок, Иез неохотно открыл глаза.

Помещение было большим. Не ангар, конечно, но до противоположной стены навскидку можно дать метров десять, а такие габариты не особенно вязались с его невольными ожиданиями. Гладкие стены в светлой краске, под потолком несколько забранных сеткой ламп, пол — крупная светлая плитка. Напоминает лишнюю оборуования лабораторию или один из того множества кабинетов, через которые он протащился — вчера?..

Сравнение с лабораторией мгновенно прошибло мужчину холодным потом: значит, он все-таки болен?! В горле тут же запершило, перед глазами вспыхнуло несколько ярких пятен. Он болен, наверняка болен. Если бы задержали сразу — тогда, после инцидента в очереди, — это одно, но так... Ведь его тысячу раз проверили всеми возможными способами! И отпустили, отпустили же! А теперь... Может быть, что-то изменилось в анализах?..

Иезекиль приподнялся на локте и, с кряхтением распрямляя затекшие мышцы, сел, опираясь о стену. От смены положения в висках несколько раз гулко стукнуло.

Итак, в его распоряжении пустой зал; контур двери, лишённой хоть какого-нибудь намека на ручку; стены в крохотных пупырышках от свежей краски; и никаких тебе «удобств». Разве что...

Объект его интереса — простое помойное ведро из белого пластика — выделялся среди безликой пустоты помещения, как инородное тело в глазном яблоке. Единственный, кроме него самого, предмет, хоть как-то оживляющий пространство, — ни простейшей мебелью, ни хотя бы окнами его узилище не располагало.

Иезекиль попробовал встать на ноги, но покачнувшийся пол вдруг показался ему неимоверно далеким. Ускользающим, норовя неожиданно превратиться в наклонную плоскость и сбросить обрыдлого человечку, что еще вчера был преуспевающим сотрудником Управления, а сейчас содрогается при одной только мысли о слове «завтра». Не поднимаясь, он двинулся вперед на четвереньках. Голые колени то больно вжимались в твердые стыки плиток, то путались в подоле больничной робы, и только теперь он отметил, что одет. Просторный, неопределенно-серого цвета балахон, судя по всему, завязывался на спине и наверняка походил на те пропахшие страхом хламидины, что выдают для прохождения ежегодного осмотра. Лучше, чем ничего — тогда, когда они только пришли за ним, собственная нагота давила, усугубляя чувство незащищенности, — но обыкновенной одежде он бы порадовался больше. Особенно брюкам. Определенно, простые радости жизни начинаешь ценить с момента их отсутствия.

Удовлетворенная нужда принесла некоторое облегчение (вот и еще одна «простая радость»), но сразу вслед за этим нахлынула еще большая, чем прежде, подавленность. Он не знает, где и почему именно находится, не может даже предположить, каким конкретно будет дальнейшее развитие событий, и неопределенно долго вынужден будет теперь нюхать вонь собственной мочи. И все-таки — он болен или осужден? Или — разница между этими понятиями действительно давно стерлась?..

Все это началось так давно, задолго до его рождения, докатываясь до настоящих времен только хрониками, отчетами, запретными архивами да просветительными роликами. Его родина вела затяжную изнурительную войну. Кровопролитную, но не испепеляющую. По крайней мере, ни водородная, ни ядерная бомба так

и не упали на территории его страны. Зато случилось другое — пандемия рекомбинантного вируса.

«Маскирующаяся Испанка», или МИ, каковым стало его название, забирала жизни тысячами и не поддавалась ни существующим методам лечения, ни своевременной диагностике. Любое недомогание, начавшееся самым невинным образом — насморк, головная боль, рези в желудке, — могло оказаться МИ, так или иначе, рекомбинировавшей в пределах собственной структуры или провзаимодействовавшей с другими встреченными возбудителями. Как колода карт в руках опытного игрока, вирус МИ перестраивался тысячей новых способов. Непредсказуемый инкубационный период, непредсказуемые симптомы, крайне высокая вирулентность — коктейль, что должен был поставить на колени и занять совершенно новыми вопросами все население страны. Наверное, это удалось. Военные действия с той поры больше не велись — все внимание госструктур оказалось поглощено иной проблемой: остановить распространение вируса.

С момента «снятия покровов» — то есть, когда сомнений в постановке диагноза уже не возникало — заболевание развивалось стремительно, практически не оставляя времени на борьбу. Те, кого все же удавалось спасти, обзаводились тяжелыми последствиями — нарушением слуха и зрения, снижением умственных способностей, предрасположенностью к развитию шизофрении и прочими вариациями подобного «букета». Поэтому предпринятые меры пресечения и предусмотренные новым законодательством предписания были приняты безропотно...

— Обживаетесь, господин Марро?

Погрузившись в размышления о прошлом, Иезекиль соскользнул в не до конца еще, видимо, выветрившееся забытие, не слыша ни открывающейся двери, ни шагов вошедшего и, будучи выдернут на поверхность его

голосом, заметно вздрогнул. Неуклюже и резко — все еще оставаясь на четвереньках — он развернулся, едва не запутавшись в робе, и уставился на посетителя снизу вверх взглядом жалким и одновременно полным надежды.

— Н-не то что бы, — собственный голос неприятно царапнул его небо, уже будто успевшее отвыкнуть от того, что по нему могут прокатываться слова. — А... должен?

Удобная форма вопроса, объемлющая и всю его дрожащую неуверенность и отчаянное желание сохранить остатки достоинства. Все-таки, как ни крути, это звучит получше, чем те щенячьи поскуливания, что на самом деле роятся сейчас в его голове.

Острее страха и неуверенности Иезекиля терзал стыд. Пожалуй, застань его кто над нормальным писсуаром, он и то испытывал бы дискомфорт, но вот так — рядом с неглубоким ведром, на белом доньшке которого так отчетливо выделялась темно-желтая, почти с коричневым оттенком, моча... М-да.

Собеседник его, впрочем, смотрел спокойно и почти доброжелательно, не то всерьез раздумывая над его последним вопросом, не то просто решая — стоит ли вообще произносить что-то сверх задуманного. Ухоженный, среднего роста, в синем щеголеватом костюме, он мог бы сойти за одного из сотен Иезекилевых сослуживцев (теперь, вероятно, нужно говорить «бывших»?), если бы только не нечто неуловимое — манера держаться или, возможно, особый запах власти.

Наконец, разомкнув сцепленные до того пальцы и небрежным жестом сунув обе руки в карманы дорожных брюк, он бросил с едва заметной, чуть кривоватой улыбкой:

— Не знаю — не знаю, господин Марро. Все в конечном счете зависит от вас.

Иезекиль встал на одно колено и, чиркнув пальцами по стене, неуверенно поднялся на ноги. Мышцы еще немного подрагивали.

— Я, — он, как мог, приосанился, — слушаю.

— Информативностью пока их краткая беседа не блистала, но один вывод Иезекиль уже сделал — судя по всему, он все-таки не болен.

— Вы, наверное, уже успели задаться вопросом, где именно находитесь и главное — по какой причине. — Как переполненный жизненной силой ребенок, что не может устоять на месте, мужчина принялся раскачиваться с пятки на носок. — Первое, скажем прямо, не важно. Второе... — глаза его на секунду хищно сощурились, — второе уже интереснее. Около пяти с половиной лет назад, вы, господин Марро, подписали некий документ с гербовой печатью. Помните?

Собственно, за последние пять, и уж, тем паче, пять с половиной лет, Иезекиль подписал не один десяток документов — с печатями, подписями и самыми разнообразными грифами. Но, глядя в холеное, чем-то отдаленно напоминающее бесшерстных восточных кошек лицо собеседника, он и правда сразу понял, — с тянущей за грудиной стылостью — о чем именно тот говорит.

— Этот документ, — продолжал его персональный Сфинкс, — гласил, цитирую: «Я, Иезекиль Райден Марро, прошу расторгнуть в официальной форме мое родство с Каином Амадеем Марро и отменить для меня в отношении данного субъекта все положенные законодательством поправки о правах родителей. В частности — право не давать показания против родственника. Обязуюсь, выяснив что-либо о местонахождении упомянутого Каина Амадея Марро, немедленно предоставить властям данную информацию». Дата, — последний раз качнувшись в пятки

на носок, мужчина прочно утвердился на полу всей подошвой и веско закончил: — Подпись.

Да, подпись. Он помнил это: как маленькие аккуратные буквы ложились на бумагу. Лист по-настоящему белый: такого качества бывают только официальные документы и бланки; чернила в ручке темно-синие — почти такие же, как костюм его посетителя.

И сейчас даже кажется — или это только игра воображения? — будто он мельком, мимолетом, краем глаза видел его там в тот день. Человека, который сейчас допрашивает его.

«Это ничего не меняет...» — уговаривал он себя тогда. Уговаривал до того, как подписал, и еще долго после. Это ничего не меняет, это только формальность, позволяющая получить хорошую должность (разве могут предложить пост в Управлении тому, у кого родной брат числится в списке террористов?), только мера безопасности, Каин и сам одобрил бы...

Но все-таки кое-что это меняло. Меняло для него самого — ведь почти в каждую их с братом встречу он думал признаться, рассказать ему об этой бумаге. Хотя бы только за тем, чтобы услышать Каиново: «Смешной ты! Нашел о чем волноваться». Потому что ведь должен же он понять, наверняка должен! Но встречи проходили одна за другой, а история о том, что официально они больше не братья, так и не прозвучала. Потому что — что бы там ни сказал старший из Марро, как бы пренебрежительно ни махнул рукой — ситуация, мол, выеденного яйца не стоит, — это не смыло бы кислого вкуса предательства, что заполнил Иезекилев рот, пока он выводил на той бумаге свое имя.

Поэтому из-за стыда он так и не смог объяснить брату, что встречи их действительно опасны для обоих. И то, что происходит сейчас, — предьявленный счет.

Иезекиль коротко и неприязненно дернул головой:

— Я помню этот документ достаточно хорошо, не стоило утруждаться цитированием.

— И?..

Ему бы времени — хоть немного! — подумать над ответом, собрать разбегающиеся мысли, выработать стратегию... Но Восточный Кот стоит, приподняв выжидающе бровь. Как дорогой парфюм, от него ощутимо исходит угроза, и осознание собственной дерзости заставляет Иезекиля парализованно смолкнуть, ощущая, каким сухим делается язык. Не стоило язвить, не стоило вообще открывать рот.

— Вы хотите предьявить мне обвинение? — выдавливая он все же как можно более твердо.

Хорошо бы сейчас опереться на стену.

— Обвинение? Зачем же? — его лощенный собеседник улыбается. Почти искренне. — Я просто напоминаю вам об обязательствах, которые вы некогда на себя взяли, г-н Марро. Взяли и, вероятно, немного подзабыли о них. Верно?

Они знают. Они видели их вместе.

— Почему вы так думаете? — Блеф, хорошая мина при плохой игре, попытка выгадать время...

— Потому что, — Котяра делает несколько резких шагов, оказываясь так близко от Иезекиля, что тот может видеть тонкие желтоватые прожилки его радужки, — нам известно, что вы встречались. И что с донесением... — еще одна улыбка, уже куда более настоящая, короткая и насмешливая, — вы явно не торопитесь. Даю вам шанс, Иезекиль Райден. Где нам найти его?

Это началось давно. Лет шесть назад, хотя нет, пожалуй, больше. Еще тогда, когда Иезекиль только заканчивал Академию, а Каин копался в своей электронике. Кажется, ему дали листовку. Или нет, это сам Каин их потом раздавал, а началось все как-то иначе?..

Тогда, поначалу, Иезекиль вообще не очень слушал братовы бредни, и теперь события тех дней, причи-

ны и следствия, выводы и споры перемешались в голове какими-то ненужными обрывками. Одним словом, как-то его брат спутался с людьми «по ту сторону» и все понеслось кувырком.

Первыми, кажется, были имунники. Эти уверяли, что изолировать заболевших не нужно, потому что так человеческий организм никогда не сможет выработать иммунитет, а нужно либо позволить болезни выкосить всех «лишних», либо под наблюдением и контролем проводить населению «прививку» путем дозированного контакта с зараженным. В конечном счете, кто-то из их лидеров допрививался, движение распалось, и Иезекиль вздохнул с облегчением — из-под кровати брата исчезли шелестящие ночью бумаги.

Несколько лет все было спокойно, пока однажды утром он не обнаружил Каина — в несвежей одежде и со щетиной — за внимательным разглядыванием столешницы. Сгорбившись, как-то болезненно сжавшись, тот смотрел сквозь серый пластик остановившимся взглядом. Прошлой ночью он понял. Узнал, что происходит на самом деле.

Слушая откровения брата, Иезекиль не понимал — смеяться или плакать. Каин говорил про зараженных. Про то, что никто не возвращается. Про то, что в городе и за его пределами не существует больничного комплекса, способного принять всех изолированных. Про то, что их не лечат. Про то... о чем и так все знают. Старший брат — всегда знающий все ответы — впервые понял то, о чем не догадывались разве что дети.

Иезекиль молчал, бесцельно покручивая в ладонях пустую чашку.

Это была неудобная, неприятная истина, и делать вид, что веришь, отводить глаза, говорить: «Его забрали на лечение» — позволяло... жить своей жизнью. Никто никогда не говорил этого вслух, но неписанный договор молчания сделался одной из нерушимых заповедей об-

щества — вроде того, что нельзя расхаживать по улице голым или справлять нужду на людях. Это было необходимо, потому что не может, не способен человек говорить о смерти, а после пойти спокойно заваривать чай или бриться, покупать продукты, смотреть фильм и заниматься любовью. Не заговор — милосердие.

Тогда они так и не смогли ничего доказать другу.

В «черных списках» его брат оказался не сразу. После утреннего того разговора Каин надолго замкнулся, все реже стал говорить о своих мыслях и все чаще приходит домой за полночь. Потом — однажды не пришел вовсе. Потом — в квартире сработала система консервации и нагрязнул Контроль. Потом — фотографии Каина Амадея Марро заполнили таблоиды и экраны. И после уже был стерильный кабинет, ручка с темносиними чернилами и тот документ...

Старший брат Иезекиля обвинялся в антигосударственной и античеловеческой деятельности: саботаже мер профилактики, попытке распространения вирусологической инфекции среди членов Президиума и нарушении примерно десятка законов. Почему тогда не взяли самого Иезекиля, продолжало оставаться загадкой — заподозрить его в пособничестве было более чем логично, однако и арест, и допросы, и обвинения миновали младшего Марро. До сегодняшнего, как видно, дня...

— Послушайте... — Иезекиль сжал пальцами переносицу в попытке собрать разбегающиеся мысли. — Я не понимаю. Вы утверждаете, что видели нас вместе, значит — могли просто проследить за ним. Зачем вы сейчас спрашиваете меня?

Собеседник наконец оторвал взгляд от его лица и любимым жестом сунул руки в карманы.

— Выбирайте варианты, Иезекиль Райден. — Почти не глядя на того, к кому обращался, он медленно дви-

нулся вокруг по неширокой дуге. — Первый: Управлению жаль терять хорошего сотрудника. В результате мы забираем вас сюда, в попытке исправить вашу оплошность, но вы глупы, как пробка, и продолжаете сопротивляться. Второй: после вашей встречи за преступником была установлена слежка с целью обнаружения сообщников. Через некоторое время он сумел в очередной раз скрыться, и пришлось выуживать из архивов ваши заплесневелые каракули. — Мужчина презрительно поморщился и остановился, развернувшись вполборота. — В обоих случаях от вас требуется одно и то же. — Теперь он смотрел почти устало, будто уже в тысячный раз объясняя отсталому ребенку, как пользоваться ложкой. — Не понимать. Просто сотрудничать.

Просто сотрудничать. Просто быть примерным гражданином своей страны. Просто подписать очередную бумагу и вернуться к привычному течению жизни. Без Каиновых наставлений и бесконечных споров о долге и человечности. Просто... Совсем не просто.

— Я никогда не отказывался сотрудничать. И для этого совсем не обязательно было забирать меня сюда. — С каждой секундой Иезекиль все больше обретал почву под ногами. — Конечно же, я помню о своих гражданских обязательствах, но в данный момент никак не могу помочь вам. Да, несколько дней назад мы виделись с Каином Марро, но где именно он скрывается и каким образом установить с ним связь, я не в курсе. — Уверенные бюрократические формулировки придавали голосу нужную твердость, действуя на чиновника синего ранга как заклинание. — И, уж оставаясь в изоляции, наверняка не смогу...

— Не думаю, — коротко бросил Восточный Кот.

Иезекиль, бодро уже перепрыгивавший с одной кочки-слова на другую, с размаху плюхнулся в болотную жижу:

— Простите?

— Не думаю, что вы говорите правду. Не думаю, что вы «не в курсе». И не думаю, что здесь пользы от вас будет меньше, чем на свободе.

Последние слова неуютно царапнули слух — как металл по стеклу. Положение его обрисовывалось все четче, почти приобретаю именование. Нечто, противоположное понятию «на свободе», его антипод.

Зачем Каин тогда сказал, как найти его? Зачем, черт побери, он тогда это сказал?!

Ничего не говоря, Иезекиль только молча и потерянно помотал головой. Нет, мол, не знает он, не представляет, что теперь делать.

— Ладно, я понимаю. Все это очень неожиданно, да? — Визитер его почти сочувственно покивал. — Пару лет назад вы подписали бумагу для «галочки». Так было просто удобнее, и, конечно же, вы совершенно не предполагали, что когда-нибудь всерьез встанете перед теми вопросами, которые я вам сейчас задаю. Вы даже не рассматривали этот вариант, да? Не собирались сообщать нам никакую информацию? И сейчас просто растеряны, сбиты с толку, не знаете, как вам выпутаться из этой истории. Я прав?

Он был прав от первой до последней запятой, но Иезекиль продолжал молчать, перебегая взглядом от собственных босых ступней к ботинкам собеседника — добротным, с высохшими на носках грязными брызгами.

— Ну, как хотите. На это можете и не отвечать, не важно. Но вы просчитались, господин Марро, систему не обыграть так просто. Так что давайте — соберитесь с мыслями, формулируйте, и я жду ваш отчет. Правдивый, естественно. Ведь одного урока, я надеюсь, достаточно?

Иезекилю хотелось выть. Хотелось биться с размаху о стену в попытке проломить время и переделать, учесть, предусмотреть...

— К сожалению, я не располагаю нужной информацией. Сейчас. — Слова выкатились из горла как-то сами по себе, почти без участия сознания, занятого пароксизмами отчаяния. — И я готов доказать в суде...

— Вы все еще не поняли, да? — во второй раз перебил его собеседник. Сквозь приторное, липкое сочувствие проступала насмешка. — Я ваш суд, господин Марро. Все решается в этой комнате. И я предоставлю руководству либо Каинову голову, либо вашу. Подумайте над этим. Я найду завтра.

Бросив последние слова, Котыра одним движением развернулся на каблучках и прошагал отделивающие от двери метры так уверенно, что та, кажется, стремительно отъехала в сторону из одного только желания угодить. Он был хозяином положения, властный входить и выходить когда вздумается.

Для остающегося внутри прямоугольный контур оставался иллюстрацией бессилия.

Итак, передышка. Передышка до завтрашнего дня.

Иезекиль потерянно огляделся и неверным шагом двинулся к стене. Прижался лопатками и затылком к прохладной твердости, зажмурился плотно и несколько минут просто стоял, концентрируясь на дыхании — пальцы рук мелко дрожали. Нельзя поддаваться панике. Нельзя.

Все происходящее было ожившим ночным кошмаром. Сколько раз — особенно в последнее время, после Каиновых уговоров — он просыпался с болью за грудиной, с ощущением наручников на запястьях, с эхом чьих-то слов «Вы арестованы!», звучавшем в ушах. Сколько раз, вот так же, зажмурившись в ночной темноте, он говорил себе: «Не думай об этом!», и сколько раз, не спрашивая этого позволения, кадры ареста и смерти застилали внутренний взор. Он боялся. Все годы, что прошли со дня того первого, памятного обыска, он смертельно боялся.

Это был один из тысячи одинаковых вечеров. Домой он пришел даже раньше обычного — погода стояла премерзкая, и, несмотря на повсеместную пропаганду пеших прогулок, вышагивать пять кварталов по сырой серости не казалось привлекательной мыслью. Сейчас, почти шесть лет спустя, он помнит — или, быть может, воображает, что помнит, — как хорошо было в сухом и светлом чреве подземки по сравнению с промозглостью улиц. Даже лица других пассажиров почти всплывают в памяти — фокус сознания, что цепляется за незначительные детали, огибая главное. Он помнит, как указательный палец его касался кнопок на дверном замке, помнит, как соскользнула на пол куртка, не удержавшись на накренившейся вешалке... А вот потом уже вспоминает запах. Или нет, вначале все-таки звук — едва слышный щелчок, шуршание пластика о металл — слишком тихое, чтобы существовать в реальности.

Системы консервации установили во всех зданиях еще на первых порах борьбы с инфекцией. Контролируемые извне, они были способны за несколько секунд запечатать любое помещение, превращая квартиру, офис или муниципальное строение в оторванный от внешней среды герметичный мирок. Процесс циркуляции воздуха прекращался, отрезая вирусу пути распространения, и подвергнувшееся консервации помещение становилось склепом. Мера драконовская, однако выступающие с кафедры представители Президиума скорбели о каждом погибшем, яростно призывая проклятия на головы бесчеловечных врагов страны, чьи действия привели к подобным последствиям. И смертельно напуганная общественность приняла эту необходимость, убеждая себя в ее милосердности: ведь зараженные были обречены, а смерть от нехватки кислорода — мирная, напоминающая

сон — куда легче того, что ожидало их в случае дальнейшего развития болезни.

Уже позднее в систему была добавлена функция распыления дезинфектора, в случае необходимости легко заменяемого на снотворные или парализующие вещества.

Тот запах, напоминающий запах свежей земли (с тех пор Иезекиль разлюбил парки), возвестил для него смазанные контуры знакомых предметов и яркую точку светильника, за которым при каждом движении глазных яблок тянулся теперь светящийся хвост кометы.

Сквозь радужно бликующие ресницы он наблюдал, как защищенные масками люди переворачивают его квартиру вверх дном. Через него, неуклюже раскинувшегося на полу, просто переступали, потроша ящики, постель и обивку кресел. Действовали деловито, ни разу не отвлекшись даже на то, чтобы пнуть неподвижное тело под ногами. И этот профессионализм, был, пожалуй, страшнее возможной грубости, делая его, Иезекиля, невидимым и несуществующим, будто уже списанным со счетов.

Кажется, он пытался тогда заговорить. Фразы складывались в сознании с трудом, рассыпались на отдельные составляющие, рушились, как пирамидка игрушечных кубиков, и перемешивались до неузнаваемости. Возможно, он произносил их, но уже через секунду отделить произошедшее от намерения становилось невозможно. На губах от этих попыток пузырилась слюна.

Нынешний Иезекиль опустился на пол, обхватив себя за плечи — начавшись с поддрагивания пальцев, тело его сотрясала крупная дрожь. Однажды, в отчаянной надежде на облегчение, он заговорил с братом о своих страхах. Переходя с шиплого шепота на взвинченно-истеричные ноты, он выталкивал слова в воздух, ожидая очищения, но и прозвучавшие, ове-

щественные звуком его голоса, они оставались все так же безжалостны.

— Что, если однажды они вспомнят обо мне? Или кто-то напишет донос? Или я заболēju? Это ведь случается, постоянно случается с кем-то... — И не прозвучавшим, замолчанным осталось обвинение: «Это все из-за тебя. Если бы только ты не высывался...».

Тогда, оторвав взгляд от своих раскрытых ладоней, Каин впервые заговорил с ним о деле.

— Ты можешь помочь нам, — говорил он. — Ты должен помочь. Вирус МИ давно не является угрозой. Он слишком неустойчив во внешней среде, он побежден уже очень давно, и то, что происходит сейчас, — просто фикция, удобный способ контроля, качественная постановка. Помогите нам, — говорил он, — и мы вырвемся из этого кошмара.

Как только он не понимал? Как только мог после всего, что он — Иезекиль — сказал ему, — не понимать?!

Они поссорились тогда. И ссорились еще множество раз после. А сейчас, разряженный в уже успевшую пропитаться страхом робу, он сидит на полу своей странной камеры и едва заметно покачивается в размеренном ритме сирот и умалишенных.

Я предоставляю руководству либо Каинову голову, либо вашу. Подумайте над этим.

Подумайте...

...над этим.

До завтра.

Помогите мне кто-нибудь. Помогите.

Есть не хотелось совершенно — возможно, последствия той гадости, которой его усыпили, возможно, нервы, зато исподволь начинала подкрадываться жажда. Слюна походила на клей — густая и липкая.

Сложно было сказать, сколько конкретно прошло времени. Вначале Иезекиль исследовал место своего заточения. Не потому, что тешил себя мыслью о побеге,

нет — такая возможность казалась слишком фантастичной, чтобы всерьез думать об этом. Скорее, то был способ сохранить рассудок.

Бессмысленно-тщательное изучение четырех идентичных стен и триста сорока восьми плиточек пола (двенадцать в ширину и двадцать девять в длину) создавало иллюзию действия. Стены были чуть шероховаты, в мелких, только пальцам видимых бугорках и ребрышках. Цвет краски бледно-сероватый. На месте некогда стоявшего оборудования и мебели — чуть более светлые прямоугольники со слабым отливом в голубое. Крупноячеистая сетка, которой забраны длинные лампы под потолком, блестит хромированной новизной. На сами лампы больно смотреть — от каждого взгляда где-то за глазами яблоками вспыхивает и медленно расходится пульсирующими кругами ледяная и тяжелая точка: крохотная черная дыра прямо в мозгу.

Судя по всему, это действительно бывшая лаборатория. Одно из «консервированных» зданий.

И что с того? К чему ему это знать? Утомленный, он вновь возвратился в «свой» угол: во враждебности окружающего пространства место, где он впервые пришел в себя, казалось чуть более безопасным.

Я приду завтра...

Значит, уже завтра ему нужен будет ответ? Сколько до этого «завтра» осталось? Знать бы хоть, который час...

Бесконечные «ну почему?!» и безрезультатные «как из этого выбраться?!» гулко сражались в его голове за право первенства. Со странной отрешенностью Иезекилю даже вдруг представилось, как вполне вещественные, состоящие из плотных, отливающих черным гляцем букв вопросы эти хаотично летают внутри некоего пустого пространства (судя по всему — его черепной коробки) и пружинисто сталкиваются друг с другом. Сталкиваясь, они высекают крохотные искорки, кото-

рые со временем вырастают в такие же точно вопросы, и вот уже все, пустое поначалу пространство оказывается под завязку заполнено ворочающимся клубком переплетенных букв...

Выпустив сквозь зубы приглушенный стон, он несколько раз легонько ударился затылком о стену. Ну как, как могло все так получиться?! Когда, в какой момент за ним стали следить? Может быть, тот тип, что все болтал по телефону у его дома? Вроде он как-то странно поглядывал... Или, может быть, та липоподобная дамочка, которая спрашивала время?..

Тяжело привалившись к стене и свесив руки меж согнутых колен, он перебирал в уме каждую деталь того дня, когда в последний раз виделся с братом.

Не имеет значения, Иезекиль, это все не важно, ты должен думать не об этом... Но мысли снова и снова упрямо возвращались на тот же круг. Как станции подземки: «что теперь будет» — «как так могло случиться» — «что теперь будет» — «как так могло случиться». Пустой вагон с темными окнами и две оставшиеся — от конечной до конечной.

В конце концов он уснул. Свернулся на полу, подтянув к животу колени, и просто провалился в вязкое глухое забытие — без сновидений, с мучительно сводящим суставы холодом и глухой тяжестью в области сердца.

Несмотря на яркий свет ламп, Иезекиля объяла темная ночь.

— Приятно видеть, что вы мирно поживаете, господин Марро. — Знакомый уже голос с едва заметным привкусом насмешки ввинтился в муторную пустоту Иезекилевого сна. — Говорят, спокойно спит только тот, у кого чистая совесть, знаете? — Искусственно-жизнерадостный тон буквально царापал нервы.

Неохотно открыв глаза — воспаленные, красные, с комочками белесого гноя в уголках — оппонент бод-

рого посетителя молча сел, не предпринимая пока попыток подняться.

— Что ж, предлагаю в таком случае особо не затягивать, — продолжал мужчина, словно не замечая хмурой неприветливости заключенного. — Сейчас вы мне отчитываетесь, мы подписываем бумаги, потом душ, завтрак — и еще успеете на работу до окончания регистрации. Ну как — заманчиво? — Он едва ли сам не потирал руки в предвкушении скорого и удачного завершения дела.

Это было заманчиво, да. Вернуться в знакомую обыденность каждодневности, пройти в широкие двери приемного контроля, выдохнуть воздух в стерильный мундштук, выждать от тридцати до шестидесяти секунд на обработку данных и, под приветливое перемигивание зеленых диодов, шагнуть в неизменно прохладное нутро Управления. И никто бы даже не узнал. Да, круги под глазами, плохо спал, но сами понимаете — переволновался из-за вчерашнего инцидента... Нет-нет, чувствую себя прекрасно, спасибо...

Вот так продержаться целый день, отвечать вежливо, работать исполнительно, а после прийти в свою квартиру, посмотреть на распахнутую дверцу душевой кабинки, на плиточки пола — возможно, еще влажные, вспомнить все и остаться наедине с этой памятью, с осознанием произнесенного вслух «я согласен». Не позволять себе думать, отгонять стоящее перед глазами лицо брата, ходить на концерты и шоу, выматываться так, чтоб в постели и секунды не оставалось на мысли... А потом однажды не справиться. И рухнуть, рухнуть в эту бездну с осклизлыми голыми стенами. И выгь на ее дне, проклиная сегодняшний день.

— Господин Марро, вы, кажется, спите с открытыми глазами, — гость выжидающе склонил набок голову. — Не тяните, пожалуйста, время, это не поможет.

Иезекиль поднял взгляд на говорившего. До раздражения на кончике языка ему захотелось сказать: «Точно?». С интонациями ребенка, верящего в то, что мир не может быть так жесток.

Вместо этого он коротко кашлянул, в надежде вернуть затерявшийся голос на положенное место, и поднялся на ноги:

— К сожалению, ваша информация ошибочна. Я не располагаю необходимыми сведениями!

В последний раз нечто подобное Иезекиль испытывал лет десять назад — тогда, вступаясь перед хамоватым приятелем за честь оскорбленной подружки, он тоже ощущал эту пьяную легкость и упоение собственной дерзостью и правотой. Впрочем, толка из этой истории не вышло.

— Вы уверены? — В интонации Иезекилевого собеседника вновь отчетливо проступили кошачьи интонации

Подмышки Иезекиля зачесались от резко выступившего пота — липкого, пробирающего дрожью. Он отвел глаза в сторону. Как в детстве, когда играли в гляделки. В то время он тоже проигрывал. Почти всегда.

Вьжидая, Восточный Кот излюбленным жестом качнулся с пятки на носок. Руки сложены на груди, голова все так же чуть склонена набок.

— В сущности, мне жаль, — бросил он после целой вечности взаимного молчания. — Но, как я уже говорил, меня устраивает и этот вариант. Десерт, конечно, выйдет без вишенки, но ведь все равно сладкое, верно?

Мужчина ухмыльнулся непонятно и, вытащив из внутреннего кармана какую-то сложенную бумагу, сухо проинформировал:

— Завтра утром, Иезекиль Райден Марро, вы будете утилизированы. Обвинения: лжесвидетельство, нарушение соглашения о сотрудничестве и пособниче-

ство террористам. На пару фраз в ГОП хватит. Побудете важной птицей, Иезекиль. Хоть и не долго.

Посетитель повернулся, явно намереваясь уйти, — так или иначе, для него это дело было завершено.

И все?! Вот так просто — одна фраза, бумага в кармане, и счет — на часы? Нет-нет, не может быть. Не должно. Нет-нет-нет-нет!

Отрицание нарастало в нем, как стук колес разгоняющегося поезда. Иезекиль всем телом дернулся вперед — тяжелое дыхание, горячий взгляд, пальцы судорожно стиснуты в кулаки:

— Стойте!

— Передумали? — остановившись вполоборота, чиновник приподнял бровь. В меру заинтересованно, в меру насмешливо.

— Я...

И вить на дне этой пропасти, всегда помня произнесенное «да»...

Нет-нет, я просто...

Что?

Не знаю...

Хотел, чтобы тебя убедили? Чтобы заставили? Помогли очистить твою совесть?

Да, наверное, да...

Глядя в пол, почти зажмурившись, не разжимая губ, Иезекиль коротко и рвано дернул головой — нет.

— Ясно. Тогда прощайте, господин Марро младший!

Стук крови в ушах заглушил удаляющиеся шаги.

Оставшись в одиночестве, Иезекиль прижал руки к животу — внутренности сминало в комок тошноты и вязкой слабости. Неужели все? Медленно, как-то почти неестественно, он опустил на колени и согнулся, свернулся в клубок, почти касаясь пола лбом.

Как глупо, как все это глупо! Принять произошедшее не получалось — знание, такое безжалостное и отчетливое на поверхности, на пути к его со-

знанию расплывалось, превращаясь в размытый акварельный набросок. Завтра утром его казнят. Утилизируют. Какое хорошее безличное и безликое слово... Он даже не знает, как это будет, каким образом. Картинка в багряных тонах: пристегнутое тело сгорает в языках пламени. На страже у печи — два торжественно-строгих служителя. На них алая форма. Угольно-карандашный набросок: сумрачное небо, голый двор, росчерки редких капель дождя. У серой стены дрожащий от холода человек в больной робе. Напротив него — строй людей в черном. В их руках оружие.

Как это будет?!

Не так, конечно, не так. Рисунок школьным мелком: белая комната, раза в четыре поменьше его узилица. Кушетка. Медик в светло-голубой форме. Инъектор в руке. Прочные ремешки на теле пациента. Игла прокалывает кожу...

В ярости бессилия Иезекиль ударил кулаком по полу — не костяшками, по-женски: подушечкой сложенной ладони, и все же болезненно сморщился — удар гулом отдавал почти до плеча. В эту минуту он чувствовал, что ненавидит Каина. Ненавидит всех — и брата, и этого щеголеватого чиновника, что вынес ему приговор, и всех членов Президиума заодно. «На пару фраз в ГОП хватит». Его жизни хватит на пару фраз в Годовом Отчете Президиума! Пожалуй, кто-то бы это даже почел за честь. Только вот нет, неверно сказано — не жизни его хватит. Смерти.

С горьким злорадством подумалось, что теперь-то Каину доведется искать другую кандидатуру для осуществления своих грандиозных планов — вместо того, чтобы к празднику искать пути на верхние этажи Управления, Иезекиль в нужное время уже будет лежать в земле. Ну, или куда они там «утилизируют» заключенных.

План его брата был прост и невыполним: в день Годового Отчета (в крайнем случае — не больше, чем за сутки) Иезекиль оказывается на уровнях Ультрафиолет. Проносит ампулу с возбудителем — творение Каиновых соратников — и легким движением руки отпускает миллионы частиц вируса в свободное плавание. Дальнейшее довершает изолированная система подачи воздуха.

Нет, они не хотят никого убивать, это было бы глупо. Задача: заставить правительство публично признать простой факт — не каждая болезнь смертельна, и время упразднить законы о мерах пресечения — пришло.

Пожалуй, Каин бы справился. Один из самых разыскиваемых людей страны сумел бы их заставить. Что он почувствует, узнав о смерти брата?..

Наверное, человек просто не способен долго удерживаться на вершине предельного отчаяния — рано или поздно он соскальзывает в безумие, в отрицание или в принятие. Нельзя сказать, что Иезекиль принял свое положение, что смирился с ним или хотя бы по-настоящему *понял*, что его ждет. Но, разогнувшись из своей горестной позы, он лег на бок, подложив под голову руку, и закрыл глаза.

Временами его охватывало оцепенение. Оно поглощало целиком, уводя в темные леса воспоминаний: неожиданно ярких, поднимающихся из глубины пузырьками предсмертного вздоха утопленника, — тогда, возвращаясь из этих видений, он не мог даже приблизительно определить, сколько пролежал вот так, глядя в пол, но вглядываясь в себя. Моменты эти — краткие ли, длинные ли — позволяли... не отвлечься, нет, это слово было, пожалуй, неуместно, но — забыться.

Воспоминания детских лет, какие-то непрошенные мелочи, слова, произнесенные десятки лет назад... так найденный в кармане фантик вытаскивает на свет по-

забытую историю, оставляя владельца с мечтательной улыбкой на губах и реликвией на раскрытой ладони.

Чем была его жизнь? Попытки соответствовать, подходить, не выделяться. Страх. Упущенные возможности.

Как пахла та весна... Ранний март, голые деревья, влажная земля черными прогалинами, осевший дырчатый снег в сером налете и запах обещания. Невозможная, далекая, не случившаяся прошлогодняя весна...

Лора работала в соседнем отделе. Ладная фигура, высокие скулы, маленькие ушки, за которые, нервничая, она то и дело заправляла тяжелые темные прядки. Ему нравились ее пальцы: аккуратные, ровные, тонкие, они постоянно что-нибудь вертели — от многострадальных пуговиц на ее строгих рубашечках до важной документации. Иногда он побаивался, что однажды она сложит origami из бумаги, которую несла на подпись. Стоило бы. Стоило бы, наверное, сложить тысячу журавликов из всей той писанины, которой располагало их ведомство.

Она уволилась в мае. Почему, сама объяснять не захотела, а слухи ходили сплошь мрачные. Пару раз они увиделись после его работы — так, по-приятельски. До маломальской серьезности отношений дело все не доходило, но беседы получались натянутыми, какими-то колкими с ее стороны и нервно-взвинченными с его. Потом были обещания «еще как-нибудь непременно увидеться», осторожное наблюдение, монологи перед зеркалом и меньше месяца назад — ее арест. «Представляете, Марро? Да-да, та самая. Вот так — работаешь с человеком и не знаешь...». Тогда Иезекиль с трудом дожил до конца рабочего дня.

Если бы можно было все вернуть! Если бы можно было сделать все «как раньше»... Прежняя жизнь, казалось, ждала где-то рядом — только проснуться, или повернуть за угол, или дожидаться разряженного клоуна,

который скажет: «Да брось, дружище, неужели ты купился?» и хлопнет по плечу покровительственно... Казалось — стоит только сделать маленькое усилие, только тряхнуть головой, и наваждение обязательно исчезнет. Вся его бестолковая взрослая жизнь растворится в предутреннем сумраке, а он сам восьмилетним ребенком окажется в родной постели. На втором ярусе кровати будет спать брат, в соседней комнате — родители. И можно будет залезть обратно под одеяло, взбить промокшую от пота подушку и заснуть новым, спокойным сном...

Нужно было соглашаться.

Еще даже не до конца осознанная, короткая эта мысль заставила Иезекиля одним движением сесть.

Нужно было соглашаться с Каином.

Широко раскрытые глаза смотрят в пустоту.

Нужно было уже давно, давным-давно покончить со всем этим.

Давным-давно. До ареста Лоры. До того, как он, дрожащий и голый, стоял на коленях, умирая от страха. До того как холеный чиновник смотрел на него с усмешкой превосходства и презрения. До того, как кто-либо видел, что он, Иезекиль Марро, едва сдерживается, чтоб не предать брата, покупая тем жизнь себе.

Волна клокочущей ярости, какого-то непривычного, первобытного, освобожденного чувства, поднялась к горлу, исторгая из него то ли крик, то ли рык.

— Ненавижу! — закричал Иезекиль в потолок. — Ненавижу вас, слышите! — Он вскочил на ноги, сжимая кулаки и почти упиваясь этим криком. — Лицемерные уроды! Он все равно с вами покончит! Со всем этим враньем! Покончит, слышите?!

Нетвердым шагом он попятился. Кружилась голова.

Шаг, второй, третий — он уперся в стену.

Жаль. В самом деле жаль, что он понял все это так поздно.

* * *

Мужчина быстро шагал по безлюдному коридору. Некогда законсервированный, выпотрошенный, пустой и мертвый комплекс лаборатории, пока надежно хранил вверенную тайну.

Лампы здесь имелись через одну, так что в скудном освещении его костюм казался почти черным. Звук собственных шагов — чересчур гулкий — резал слух. Слишком пусто, будто все человечество вымерло, и он единственный идет зачем-то по этому коридору, торопливо взбегает по лестнице... Когда-то ему нравилось воображать подобное. Очень давно.

Расстегнутый синий пиджак несколько помялся от долгого сидения в кресле, темные волосы — еще недавно идеально причесанные — растрепались, роняя отдельные пряди на лоб. Образ распался на глазах, вылушывая из-под властной самоуверенности сосредоточенность. Он сделал свое дело, и, судя по всему, сделал хорошо, но все же, все же...

Дверной проем, к которому он направлялся, сочился понизу полосой белого света. Не замедляя шага, мужчина еще на ходу протянул руку, помахая ладонью перед сенсором — в качестве борьбы с контактным путем передачи заболеваний, в большинстве лабораторных комплексов ручек на дверях не имелось.

Ловко проскользнув в образовавшийся проем, он тут же махнул сенсору с обратной стороны — закрыться. Остановился, секунду оглядывая помещение, и коротко сообщил:

— Думаю, он готов.

Комната, в которую он вошел, могла бы казаться просторной, если бы не огромное количество загромаждающей ее электроники — густо опутанной проводами и время от времени деловито попискивающей. В углу этого нагромождения, перед большим,

мягко светящимся монитором, на вертком стуле расположился человек.

Воспаленные глаза с залегшими под ними глубокими тенями, острые черты лица, высокие зальсины у висков — Каин Марро поднял взгляд от монитора:

— Знаю. Я видел. — Голос глух, точно плохая запись. — Спасибо, Стефан, ты отлично справился. Теперь... — он с силой потер лицо ладонями и тяжело поднялся, — теперь я поговорю с ним.

Названный Стефаном — Восточный Кот, Сфинкс, холеный дознаватель — неопределенно мотнул головой — то ли «не за что», то ли еще что. Распространяться о собственных заслугах и навыках из «прошлой жизни» ему, кажется, не хотелось.

— Хочешь, я пока отключу у него наблюдение? — предложил он вместо этого. — Я понимаю... — он замялся, — что это будет непростой разговор.

Лидер сопротивления в ответ только дернул плечом. Лицо его походило на маску — с застывшими, усилием воли окаменевшими чертами. Так мог бы выглядеть человек, скрывающий смертельную рану или сильную боль.

— Не нужно, — все же бросил он и шагнул в сторону двери. Прямой и твердый, с ногами, будто вдруг переставшими гнуться в коленях.

— Каин... — Стефан мягко тронул товарища за рукав, — ты все делаешь правильно. Он должен был пережить свой страх, пройти эту Темную Ночь. И лучше так, чем по-настоящему.

Марро-старший махнул ладонью сенсору. Усмехнулся — страшно, горьким оскалом, улыбкой мертвеца:

— Знаю. Я ведь сам тебе это говорил. — Не оборачиваясь, он шагнул в полумрак коридора.

Для его брата этот кошмар был настоящим. **■**

Я – Ленин, я – вернулся домой

Светлана Колесник

Родилась и проживает в Одессе. Окончила в 2003 году Одесский национальный политехнический университет, специальность — программист. Замужем за одесситом, есть дочь-школьница. Попытки литературного творчества проявлялись в юном возрасте, но писать всерьез и фантастику начала в 2009 году.

Андрей Бочаров

Родился 5 августа 1953 г. в г. Москве. Высшее физико-техническое образование. Кандидат технических наук. Много лет проработал в Институте космических исследований АН СССР, затем ушел в сферу IT. Научные интересы — распространение волн в случайно-неоднородных средах, методы обработки сигналов и изображений. Более-менее регулярно стал писать фантастические рассказы только с 2010 года.

— Ну ты даешь, Ленка! Это ж прошлый век! — постоянно слышу от подруг. Сговорились они все, что ли? Да, мы на многое по-разному смотрим, и мнения у нас часто расходятся. Но ведь нельзя жить только по своим правилам? И я — такая же, как все, ничего особенного. Восемнадцать лет исполнилось с последним звонком в школе. В институт поступила по результатам тестов, без собеседования. Стройная фигурка, но не худышка. Темно-русые волосы чуть ниже плеч — обычная стрижка, без выбрыков. Да, тот самый стиль «прошлый век». О чем мечтаю? Даже стыдно признаться: прекрасный принц на белом коне; бесстрашный рыцарь, с копьём наперевес скачущий навстречу ужасному дракону; мужественный капитан стремительного брига под алыми парусами. Бывает, зачитаюсь книгой — остановку проеду. И вечно в дурацкие истории влипаю. Вот и в этот раз — опять Ленка на арене цирка.

В ретро-санаторий «Звездный путь» родители меня бы одну ни за что не отпустили, но с подружкой Галиной — пусть с большим скрипом, но согласились. Мама считает ее девушкой положительной, я и не переубеждаю. На самом деле, Галка — редкая оторва, но умело маскируется — сразу не догадаешься. Не успели приехать, она уже познакомилась с какими-то ребятами и исчезла, как привидение с первыми петухами.

На обед пришлось идти одной. Санаторий оказался тихим и спокойным местом. Длинный коридор, под ногами бархатная красная дорожка. Светлый лестничный проем, из окон так и льется солнце. Поскорее бы перекусить — и на море! В столовой, или, как она здесь гордо называлась: банкетный зал «Универсум», — было душно. Столики в шахматном порядке, белый тюль на окнах, вентиляторы под потолком

вместо кондиционеров. Похоже, прошлый век преследует меня. Погрузившись в мысли, я присела за вроде бы свободный столик. И только минуту спустя заметила, что напротив уже сидит какой-то дядька.

— Приятного аппетита, — немного смутившись, сказала соседу. Я же — воспитанная девушка, а неудобно как-то вышло. Даже разрешения не спросила. Еще для Галки одно местечко оставить надо, если она к ужину появится.

Тут он поднял глаза... и мне стало как-то не по себе. Сразу возникло ощущение, что меня рассматривают будто под увеличительным стеклом. Лицо — неподвижное, бесстрастное, ни тени эмоции. И смотрит в упор, не отводя глаз.

— Как вы сказали: приятного аппетита? Не понял... — такое впечатление, что он удивился, хотя лицо по-прежнему невозмутимое. — Странно, аппетит — это ведь чувство голода, если не путаю? Разве чувство голода может быть приятным?

Вот угораздило меня выбрать место... Прикальвается он так, что ли? Но в голосе соседа не было ни намека на иронию. Говорил на полном серьезе. А сказать такое с каменным выражением лица — надо хорошим актером быть. Хотя какой из него актер? Снаружи — ничего особенного. Высокий лоб, маленький подбородок, острый нос, худощавое резкое лицо. И только глаза — темно-карие, глубокие, как океан. А что там внутри — фиг поймешь. Прямо сфинкс какой-то!

Сразу захотелось извиниться и пересесть, но тут к нам подскочила официантка. Это мне сначала показалось, что официантка... поскольку очень шустро она прискакала. Но тетка была тут если не самой главной, то, уж точно, не простой подавальщицей блюд. Выбеленные волосы забетонированы лаком, на лице тонна косметики, нарощенные ярко-алые ногти впились в белый блокнот. Тетка явно нервничала.

— Девушка, как хорошо, что вы за этот столик сели. Вот и составите компанию нашему гостю. А то как-то никто не решается. И ему веселее, и вам...

Мой сосед посмотрел на нее совершенно невозмутимо, но поток ее красноречия сразу иссяк.

— Что будем заказывать? — мгновенно прочиркала она.

— Безразлично. Я все равно не разбираюсь, — сказал мужчина. — Мне то же самое, что девушка себе выберет, только... — тут он на несколько секунд задумался, словно делая в уме какой-то расчет, — только с коэффициентом один и пять.

— М-мм... это как, прошу прощения — не поняла?

— Мне то же самое, что девушке, только в полтора раза больше. Масса тела у меня где-то вдвое больше, соответственно, мышечная — раза в четыре, но, думаю, у нее, как у подростка, метаболизм заметно быстрее протекает...

Я слегка прибалдела. Вот это калькулятор в голове! И вновь совершенно бесстрастный голос. Даже не улыбнулся. Интересно, тетка понимает, что он прикальвается, или нет? Выслушав мой заказ, она что-то невразумительное пролебезила в ответ и зашустрила на раздачу.

— Извините, не очень разбираюсь в еде. Можно, буду смотреть, как вы будете есть? — надо признаться, он обращался ко мне очень вежливо и словно к ровеснице, хотя ему было лет так... А вот тут пришлось задуматься — сколько лет моему соседу? Где-то между тридцатью и сорока, наверное. Очень короткая стрижка, без седины. Загорелое лицо, но очень странный цвет загара. И зачем он ведет себя словно робот какой-то?

— Если вас что-то смущает, вполне можете пересесть за другой столик. Знаю, что произвожу странное впечатление.

Отличная мысль! Галка так бы и сделала. Но это же я, «Ленка — прошлый век»... Мягкая, нерешительная мечтательница. Поэтому сказала:

— Приятно познакомиться, Лена.

— Меня зовут не Лена, а Глеб, — ответил он, но потом сообразил, — а-а-а, это вас зовут Лена. Просто вашу фразу можно трактовать двояко, а тонкие интонации еще плохо различаю.

Принесли первое блюдо. Моя бабушка любила называть супы — «жидкое». «Ленча, беги есть жидкое, а то остынет». Интересно, если бы я этому чудику выдала такую фразу — он бы просто завис или в перезагрузку ушел?

Ели молча. Возникшее поначалу чувство неловкости постепенно растаяло, и меня распирало от любопытства, когда же сосед перестанет ломать комедию и признается, что это розыгрыш? Но Глеб молчал. Будто воды в рот набрал. Хотя не воды — а еды. Вот и сама уже начала мыслить, как он. Решила выждать момент и подколоть соседа еще какой-нибудь неоднозначной фразой. Но оказалось, что ест он быстрее меня, причем тоже с коэффициентом один и пять. И весь обед прошел под стук столовых приборов по тарелкам. Закончив с едой, Глеб аккуратно вытер губы салфеткой, встал, вежливо кивнул на прощание и ушел. Без слов. Очень странный мужчина, словно с Луны свалился. Хорошо, хоть за ужином мы с ним разминулись.

Море встретило ласково — по-кошачьи мурлыкали набегающие на берег волны, блестела мокрая галька, прыгали по воде солнечные зайчики, легкий бриз ласкал мои растрепанные волосы. Впереди безмятежный летний месяц. А потом начнется совсем взрослая жизнь. Но об этом думать не хотелось. Будущее где-то очень далеко, словно на другой планете. Казалось, можно бесконечно долго лежать на спине, чуть прикрыв глаза. Вода поддержи-

вает, убаюкивает, ласкает. И нет ничего в мире прекраснее этого лета.

Галка не появлялась, но на смски отвечала бодро и коротко. Значит, придется развлекать себя самой. Поздно вечером я вышла прогуляться перед сном и опять влипла! Встретила этого странного Глеба. Он спускался по лестнице к пляжу. Из одежды — одни плавки, полотенце перекинуто через плечо. А фигура у него оказалась очень даже ничего. Спортивная. Но не «качок», скорее, жилистый. Ни капли лишнего жира, только мышцы узлами. Слово каждый грамм лишнего веса у него на счету. А на груди — маленький кулон на тонкой цепочке. Серебристый цилиндрик, и время от времени светодиодик слабо подмигивает. В первый раз такой гаджет вижу. Он что — купаться с ним собирается?

— Вы решили так поздно искупаться?

И кто меня за язык-то тянул?

— Искупаться? — небольшая пауза. — Это эквивалентно «помыться»? Или ближе к «побарахтаться в воде»? Извините, пока плохо понимаю точные оттенки слов. Мне казалось, правильно будет сказать: «Я собираюсь плыть».

— Счастливого плавания, — не удержалась я, а потом даже слегка стыдно стало — ну нашла кого подкалывать. Хотя, думаю, он подколки и не заметил.

Звонкое чириканье птиц вместо будильника. И в оконное стекло не угрюмое серое небо хмурится, а ласково заглядывает летнее солнце. Разве не прекрасно? Я проснулась в замечательном настроении! На небольшую прогулку перед завтраком как раз оставалось время. И, как специально, столкнулась с Глебом почти на том же месте, где вчера. Только в этот раз он уже поднимался по лестнице с пляжа.

— Смотрю, вы и с утра пораньше успели искупаться... — начала я, но в этот раз быстро исправились, — успели поплавать?

— Не понял, почему успел с утра? Я пошел плавать еще вчера с вечера... это вот возвращаюсь уже с утра, — от такого ответа глаза у меня слегка округлились.

— Вы что — плавали всю ночь? Но ночью темно — неужели вам не страшно?

— Страшно? Я не очень хорошо понимаю смысл этого слова. Что такое — «страшно»?

— Ну, неужели вам не страшно плавать одному ночью, в темноте? Вы совсем не боитесь утонуть?

— А что такое — «боитесь»? — снова спросил он. — Никак не могу представить это эмоциональное состояние. А как живой человек может утонуть, если он легче воды? Для этого надо специально выдохнуть весь воздух из легких. Но зачем это делать? Извините, совсем не понимаю...

Я заметила, что мы неспешно прогуливаемся по аллее. Это получилось как-то само собой. Завязалась беседа, и вот — мы общаемся, пусть еще плохо понимаем друг друга. Слева, оцетинившись иголками, огромные кактусы подслушивали наш разговор, справа — благоухали цветы на клумбах. Порхали бабочки. Ленивый серый кот развалился на траве и усердно занимался утренними процедурами.

— А вы плавали вдоль берега? В какую сторону? — спросила я, чтобы пауза не затянулась.

— Нет, просто плыл от берега подальше в море. Очень далеко, чтобы не было видно береговых огней. Такое привычное ощущение — почти как в космосе.

— Ничего себе! Вы были в открытом космосе? — удивилась я.

— А что такое — «открытый» космос? Разве космос может быть какой-то «закрытый»?

Ну вот опять... Нет, с этим человеком общаться просто невозможно! И угораздило же сесть за один столик. Никак не пойму — он все время прикалывается или серьезно говорит?! Но плыть всю ночь в темноте, в открытом море — ведь ни одному человеку в голову не придет!

На завтрак мы с Глебом пришли практически одновременно. Столик я решила не менять, села напротив и даже улыбнулась. Есть все-таки что-то привлекательное в моем странном соседе.

В этот раз он попросил официантку принести «такой же завтрак, что и девушке напротив, но только с коэффициентом два и пять, поскольку плыл всю ночь». Официантка от изумления открыла рот, но я быстро перевела ей с «глебовского» языка на русский.

— Спасибо за помощь, — сказал он. — А можно попросить вас еще об одном одолжении...

И в этот момент в дверях столовой возникла Галка. После явно бессонной ночи вид у нее был слегка помятый. Хотя темные очки додумалась нацепить. Я помахала рукой, и она плюхнулась за наш столик.

— Ты, смотрю, времени тоже зря не теряешь, — с ехидцей произнесла Галка, — а еще тихоней все прикидывалась. Познакомь-ка меня со своим молодым человеком.

Пока думала, что ей ответить, Глеб опередил: «А почему вы сказали, что я — Ленин?». От удивления брови Галки поползли вверх. «Ленин — в том смысле, что человек Лены, — продолжил он, — а разве у вас на Земле один человек может принадлежать другому? А почему вы сказали — молодой? Мне — тридцать пять лет, разве я уже не взрослый?». Смотреть на подругу без смеха не было сил, но тут Глеб совершенно спокойным тоном выдал заключительную фразу: «А вы точно уверены, что — человек? Мне показалось — у ва-

ших специалистов нет однозначного мнения в этом вопросе. Многие считают, что без участия Обитателей Космоса ребенок не смог бы выжить на Марсе».

Тут у меня в голове словно что-то взорвалось... Ну, Ленка, ты и отличилась! Как же я могла не узнать?! Это же — Глеб Ветров!!!

В Сети про него информации — выше крыши. Только, что — правда, что — байки, кто ж знает. Хотя, возможно, кто-то и знает, только таких, думаю, очень мало — у кого есть всякие допуски-пропуски к государственной тайне. Про его прибытие на Землю месяц назад трубили все новостные каналы. А где-то даже были митинги протеста: «Не пустим на Землю космического лазутчика!».

Глеб родился на марсианской научно-исследовательской станции. Первый ребенок, родившийся вне Земли. Его должны были привезти на Землю, но... Ему было три года, когда там что-то произошло. Орбитальный телескоп зафиксировал вспышку, возможно взрыв; связь со станцией прекратилась — ни единого сигнала, полная тишина в эфире. Спасательную экспедицию решили не посылать — сочли нецелесообразным, вряд ли кто-то мог уцелеть. Марсианскую станцию и так собирались закрыть — очередное сокращение бюджетных расходов на космические исследования. И вообще — зачем нам Марс, когда на Земле проблем невпроворот?

Впрочем, в СМИ еще долгие годы муссировались темы: «кто виноват в произошедшем?», «что делать?», ну и вечная — «есть ли жизнь на Марсе?». Помню, когда мне было лет пятнадцать, слышала интервью одного ученого — он очень образно описывал ситуацию: «Допустим, что они есть! Обитатели Космоса, Пришельцы — пусть не агрессивная, но определенно высокоразвитая цивилизация. И вот появляются люди... начинают то тут, то там вторгаться в установленный

порядок. Пусть слепо, но настойчиво, лезут, куда им не надо. Это всего лишь гипотеза, безусловно. Подтвердить ее фактами невозможно, марсианской станции давно нет. Но вот представьте, у меня на даче завелись мыши. Что я сделаю первым делом? Поставлю мышеловку! С одной стороны, живые существа, с другой — дача-то моя, а не их. Возможно, Обитатели Космоса посчитали, что, по каким-то им лишь ведомым причинам, людей еще рано пускать в космос. Ну и вообще, космос — это не их мир, люди в нем — чужаки, гости незваные. Тогда взрыв на марсианской станции — не случайность, просто мышей травят».

Следующая международная экспедиция на Марс стартовала почти через тридцать лет после взрыва. И обнаружила Глеба. Что там произошло и как он выжил — официальная версия даже на макароны для ушей не тянет. Вроде как его родители, пожертвовав собой, сохранили несколько отсеков пригодными для жизни. А дальше о мальчике заботилась система Искусственного Интеллекта. Опять всплыли слухи, что без пришельцев дело не обошлось. Человек самостоятельно вряд ли смог бы выжить в такой ситуации. Если Глеб вообще человек.

Глеба Ветрова долго держали в международном лунном центре, и только месяц назад на каком-то безумно высоком уровне было принято решение привезти его на Землю для адаптации в обществе. А ретро-санаторий «Звездный путь», если задуматься, самое подходящее место. Тем более, здесь он — всегда на виду. Легко обеспечить должный «присмотр» с помощью двух-трех научных сотрудников. Разумеется, в штатском.

Неужели Глеб — тот самый маленький беззащитный мышонок, который случайно уцелел? А что же Обитатели Космоса? Рука не поднялась прихлопнуть малыша... вот и вырастили? От таких мыслей холодок

побежал по спине. Человеческий детеныш, выросший на марсианской станции. Маугли из Космоса. И, оказавшись на Земле, он выбрал в друзья именно меня?! Или я его выбрала...

Разумеется, столик так и не сменила. На третий день Глеб стал делать заказы самостоятельно, а иногда пытался, по какой-то своей логике, угадывать и мои предпочтения в выборе блюд. Обычно говорливая и шумная Галка в столовой молчала как рыба. Пару раз поначалу она попыталась приколотнуться над Глебом, но, наткнувшись на непроходимую стену непонимания, потеряла к этому делу интерес. Хотя и не упускала возможности каждый раз после обеда буркнуть мне на ухо: «Странный он. Чудило, да еще и староват... Для такой замухрышки, как ты, может, и подходит, но я бы с таким ни за что!». За ужином и по вечерам я ее редко видела. Пару раз к нам за столик подсаживался странного вида мужчина. Белый, как снег, да еще и в костюме — серого цвета, в тонкую черную полоску, без галстука. Словно не на курорт отдыхать приехал, а на работу собрался. Кушал молча, но был весь во внимании, как только Глеб что-то произносил. Я всегда чувствовала себя неуютно в такие моменты. А Глеб его словно не замечал, даже не смотрел на него.

Я и Глеб. Друг напротив друга за столиком летнего кафе на берегу моря. Не первый час сидим рядом, так и не расставались сегодня с самого завтрака. Чайки перекрикивают шум прибоя. На землю спустилась прохладная тень, как только солнце спряталось за горами.

Глеб учится понимать мимику. Он говорит: «Ты — удивлена», — и пристально смотрит на мое лицо. Я стараюсь чуть преувеличенно изобразить удивление. Глеб внимательно приглядывается, потом пытается повторить. Попытки с пятой у него получается что-то похожее, но я все равно не могу не улыбнуться.

«Ты — думаешь, решаешь интегральное уравнение». Пытаюсь изобразить на лице работу мысли, хотя с математикой у меня всегда было плохо и что такое — интегральное уравнение — представляю слабо. На этот раз у Глеба почти получается с первой попытки. Наверняка ему виднее, как решать это уравнение.

«Ты — думаешь, размышляешь над устройством Вселенной». От удивления у меня брови идут вверх, а рот слегка открывается... Глеб тут же пробует скопировать меня. «Странно, когда ты думаешь не о частной, а о глобальной проблеме, выражение твоего лица ближе к удивлению. Ты удивлена, что Вселенная устроена так просто и так непостижимо?». Ну что ты будешь с ним делать? Иной раз такое ощущение, что с младшим братиком возишься. А иной раз... нет, об этом лучше вообще не думать.

Пошла вторая неделя, как я отдыхаю в санатории «Звездный путь»... Вторая неделя знакомства с Глебом. Теперь весь день проводим вместе. Пока только не решаюсь составить ему компанию на ночной заплыв.

— Глеб, а когда же ты спишь? — спрашиваю его.

— Если штиль, то можно плыть в полусне, там ведь думать особо не о чем. Потом небольшими промежутками, по десять-пятнадцать минут в течение дня перекключаюсь в режим сна. Можно попеременно давать отдых полушариям мозга. Просто... — Глеб делает небольшую паузу, — еще с детства приходилось очень глубоко в сон не погружаться.

Вчера гуляли после ужина, вдруг услышала за спиной нарочито громко сказанные слова:

— Смотри, смотри! Это ж Глеб Ветров со своей девушкой!

Первая мысль: «Ни фиги себе! Разве у Глеба может быть девушка? Ведь он же не такой, как все. Совсем другой... Внеземной, космический». А потом присты-

дила себя: «И как тебе не стыдно, Ленка! Это ведь твой друг. Наверное, единственный настоящий друг, с которым интересно и легко. А у него — вообще нет друзей, кроме тебя. Подумать только, он же самый одинокий человек тут. Мы все на Земле — дома. А он — пока еще в гостях».

Демонстративно выпрямилась, задрала нос поважнее и взяла Глеба под руку. Ну а потом все же не удержалась, обернулась и быстро показала говорившему язык. Мне кажется, Глеб это заметил. Потому что потом сказал мне: «Спасибо, Лена». За что спасибо, спрашивать не стала, ну и он не стал уточнять...

Однажды мы решили сходить в единственный местный ресторан — наверху, у автострады. С целью приобщения Глеба к земным традициям и обычаям. Вечная женская проблема — какое платье надеть? Спрашиваю Глеба:

— Как считаешь, мне больше идет сиреневый цвет или небесно-голубой?

— Лена, опять не понял — что я должен считать и куда идет цвет? И как цвет вообще может куда-то идти? — слушая его, невольно улыбаюсь. — Кстати, я плохо различаю цвета. Зато вижу в очень большом динамическом диапазоне. От редкого пучка фотонов и до протуберанцев на Солнце. Ну и в ближнем ультрафиолете тоже.

Вот о чем он сейчас? Ну как маленький, честное слово. У меня важная проблема — какое платье надеть, а от него — никакого дельного совета. Ведь я не просто в ресторан иду, а с самим Глебом Ветровым. На нас же там все пялиться будут, как чукчи на жирафа. Ну или как негры на пару пингвинов...

Бескрайнее звездное небо. Мне всегда казалось, если долго смотреть на звезды — они начинают приближаться. И ты словно оказываешься окруженной хороводом из звезд. Интересно, можно ли Глебу о та-

ком рассказывать или не стоит. Нет, он не поймет... сейчас еще не поймет меня. Никак не могу объяснить ему, что такое — «мечтать»...

Из ресторана возвращаемся в санаторий поздно ночью. Совсем ничего не вижу перед собой и спотыкаюсь на первой же ямке. Глеб крепко берет меня за руку. Инстинктивно вздрагиваю — конечно, мы друзья, но... Ведь никто не знает — кто он на самом деле? Глеб сразу отпускает мою руку. Думаю, он все понял. Мои щеки заливают горячий румянец, становится безумно стыдно. Кого испугалась, Ленка? Своего друга? Вот представь, что он — воздушный шарик, а ты — единственная тоненькая ниточка, которая только и удерживает его на Земле. У него же здесь никого нет, кроме тебя...

Сама беру его за руку, стараюсь идти совсем рядом. Шаг в шаг, доверчиво прижавшись плечом к его плечу. Такая теплая, сильная мужская рука. Все девчонки мечтают, чтобы у них был парень — один на тысячу. Самый лучший. А я иду за руку с парнем — который вообще один такой в этом мире. Да, Ленка, ты и влипла в историю...

— А ты, правда, сейчас все видишь как днем? — спрашиваю нерешительно. А что, если Глеб почувствует мое волнение?

— Нет, конечно! Видимость — процентов пять от нормы, — отвечает он спокойным тоном. Небольшая пауза... и вдруг:

— Лена, я тут — чужак, но не совсем идиот. Все хотят задать мне один вопрос, но спрашивают о чем угодно, только не об этом. Впрочем, на тот самый вопрос и не ответил бы — это никого не касается. Если не считать моего единственного друга. Тебя. Можешь спросить — кто я, что здесь делаю и на чьей стороне. Спрашивай — отвечу...

У меня все поджилки внутри задрожали, в горле сразу пересохло, и страх ледяной иглой кольнул

в сердце. Сама не знаю, как все же решилась задать этот вопрос. Глеб ответил... а что такое — «врать», он ведь не знает.

Раннее утро, неожиданный нетерпеливый стук в дверь — кого это так рано принесло? Галка поспыивает на соседней кровати, вернулась поздно, завалилась прямо так — в дискотечном топе, мини-шортах и кроссах на танкетке. Вся подошва в песке. Ага, небось, шлялась по пляжу всю ночь. Как она это называет — «встречала закат до рассвета». Снова стук. Нехотя одеваюсь, иду открывать.

Меня попросили зайти к главному врачу санатория. И на кой фиг я ему сдалась? Но до завтрака еще успею.

В кабинете, кроме главврача, был еще один мужчина — сразу мне не понравился, «жук» какой-то. По его кивку главврач вышел, и мы остались наедине.

— Елена Алексеевна, — «жук» смотрит на бумагу перед собой, краем глаза замечаю — там моя фотография и, похоже, какая-то анкета. — У нас... — слово «нас» он выделяет особо многозначительным тоном, — есть к вам большая просьба. Вы не могли бы каждый вечер уделять так полчаса... чтобы сделать небольшой отчетик, о чем вы днем разговаривали с Глебом. В интересах науки... — «жук» покусывает губы, подбирает нужные слова, поглядывает исподлобья. — Видите ли, до сих пор со всеми, кроме вас, он был крайне неразговорчив. Ну и потом. Только это — строго секретная информация. Генетически — он человек. И не просто человек, а однозначно — сын своих родителей. Но вот психологически, и даже физиологически... тут есть открытые вопросы... — «жук» делает долгую паузу.

— Известно, что человек в вакууме сохраняет сознание десять, максимум пятнадцать секунд. Другое дело, что даже после полутора минут его можно вернуть к жизни. Но в сознании — только десять секунд. С одной стороны, этого времени может хватить, что-

бы в космосе без скафандра перейти из одного отсека в другой. Но с другой стороны... ни одному человеку такая мысль и в голову не могла бы придти. А Глеб это несколько раз делал... по его словам — для тренировки. Для тренировки — к чему? Зачем? Откуда такие идеи? Поймите, для всех людей Земля — родной дом. А Глеб здесь — вроде как в гостях. И, строго между нами, это еще в лучшем случае, если просто в гостях...

— Вы хотите, чтобы я каждый вечер писала доносы на своего друга? — спрашиваю у «жука». При этом стараюсь смотреть на него так, как обычно Глеб смотрит на всех — невозмутимо, изучающе.

— Елена Алексеевна, вы не совсем правильно формулируете нашу просьбу. И потом... вы не боитесь, что этот отказ может в дальнейшем иметь определенные последствия?

— А что такое — «боитесь»? — спрашиваю у «жука» невозмутимым тоном Глеба.

Разговор еще некоторое время продолжался в том же ключе — словно изматывающий теннисный матч, в котором ни один из соперников не хочет уступить другому. В результате все окончилось отнюдь не дружеской ничьей. Я встала, попрощалась и ушла на завтрак. Глебу про этот разговор ничего рассказывать не стала.

Я решилась!

Какой же это кайф! Сложно описать словами. Теплая вода, словно бархат, ласкает кожу. Второй час ночи, а мы плывем с Глебом... в полной темноте. И совершенно не важно, где сейчас берег. Если взглянуть вверх — над нами мириады звезды. Укрыта легкой серой дымкой облаков Луна. Ночное небо и море — это Вселенная, но ведь в ней можно и утонуть. От таких мыслей предательски сжимается сердце. Успокойся, Лена, чего ты испугалась? Ведь рядом Глеб, а значит, можно ничего не бояться.

Всего три недели назад мы были совсем чужими, а сейчас кажется, что нет более близкого человека. Словно стеклянная стена непонимания, которая нас разделяла, вдруг рассыпалась на мелкие осколки...

Глаза чуть прикрыты, тело — расслабленно. Рядом Глеб качается на волнах. Он в полусне, и мне вдруг представляется, что это ребенок спит в колыбели. Космический ребенок наконец-то в земной колыбели. Почти с умилением рассматриваю его четкий профиль, безмятежное выражение лица. Ничего удивительного — ведь он вырос при пониженной гравитации, и сейчас, на Земле, ему комфортнее именно в воде. А мне... так хорошо вместе с ним. И хочется сказать ему такие важные слова: «Ты никогда больше не будешь одинок!». И вдруг, неожиданно для себя самой, прижимаюсь к нему и целую в губы...

На завтрак Глеб не пришел. А меня опять пригласили к главврачу. За столом сидел хорошо знакомый «жук». И сердце сжалось в нехорошем предчувствии.

— Елена Алексеевна. Видите ли, тут возникла совершенно непредвиденная ситуация. И без помощи Глеба — никак. Его даже не пришлось просить, он сразу согласился. В общем, ему пришлось очень срочно собраться. Вот это он просил передать вам, — «жук» протягивает запечатанный конверт. Руки трясутся, когда вскрываю его. Там — знакомый кулон с «мигалкой», который всегда был на шее Глеба.

— Глеб очень просил вас всегда носить этот кулон. Там датчик позиционирования — чтобы он смог вас сразу найти, если... — в этот момент «жук» выглядит и говорит как нормальный человек, а не как «официальное лицо», — если... в смысле — когда вернется.

Обо всем я узнала позже. Проревела весь день в подушку, задыхаясь от слез и переживаний. Кое-как взяла себя в руки и заснула под холодный душ. К вечеру из зеркала в ванной на меня смотрела опухшая,

с красными, как у кролика, глазами Ленка. И никакая не фантазерка, нисколько не «прошлый век», а обычная девушка, которая еще вчера держала за руку самую невероятную, самую несбыточную мечту. А сегодня — ее уже нет.

На следующий день все новостные ленты пестрили яркими заголовками. «Трагедия на межпланетной исследовательской станции «Азура». «Оливия Фаэнтон, дочь президента Бразилии, жива. Пока еще жива». «Шансы на спасение экипажа «Азуры» минимальны». «Самая красивая девушка Земли — гибнет в космосе». «Последнее онлайн-обращение Оливии — слова со слезами на глазах». «Взрыв на «Азуре» — трагическая случайность или очередное предупреждение землянам?!». Ну, и наконец: «Единственная надежда Земли — марсианин Глеб Ветров».

Банально простая арифметика. На спасательном шаттле, который готов к вылету, — всего шесть мест. Команда — как минимум три космонавта. Итого — остается три свободных места. На гибнущей космической станции — пять человек. Шаттл забирает троих, два оставшихся — смертники. Бросать жребий?

Чтобы спасти всех, в вылетевшем шаттле может быть только один космонавт. Но он должен уметь все на свете! А это может только тот, у кого в детстве вместо игрушек и детских книжек были только программируемые роботы и тысячи страниц технической документации.

Но самое главное — даже не это. Стыковочный узел поврежден. Створку аварийного шлюза заклинило, в узкую щель человек в громоздком космическом скафандре протиснуться не сможет. Нужно выйти без скафандра в открытый космос, пусть всего и на считанные секунды. Ни один человек с этим не справится, даже не решится на это.

В такой безысходной ситуации есть только один призрачный шанс. Угадайте ответ, даже даю подсказку — в этом слове всего четыре буквы.

Глеб! У тебя будет всего десять секунд, пока не потеряешь сознание. И как я буду дальше жить одна... без тебя?!

Яркая зелень газонов, клумбы, пальмы и кактусы — все потеряло для меня цвет. Мир выглядел черно-белой плоской картинкой, еда была безвкусной, даже слова, которые при необходимости произносила, звучали монотонно, без интонаций. Хотелось поскорее уехать из санатория, но до конца путевки оставалось три дня. Мне повезло — нашла укромное местечко на камнях у скалы, куда обычно никто не заходил. Там и просидела днем, возвращаясь в номер только, когда стемнеет.

— Ленка, ну ты даешь — совсем гордость потеряла, за парнем так страдать! — ворчала Галка.

Не было сил что-то ответить ей. Вообще не хватало сил выражать хоть какие-то эмоции. Лицо словно окаменело. Наверное, мой взгляд был настолько пронзителен, что Галка больше и не пыталась со мной заговорить.

После санатория я вернулась домой всего на неделю — до того, как начнутся занятия в универе. Мобильник зазвонил часа в три ночи. Номер не определился, и даже голос узнала не сразу.

— Елена Алексеевна. Извините за столь поздний звонок. Всех деталей даже я не знаю, но вряд ли это сейчас так важно. Никто не верил, но у него — получилось! Он возвращается... точнее, они возвращаются... все живы. Думаю, подробности будут завтра по новостным каналам.

Небольшая пауза, только частое дыхание невидимого собеседника в трубке.

— Он просил передать вам несколько слов, если... ну, если у него не получится. Но теперь сможет все вам сказать сам... не так уж много и ждать осталось.

Этот ролик на ю-тубе посмотрели потом несколько миллиардов человек. Наверное, все, у кого есть интернет, и мои папа с мамой — не исключение. Только у меня так и не хватило духа ни тогда, ни потом нажать на кнопку «просмотр». Я чуть не потеряла сознание за ужином, когда они стали обсуждать невероятное спасение Оливии Фаэнтон и еще четырех человек с «Азуры». Оказывается, все пошло не так гладко, и только на двадцатой секунде Глеб смог закрыть шлюз. А ведь у него было всего десять секунд...

— Нет, он — какой-то монстр, — сказал папа.

— И зачем его только на Землю привозили? — подержала мама.

— Его нельзя пускать к людям, в общество. А вдруг у него в желудке сидит этот... Чужой? И не человек он совсем. Никакой человек не способен на такое.

Я расплакалась. Вспомнился разговор, когда мы гуляли по мокрому песку вдоль линии прибоя:

— А ты, правда, выходил в космос без скафандра? Сколько тебе тогда было лет? Или ты не хочешь вообще говорить на эту тему?

Глеб непроизвольно стискивает мою руку, очень больно. Есть вещи, о которых он не хочет говорить, но и не ответить мне он не может.

— Выходил. Несколько раз. Первый раз еще ребенком — просто так было нужно. Потом — чтобы знать, что можешь это снова сделать, когда понадобится. В самый последний момент надо сделать глубокий выдох. Выдохнуть весь воздух из легких. И нужно очень точно контролировать время — ведь у тебя есть всего десять секунд...

Даже начало занятий в универе не могло отвлечь от постоянных мыслей о Глебе. Мне казалось, я все еще живу там — в санатории «Звездный путь». По распорядку — с полдевятого до десяти завтрак, с часу дня — обед, на ужин надо попасть до семи ве-

чера. И с утра до позднего вечера мы постоянно вместе. И говорить друг с другом можем вечно. Изю дня в день я мысленно общалась с Глебом. Объясняла ему, как это «ветер дует, а воздух стоит», выбирала для него — какую книгу прочесть, а потом он — проглотив ее буквально за день — делился со мной впечатлениями. Иногда очень необычными. Это был мой вымышленный мир, о котором никто не знал. И все чаще ловила себя на мысли, что хочу в нем и остаться. Навсегда.

Галка прислала мессагу:

— Думаешь, он тебя вспомнит? Теперь любую телку может выбрать, а не такую замухрышку, как ты. Герой, блин, межпланетный. Их фото под ручку с Оливией на Луне на всех каналах отсвечивают. Следующий президент Бразилии, не хухры-мухры.

А я, влюбленная дура, написала в ответ:

— Мне пофиг. Пусть женится на этой бразильской телке и свалит с ней на свой вонючий Марс.

Хорошо, что она ничего не ответила.

Был хмурый осенний денек, похожий, как брат-близнец, на вчерашний. Обложное небо, серый город. Безнадега. На последней лекции уже начала клевать носом, когда вдруг с улицы донесся нарастающий звук, вскоре превратившийся в надсадный рев. Все высыпали из здания.

Едкий запах дыма и гари... длинные параллельные черные полосы на асфальте... накренившиеся в разные стороны высокие ели... опаленные, почерневшие керамические плитки на обшивке шаттла, замершего прямо у входа в центральный учебный корпус.

У меня перехватило дыхание, потемнело в глазах... весь мир остановился. Одна секунда, две, три — пять... пронзительной тишины. И потом вновь все завертелось, загудело. Шум, разговоры, возгласы, стук и грохот. Люк шаттла по-черепашьи медленно открылся.

Глеб! Ну вот что мне с ним делать?! Ведь взрослый мужчина, но иной раз — прямо как дите неразумное себя ведет. Не знаю, способен ли еще кто-то приземлить лунный шаттл на небольшой центральной площади студенческого городка. Но вот придти в голову — такое только одному человеку могло. Да, человеку! И я — единственная, кто это знает совершенно точно.

Несколько шагов по тротуарной плитке и десять ступеней до входа в здание. Глеб медленно шел, стараясь ступать уверенно и держать спину прямо... но после месяца в невесомости даже у него это получалось плохо.

Ноги не слушались меня, не было сил сделать хотя бы один шаг навстречу. Казалось, когда он был в космосе, а я здесь — на Земле, нас разделяло куда меньшее расстояние, чем сейчас.

Я стояла как столб... дура принцессанутая... и смотрела, как он поднимается. Мой звездный рыцарь без страха и упрёка. И все расступались перед ним. Мысли бросились врасыпную, собрать их никак не получалось. Единственная мысль в голове — как я сейчас выгляжу в ближнем ультрафиолетовом диапазоне?

Глеб подошел ко мне, взял за руку. Он сильно изменился, или просто давно его не видела.

— Знаешь, я уже научился хорошо различать цвета, — в его голосе какие-то новые, теплые нотки. — Теперь точно знаю: тебе больше идет синий цвет, ведь в твоих глазах — синева земного неба.

Еле сдерживаю слезы и ничего не могу ему ответить. Только уже улыбаюсь.

— Вот явился, не запылится, — он улыбается в ответ, как его учила. — Вернулся домой, чтобы просить руки у лучшей девушки на Земле. Хотя не понимаю точного смысла этой фразы, — в темно-карих глазах проскакивает веселая искорка. — А все остальное, кроме одной руки, — ни на фиг не нужно, что ли? ☹

О «новой волне» и спекулятивной фантастике

Дэн Шорин

Тульский писатель, потомок И. С. Тургенева. Родился в Тульской области, там же и прожил большую часть своей жизни. Писать начал еще в школе. Относится к «сетевому поколению» фантастов, вышедших из сетевых конкурсов. Публиковался во многих журналах: «Если», «Шалтай-Болтай», «Порог» и многих других; в сборнике рассказов «Фэнтези 2005/2», в пяти сборниках «Аэлита». В настоящее время работает в логистической компании.

Фантасты и примкнувшие к ним критики любят рассуждать о волнах. Речь, разумеется, идет не о природном явлении, раз за разом набегающем на берег под действием лунного притяжения. И даже не о световых волнах, что было бы вполне логично для твердой НФ. Предметом рассуждений становятся волны в фантастической литературе.

Говорить о волнах, в общем-то, нормально. Сменяются поколения, традиционный конфликт отцов и детей переносится в литературную плоскость, подросшие отпрыски принимают и отвергают наследие родителей. Парадокс в том, что, когда речь идет о западной фантастике, волны четко ранжируются методологией написания текста, тогда как в контексте отечественной фантастики о волнах говорят, характеризуя эпохи, а не школы. Впрочем, отечественная фантастика в рамках тематики данной статьи нас мало интересует. А вот западной стоит коснуться подробнее.

Хотя корни научной фантастики относят к Эдгару По и Жюльо Верну, массовую популярность она приобрела только в начале XX века в Америке. Это было низкопробное развлекательное чтение, правопреемник комиксов, где были нарисованы похождения спасающих мир супергероев. Впрочем, тогда было время, насыщенное войнами и революциями, эпоха неравенства и витавшей в воздухе агрессии, когда читатели бежали от социальных проблем, с головой окунаясь в вымышленные миры. Но даже та фантастика, вышедшая из комиксов, была социальной. Научно-технический прогресс уже стал обыденностью, люди осознали, что лучшая жизнь возможна. Читая фантастику, они заглядывали в счастливое будущее. Казалось, что до воздушных замков всего один шаг, стоит только убрать суперзлодеев, стоящих на пути прогресса, и жизнь кардинально изменится.

Это была эпоха великого слома, и писатели-фантасты играли в ней не последнюю роль.

Так сложилось, что американская фантастика формировалась вокруг жанровых журналов. Например, отец американской фантастики Хьюго Гернсбек, в 1915 году впервые употребивший термин *science fiction*, за свою жизнь был издателем не одного десятка журналов. Но количество редко переходит в качество, и прорыв пришел с другой стороны.

В октябре 1937 года главный редактор американского журнала «Astounding Stories» Фредерик Орлин Тримейн ушел на повышение, оставив свое место Джону Кэмпбеллу. В тот день, когда Кэмпбелл вошел в свой новый кабинет, начался золотой век американской научной фантастики. Этот харизматичный молодой человек смог перевернуть представление о *science fiction*. Фундаментом, на котором строилось понимание фантастики Кэмпбеллом, была концептуальность. Грубо говоря, он определил для фантастики новые стандарты: теперь она строилась не на саспенсе, а на логически выстроенном фантадопущении; ее идейность в полной мере заменила развлекательную функцию. В марте 1938 года «Astounding Stories» меняет название на «Astounding Science Fiction», примерно в то же время журнал начинает сотрудничать с такими фантастами, как Роберт Хайнлайн, Айзек Азимов, Альфред ван Вогт, и сразу же становится лучшим изданием жанрового цеха, оказавшим ключевое влияние на развитие фантастики во всем мире.

В 40-е годы у Кэмпбелла не было конкурентов, но уже в 50-х появились такие журналы, как «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Galaxy» и «If», которые несколько видоизменили кэмпбелловскую модель. Сохраняя идейность фантастики, они попытались сделать ее чуть более литературной.

На непростых взаимоотношениях фантастики и литературы стоит остановиться подробнее. Хочу сразу сказать, что фантастика — это не литература, а литература — не фантастика, речь идет всего лишь о взаимно пересекающихся множествах.

Литература пришла в этот мир вместе с Гутенбергом. Как и печатный станок, литература содержит в себе литеру, некий сокрытый шаблон, раз за разом отпечатывающийся на бумаге. И морфология здесь на вторых ролях, литературу определяет не наименование, а способ восприятия текста. До Гутенберга текст слушали — слишком большой ценностью была рукописная книга, чтобы чтение стало хотя бы относительно массовым. Почти все догутенберговские художественные тексты вышли из устного творчества, следовательно, считаться литературой не могут. Гомер — не литература, Эзоп — не литература, Шекспир — не литература. От этого их творения не становятся хуже, просто следует понимать, что они — другие, и рассчитаны не на читателя, а на слушателя или зрителя.

Фантастика же возникла намного раньше. Эпос о Гильгамеше, созданный в XXII веке до н. э., это уже фантастика. Не литература, но фантастика, миф здесь перемешан с жизнью реально существовавшего правителя. «Невероятные приключения по ту сторону Туле» Антония Диогена тоже фантастика, чего стоит одно пешее путешествие героя на Луну!

И вот в середине 50-х годов прошлого века впервые стала популярна мысль, если не совместить фантастику с литературой, то хотя бы использовать все наработки последней при создании фантастического произведения. «Astounding», придерживавшийся классических позиций, стал терять свой авторитет, однако оставался одним из ведущих американских журналов. Но баланс между «научной» и «литературной» фанта-

стикой не мог существовать продолжительное время. Решающий камень на чашу весов бросил Майкл Муркок. Журнал «New Worlds», в котором он был главным редактором, стал колыбелью целого поколения писателей-фантастов, которые называли себя «Новой волной». Кроме Муркока к «Новой волне» относят Брайана Олдисса, Джона Браннера, Джеймса Балларда, Баррингтона Бейли в Великобритании и Филипа Фармера, Роджера Желязны, Филипа Дика, Томаса Диша, Роберта Силверберга, Сэмюэла Дилени и Харлана Эллисона в США.

Что же выбросила «Новая волна» на берег?

Первое и самое главное изменение философии фантастики заключалось в том, что вместо идеи эта фантастика стала исследовать людей. Твердую НФ с лидирующих позиций вышибла фантастика мягкая, гуманитарная, попятившаяся в сторону фэнтези и мейнстрима. Кстати, «Новая волна» отличалась еще и смелыми экспериментами со стилем, именно эти авторы первыми коснулись таких «запретных» тем, как секс, наркотики, человеческое подсознательное. В то же время для авторов «Новой волны» характерен скептицизм по отношению к возможностям как науки и техники, так и человека.

Стоит отметить, что примерно в то же время впервые заговорили о фэнтези.

Когда в 60-х годах прошлого века «Властелин колец» вышел в мягкой обложке и развернулась «толкиеномания», издатели тут же стали искать произведения, которые можно было бы продать под логотипом «Роман в духе Толкиена» или «Новое Средиземье». Тут же вспомнили Говарда с его Конаном, сюда же приписали Льюиса с совершенно детской Нарнией. Достали из пыльных папок написанного Баумом еще в 1900 году «Волшебника страны Оз», откопали изданный в 1958 году роман Теренса Уайта «Король

былого и грядущего». И все вместе это называли «фэнтези».

Синхронное появление «Новой волны» и возникновение жанра фэнтези столь же случайно, как и появление луны одновременно с приливами, — в обоих случаях отчетливо прослеживается причинно-следственная связь. Дело в том, что «литературность» британской «Новой волны» заключалась в том, что авторы, презрев сюжет, стали во главу угла ставить героя. Например, тот же Муркок, взяв за основу мир Конана, начал писать новую сагу, изменив до неузнаваемости протагониста. Теперь вместо мускулисто-го Варвара по просторам шаблонного мира странствовал худощавый подросток-альбинос — Эльрик из Мелнибонэ. В остальном же «Новая волна» в исполнении Муркока мало чем отличалась от старой «конины».

Проблема была в том, что, соединяя фантастику и литературу и максимально дистанцируясь от традиционной научной фантастики, Муркок выдавливал писателей в сторону фэнтези и мейнстрима. Терялась идентичность фантастики, и с этим надо было что-то делать. К счастью, по другую сторону Атлантического океана сохранились более консервативные представления о фантастике.

Термин «speculative fiction» («спекулятивная фантастика»), хотя некоторые отечественные критики предпочитают переводить его смешным выражением «умозрительная фантастика» или слишком общим термином «фантастика литературная»), ввел в обращение Роберт Хайнлайн еще в 1947 году. Сначала Хайнлайн использовал его как синоним научной фантастики, однако потом расширил определение жанра. С точки зрения Хайнлайна, к спекулятивной фантастике могут относиться все жанры фантастики, за исключением фэнтези.

Суть этого жанра, как легко догадаться, заключается в спекуляции. Исторической, технической, научной — список можно продолжать долго. Спекулятивная фантастика вносит в живущий по жестким правилам мир — реальный или близкий к реальному — некий фантаэlement, и смотрит, что в результате получится. Потому за рамки спекулятивной фантастики и выходит фэнтези, ведь в последней весь мир — плод вымысла автора, и спекулировать на каком-либо конкретном элементе здесь проблематично.

Введение понятия о спекулятивной фантастике позволило сохранить наследие кэмпбелловской эпохи — идея по-прежнему оставалась в центре произведения, вот только теперь понятие идеи расширилось, трансформировавшись в «спекуляцию». По сути, спекулятивная фантастика — это нечто среднее между традиционной фантастикой и литературой, написанной по законам мейнстрима. Именно она позволила фантастам «золотого века» не раствориться в «Новой волне».

Но ничто не вечно под этим небом. Ярый сторонник научной фантастики Айзек Азимов однажды сказал: *«Я надеюсь, что, когда «Новая волна» сдаст свою пену на хранение и отступит, огромный и твердый берег научной фантастики появится еще раз»*. Слова мастера обрели материальность в начале семидесятых. «Новая волна» отхлынула, забрав вместе с собой и спекулятивную фантастику. Конечно, какие-то изменения произошли. Были разрушены стереотипы. Не осталось табуированных тем. На песчаном пляже среди обкатанной прибоем гальки притаились первые семена киберпанка. Вот только концепция, что фантастика должна быть литературной, не выдержала испытания временем. «Литературщики» ушли в мейнстрим или в фэнтези, их имена покрылись пылью.

В нулевые годы спекулятивная фантастика вернулась. В моду вошла новая проблематика: ЛГБТ-тематика, феминизм, темы, связанные с гендерным самоопределением. Но у авторов, работающих в этом направлении, возникла одна маленькая проблема (рассматривать их большие проблемы я, пожалуй, не возьмусь). Дело в том, что все они до омерзения серьезны. И им хочется, чтобы поднятые ими вопросы рассматривались как минимум на уровне спасения мира. Но беда в том, что мир спасают в каждом третьем фантастическом романе. И опять возникла потребность дистанцироваться от фантастики, и опять из старых сундуков была извлечена «speculative fiction». Очередная волна была не меньше предыдущей. В ведущих фантастических журналах в требованиях к принимаемым материалам появились строки, что редакция хочет видеть у себя на страницах спекулятивную фантастику. Киберпанк, занимавший в конце прошлого века непоколебимые позиции, тихонько умер в своей любимой подворотне, прижав к груди персональный компьютер. Но время незаметно уходит. И вот на дворе десятые годы, словосочетание «speculative fiction» как-то незаметно исчезло со страниц журналов, и о нем напоминает только местами проскальзывающее заявление, мол, нас не интересует «фантастика идей» в чистом виде, мы предпочитаем «истории о людях».

История спекулятивной фантастики несет в себе как минимум две морали. «Благими намерениями устлана дорога в безвестность» и «Если хочешь остаться в истории — гребь против волны; когда она отступит, ты окажешься далеко впереди». А самое главное, драгоценный писатель, не бойся спекуляций. В тот миг, когда вокруг тебя сложилось унылое засилье большой литературы, новизна идей выделит тебя из серой массы мейнстримщиков и твой талант засияет всеми гранями.

г. Тула, Россия

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ								73413				
на журнал								(индекс издания)				
Уральский следопыт. uralstalker.com												
на 20__ г. по месяцам									Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
Кому												
(фамилия, инициалы)												
			Доставочная карточка									
ПВ	место	литер						на журнал		73413		
(Индекс издания)												
Уральский следопыт. uralstalker.com												
Стои- мость		подписки		__руб. __коп.				Кол-во компл.				
		переед- ресовки		__руб. __коп.								
на 20__ г. по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
Кому												
(фамилия, инициалы)												

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.